

ГОВОРIT ЧЕРНЫЙ ЛОСЬ

История жизни святого мужа из племени оглала сиу

Передана Джоном Г. Нейхардтом (Пылающей Радугой)

*Все, что есть доброго в этой книге - дань
Шести Праотцам и великим мужам моего
народа.*

Черный Лось

I. ПОДНОШЕНИЕ ТРУБКИ

Друг мой, ты хочешь, чтобы я поведал тебе историю своей жизни. Я готов сделать это. Но будь это только история моей жизни, думаю, я не стал бы ее рассказывать. Ибо что такое человек, чтобы ставить высоко годы своих зим, даже если зим этих накопилось столько, что они согнули его под толщей тяжких снегов? Так много людей уже прожили и еще проживут свою жизнь, и в конце концов прорастут травой на холмах.

Мое слово будет о самой сути жизни, которая священна, и о ней славно рассказывать. Это слово - о двуногих существах, которые живут в единстве с четвероногими, пернатыми и миром растущей зелени. Ведь все они - дети одной матери и одного отца.

Вот почему мой рассказ - не о прославленном охотнике, великом воине или путешественнике, хотя за свою жизнь я немало поохотился, сражался за свой народ, будучи юношей и мужем, странствовал далеко, повидал дивные страны и необычных людей. Однако то же проделали многие другие, и гораздо лучше, чем я. Об этих вещах, конечно, я буду вспоминать, и временами покажется даже, что именно им посвящен мой рассказ - ведь я глубоко пережил все это, испытал радость и горе. И все же сейчас, взирая на всю прошедшую жизнь словно с вершины одинокого холма, я понимаю - она была историей могучего видения¹, однажды посланного человеку, слишком слабому, чтобы воплотить его в жизнь. Она была историей священного древа², которое должно было расцвести в сердце народа, подняв ветви с поющими птицами; а ныне иссохло. Она была историей мечты народной, которая погибла в кровавом снегу.

¹ Видение - по представлениям многих племен американских индейцев, откровение, полученное во сне, во время молитв, имело решающее значение в жизни. По нему определялось дальнейшее поведение человека, предсказывалась судьба племени. Для юношей, достигших совершеннолетия, считалось обязательным приобрести собственное видение. Они отправлялись подальше от лагеря, и в уединении постились и молились несколько дней подряд, стараясь вызвать видение. Главной частью видения был дух-покровитель в образе какого-нибудь животного, птицы, иногда предмета или мистического человека. Это видение и дух-покровитель становились талисманом индейца, охранявшим его в дни мира и войны.

² Священное древо - в космологии индейцев оглала, как и у многих других первобытных народов, мир представлялся в виде плоского круга, который символически обозначается обручем; в центре его находилось Священное древо, отмечавшее центр мира. Оно символизировало акт творения, плодородия, процветание народа (если оно зеленело) и наоборот, упадок (если оно засыхало). Разорванный священный круг символизировал упадок мира.

Но я знаю - видение было истинным и могучим, а значит, оно сильно и поныне, ведь оно даровано духом; это люди сами теряют его по слепоте своей.

Я понимаю, что своим рассказом совершаю доброе дело. Но доброе дело человеку не под силу совершить в одиночку. Поэтому прежде всего я обращаюсь к Великому Духу и сделаю ему подношение. Пусть он поможет мне быть правдивым. Видишь - я набиваю эту священную трубку³ ивовой корой; но прежде чем мы раскурим ее, тебе надо понять, как устроена трубка, и что она означает. Четыре ленты, свисающие с мундштука, обозначают четыре стороны света⁴. Черная лента - это запад, где обитают духи грома, посылающие дожди. Белая лента - север, откуда приходит белый очистительный ветер. Красная означает восток, откуда зарождается свет, где живет утренняя звезда, дающая людям мудрость. Желтая лента - юг, откуда приходят лето и животворные силы роста.

Но духи четырех сторон света на самом деле лишь один Дух, и вот это орлиное перо обозначает его. Этот большой Дух словно их отец; перо означает еще людей, которым должно парить высоко, вместе с орлами. Разве небо - не отец, а земля - не мать нам, и все живущее - кто летает, ходит, прорастает корнями, - не их дети? А этот кусок бизоньей шкуры, которым обернут чубук, символизирует землю. Ведь от нее произошли мы все. От ее груди питаемся мы, словно дети, всю свою жизнь вместе со всеми животными, птицами, травами и деревьями. Вот из-за того, что трубка обозначает все эти вещи, и еще то, чего не дано человеку постигнуть умом своим - из-за этого она священна.

Есть предание о том, как впервые пришла к нам трубка. Давным-давно, говорят, двое разведчиков⁵ выслеживали бизонов. Поднялись они на вершину высокого холма и посмотрели оттуда на север. Там далеко на горизонте показалась маленькая точка. Когда она стала ближе, разведчики воскликнули: «Женщина!» Да, это действительно была женщина. Тогда у одного из разведчиков, легкомысленного человека, зародились в голове недобрые мысли и он высказал их вслух. Но друг предостерег его: «Это священная женщина; выбрось из головы все недобрые мысли». Женщина подошла совсем близко, и разведчики увидели, что на ней прекрасное белое замшевое платье из оленьей кожи. Волосы у нее были очень длинные, а сама она была молода и очень красива. Она прочла все их мысли и произнесла певучим голосом: «Вы не знаете меня, но если хотите сделать то, о чем думаете, подойдите». И тот глупый разведчик подошел к ней. Но едва он приблизился, его вместе с женщиной окутало белое облако. Молодая красавица вышла из облака, и когда оно рассеялось, от неразумного остался один скелет, кишачий червями.

Тогда женщина обратилась к его спутнику: «Ты пойдешь домой и расскажешь людям, что скоро я приду к ним. Пусть они возведут в центре земель своего племени большой типи⁶ для меня». Испуганный человек поспешил домой и рассказал обо всем, что видел. Люди сразу же сделали то, что им приказали, и, собравшись вокруг типи, стали ожидать появления священной женщины. Через некоторое время она появилась, и подходя к типи, запела:

³ Трубка - трубка и табак имели у индейцев обрядовое значение. Раскуриванием священной трубки сопровождалось прекращение конфликтов между племенами, предварялись и сопровождалось различные обряды, связанные как с военной, так и с мирной жизнедеятельностью.

⁴ Четыре - магическое число у индейцев (Ср. Четыре стороны света, четырехкратные обращения к духам, четырехкратные действия и повторы строк в молитвенных песнях). Символика, связанная с каждой из сторон света, имела у степных племен весьма развитый характер.

⁵ ...Разведчики - у степных племен, хозяйственный цикл которых зависел от передвижения бизоньих стад, для поисков и наблюдения за бизонами направлялись специальные следопыты.

⁶ Типи - от «ти», жить и «пи», использовать для - (дакота) коническое жилище кочевых индейцев американских степей. Типи из бизоньих шкур сооружались примерно из 20 шестов длиной в 25 футов, которые устанавливались по кругу, а наверху связывались ремнями. На покрытие одного типи шло примерно 15-18 шкур. Снаружи украшалось обрядовыми изображениями - сценами из жизни и боевых подвигов владельца. Вход чаще всего располагался с восточной стороны, поскольку восток символизировал жизнь и тепло.

Живым дыханьем иду я
И посылаю пророческий голос,
Священной походкой ступаю
И видимый след оставляю,
Священной походкой ступаю...

Женщина пела, и из уст ее струилось белое облачко, приятное на запах. Потом она что-то дала вождям. Это была трубка, с вырезанным на ее конце теленком бизона, что обозначало кормящую нас землю. А с мундштука свисали 12 орлиных перьев, которые означали небо и 12 месяцев-лун. Перья были связаны между собой прочной травой. «Смотрите, - воскликнула женщина, - эта трубка принесет вам счастье и процветание, одно лишь добро будет исходить от нее. О ней должны заботиться лишь руки доброго человека, злые же вовсе не увидят ее». Потом она вновь запела и вышла из типи. Люди смотрели ей вслед - и вдруг женщина превратилась в белую бизоницу⁷, которая, пофыркивая, помчалась прочь и вскоре совсем скрылась из виду.

Так рассказывают люди. Не знаю - было ли это на самом деле или нет; но поразмыслив, видишь, что все здесь правда.

Вот я разжигаю трубку, и после того, как я поднесу ее всем четырем силам, которые вместе составляют одну Силу, мы с тобой раскурим ее. Предлагая трубку сначала Великому Духу, я возношу ему такую молитву: «Хей-хей! Хей-хей! Хей-хей! Хей-хей! Праотец наш, Великий Дух, ты вечен, ты начало всему в этом мире. Все, что ты видишь, все вокруг создано тобой. Ты сотворил звезды, четыре стороны света, в один лишь день ты сделал все вокруг. Праотец наш, Великий Дух, склонись к земле и услышь мой голос, обращенный к тебе. Там, где заходит солнце, услышьте меня! Духи грома, услышьте меня! Вы, обитатели страны Белого Великана, услышьте меня! Жители страны, откуда всегда восходит солнце, где живет звезда рассвета, услышьте меня. Оттуда, где обитает лето, услышьте меня! О небеса, о могучий орел, услышьте меня! И ты, мать-земля, единственная наша мать, ты, которая сжалилась над своими детьми!

О, четыре стороны света, - я ваш сородич! Дайте мне силу идти по мягкой земле, родичем всему живому! Откройте мне глаза, дайте силу ума, чтобы я стал подобен вам. Лишь в союзе с вашей силой смогу я противостоять бурям.

Великий Дух⁸, Великий Дух, праотец мой. Все живые существа земли едины. Все мы родились слабыми и беззащитными. Взгляни в бесчисленные лица детей своих и их детей. Пусть обретут они силу противостоять бурям и смогут пройти верной дорогой ко дню своего покоя.

Услышь меня! Вот моя молитва. Голос мой слаб, но искренен. Услышь меня!

Все. Хечету эло!»⁹

Теперь, друг мой, давай раскурим вместе трубку, и пусть между нами будут мир и согласие.

⁷ Белый бизон - шкура бизона-альбиноса имела священное значение у степных племен, особенно у дакотов, у которых белая бизоница выступала мифологическим культурным героем.

⁸ Великий Дух - у индейцев не существовало единобожия, поэтому ставить знак равенства между христианским богом и Великим Духом неправомерно. На языке дакотов Великая Тайна (Ваконта, Вакантанка) - это комбинация священных сил, нередко четырех сторон света, неба и земли. Однако под влиянием миссионеров, в ходе разложения родового строя, у индейцев стали формироваться зачатки единобожия.

⁹ Воистину так! (индейск.).

II. РАННЕЕ ДЕТСТВО

Я индеец лакота¹⁰ из племени оглала. Отца моего звали Черный Лось. Его отец тоже носил это имя, как и отец его отца. Так что я четвертый, кого зовут Черным Лосем. Мой отец и несколько его братьев были знахарями. Отец приходился также двоюродным братом отцу великого вождя Бешенного Коня. Мать мою звали Белая Бизониха, отца ее - Отказывается Идти, а мать - Много Орлиных Перьев. Мать моей матери и её отца я помню смутно. Отца же моего отца убили пауни¹¹, когда я был еще младенцем. А мать отца, Красная Орлица, умерла вскоре после этого.

Родился я в месяц, когда на деревьях лопается кора (декабрь), на реке Литл Паудер, как раз в ту зиму, когда убили четырех Кроу (1863 г.). Мне было три года, когда моего отца ранили в битве, получившей название «Ста убитых»¹². Из-за этой раны он хромал до самой своей смерти. А умер он в то время, когда вырезали группу Большой Ноги (1890 г.). Он лежит здесь, в этих холмах.

Ту зиму «Ста убитых» я вспоминаю так, как человек вспоминает какой-то дурной сон, который приснился ему в детстве. Тогда я еще мало что понимал. Словно стоял страшный, призрачный туман, ведь то было время, когда все вокруг казалось жутким и беспокойным. Я никогда прежде не видел васичу¹³ и не знал, что они из себя представляют. Однако, все вокруг только и говорили, что васичу наступают на нас, собираются забрать нашу страну и ограбить ее, и что все мы должны умереть сражаясь. В той битве «Ста убитых» мы перебили всех васичу, и люди еще долгое время обсуждали ее. Но что значила какая-то сотня васичу, если были другие, которых не счесть.

Помню, раз я спросил своего дедушку: «Когда разведчики возвращаются из прерии, полной бизонов, они говорят: «Васичу идут». Когда какие-то странные люди собираются всех нас убить - говорят: «Васичу идут». Что же все это значит?» А дедушка мне ответил: «Это значит, что их очень много».

Когда я стал постарше, то узнал, что за сражение произошло в ту зиму, а также на следующее лето. В верховьях реки Мэдисон васичу нашли много желтого металла, которому они поклоняются и от которого теряют разум. Они хотели провести дорогу через нашу страну до того места, где находится желтый металл. Но наши люди совсем не хотели, чтобы эта дорога пролегла через наши земли. Она распугала бы всех бизонов, заставив их совсем уйти из нашей страны, а белые бы рекой хлынули по ней сюда. Они доказывали нам, что им нужно совсем немного земли - ровно столько, сколько надо,

¹⁰ Лакота из племени оглала - Черный Лось принадлежал к племени оглала, входившего в большую группу племен под названием «Лакота» («Дакота» или «Накота») Эта группа племен делилась на западных лакота (носивших название Тетон) и проживавших за Миссури и восточных лакота (санги, янктонаи, янктон, мдевакантон, вахпетон, вахпекуте). Западные лакота или тетоны в отличие от своих восточных сородичей вели кочевой образ жизни охотников на бизонов и в свою очередь делились на следующие группы: Брюле, Оглала, Санз Арк, Миннеконжу, Черноногие (не путать с одноименным алгонкинским племенем), Хункпапа, Два Котла. Часто Дакотов обозначают одним словом «сиу» (искажение французами оджибвейского прозвища, «надовесси», означавшего «враги»).

Оглала - одна из наиболее крупных групп Тетонов (в 1825 г. насчитывали 1500 чел.) - жили на территории современного штата Южная Дакота, кочуя от реки Миссури до Черных холмов на западе. По данным департамента внутренних дел, в 1875 г. Оглала делились на четыре кочевых общины - Огаллалла, Киокси, Онкапас, Вазазис.

¹¹ Пауни- племя, принадлежащее к языковой семье кэддо, в XIX веке постоянно находилось во вражде с Оглалами. Вели полуоседлый образ жизни в районе р. Платт (Штат Небраска).

¹² Битва «Ста убитых» - сражение 21 декабря 1866 г. между американскими войсками и индейцами, в ходе которого был уничтожен отряд капитана У. Феттермана (81 чел.)

¹³ Васичу - в буквальном переводе с языка сиу означает «жадный», «алчный» - так называли Оглала белых колонизаторов.

чтобы проехал фургон. Но народ наш понимал, чего им нужно на самом деле. Сейчас, когда оглядишься вокруг - видишь, чего они добивались!

Когда-то мы были счастливы, живя в своей стране, и редко голодали, ведь тогда двуногие и четвероногие жили вместе, словно сородичи; и для них и для нас вокруг было изобилие. Но вот пришли васичу и отвели нам маленькие островки земли, а другие маленькие островки для четвероногих. И становятся эти островки все меньше и меньше, поскольку вокруг них бушует волна голодных васичу, погрязших во лжи и алчности.

Давным-давно отец рассказывал мне, а ему рассказал еще его отец, что жил некогда один святой лакота по имени Пьет Воду. Во сне он увидел то, что должно было с нами случиться, и было это задолго до того, как пришли васичу. Ему приснилось, что четвероногие собираются уйти назад в землю, откуда пришли, и что какой-то странный народ опутал паутиной всех лакота. Святой лакота тогда сказал: «Когда все случится, вы будете жить в серых квадратных домах на пустынной земле и будете голодать, сидя в этих серых квадратных домах». Рассказывают, что вскоре после того, как его посетило видение, он отправился назад к матери-земле: его убило горе. Сейчас, конечно, можно понять, что он имел в виду вот эти дома с земляными крышами, в которых мы живем. Сбылось и все остальное. Подчас сны несут куда большую мудрость, чем жизнь наяву.

А когда пришли солдаты и построили себе бревенчатый город¹⁴, там на ручье Пайни, одном из рукавов Паудера, мой народ уже точно знал, что они хотят построить свою дорогу, захватить нашу страну, а может, и перебить всех нас, если станут достаточно сильными. Бешенному Коню тогда еще было лет 19, и нашим великим вождем все еще оставался Красное Облако. В месяц, когда меняется погода¹⁵, он созвал все разбросанные группы лакотов на большой совет у реки Паудер. Когда мы вышли на тропу войны против солдат, наш общий лагерь протянулся по долине реки так далеко, что всадник мог бы от восхода до захода солнца скакать через наши деревни. К нам на помощь пришли многие наши друзья, среди них шайела (шайенны) и Голубые Облака (арапахо).

И в месяц, когда лопаются деревья, те сто белых были убиты. Сейчас здесь со мной находится мой друг, Огненный Гром, который старше меня. Он участвовал в той битве и расскажет тебе о ней.

Рассказывает Огненный Гром:

Мне было 16 лет, когда все это произошло. После большого совета на Паудере мы перебрались к реке Танг и стали там лагерем в устье Пино-крик. Много нас было. И Красное Облако был самым главным. Но вождем нашей группы был Большая Дорога. Перед самым восходом мы выехали верхом и направились вверх по ручью к городку солдат, что расположен на ручье Пайни. Мы хотели напасть на него. Был уже почти полдень, когда мы остановились там, где дорога васичу спускалась круто вниз с узкого гребня горы и пересекала ручей. Здесь было хорошее место для сражения и мы выслали несколько разведчиков вперед, чтобы выманить солдат из бревенчатого города. Они ускакали, а мы разделились на две группы и залегли в овражках по обеим сторонам гребня горы и стали поджидать. Через некоторое время за холмом мы услышали выстрел. Поняли, что идут солдаты и стали успокаивать своих пони, чтобы те не ржали при приближении солдатских лошадей. Скоро мы увидели своих разведчиков, стремительно бегущих назад. Некоторые из них бежали, держа лошадей за повод и тем самым стараясь показать солдатам, будто лошади лакотов измотаны. Разведчики миновали нашу засаду, за ними пробежали, стреляя, солдаты. Когда васичу оказались у подножия холма, сразу завязался бой. Не успел я сесть на своего гнедого, как солдаты развернулись и стали с боем прорываться назад к вершине холма. В руках у меня был шестизарядный револьвер,

¹⁴ Бревенчатый город на реке Пайни - форт Фил Кирни.

¹⁵ Октябрь

который я купил у торговца, а также лук со стрелами. Одной рукой придерживая коня, я стал расстреливать их из револьвера, так как они подошли совсем близко. Кругом свистели пули, но еще больше было стрел - они словно стаи кузнечиков летали вокруг солдат. При таком перекрестном огне наши поражали и друг друга. Пробираясь назад, солдаты падали и падали, а лошади их разбегались в разные стороны. Многие наши бросились их ловить, однако я не стал этого делать, а упорно преследовал васичу. Когда солдаты достигли вершины, их осталось совсем мало и им уже некуда было там спрятаться. Они яростно отбивались. Мы ползком подобралась к солдатам совсем близко и тут кто-то крикнул: «Вперед! В такой день славно умереть! Подумайте о всех беспомощных, оставшихся дома!» Тогда все мы разом закричали: «Хока хей!» и бросились на них. В то время я был молодой и очень быстро бегал, так что оказался в числе первых, кто схватился с солдатами на вершине. Они вскочили и стали яростно отбиваться, и сражались до тех пор, пока последний васичу не упал замертво. С солдатами была собака, единственная оставшаяся в живых, она побежала к городу, воя от страха. Я не стал в нее стрелять - пожалел, однако многие пустили ей вслед стрелы и животное свалилось, пронзенное множеством стрел. Теперь от солдат вообще никого не осталось. Мертвые люди и лошади, раненые индейцы лежали на всем пути к вершине холма. Кровь на ранах моментально замерзала, так как разразилась сильная пурга, и мороз все крепчал и крепчал. Земля была настолько тверда, что мертвых хоронить мы не стали, а только подобрали раненых и двинулись домой. Однако большинство их погибло в пути от жестокого холода. Умерли даже те, кто смог кое-как доковылять в лагерь. Как раз тогда отец Черного Лося сломал себе ногу.

Черный Лось продолжал:

Да, я помню то время, когда отец возвратился домой со сломанной ногой, и кажется мне, будто помню и битву. Но больше всего мне запомнился страх, охвативший всех. Все это время мне не разрешали играть слишком далеко от нашего типи, а мать бывало говорила: «Если не будешь слушаться, тебя заберут васичу».

Кажется, вскоре после битвы мы перенесли лагерь с устья Пино в другое место. У меня в памяти всплывает отец, лежащий на волокуше и укрытый доверху шкурами бизона, словно ребенок. Вспоминается мать, погоняющая пони. Было очень холодно, и кругом лежал глубокий снег. Помню, сам я сидел на другой волокуше и весь был укутан в меха. Наши стремились уйти подальше от городка солдат, и хотя я точно не знаю, куда именно мы направлялись, помню, что на запад.

Зима была голодной - из-за глубокого снега преследовать дичь было почти невозможно. В довершение ко всему многие люди ослепли от яркого снега. Так мы блуждали долгое время, и несколько групп в пути потеряли друг друга. Наконец, стали лагерем где-то у ручья, и вскоре охотники возвратились домой с мясом.

По-моему, именно в ту самую зиму знахарь по имени Ползун обходил людей и лечил снежную слепоту. Он прикладывал к глазам снег, пел священную песнь, услышанную им во сне, а затем дул на затылок, и люди прозревали. Так мне рассказывали. Говорили еще, что пел он о стрекозе, ибо именно от нее получил он святую силу.

Когда наступило лето, мы стояли лагерем на реке Роузбад. Мне было уже не так страшно - васичу находились далеко, а здесь, в долине, царил мир и было много дичи. Все мальчишки в лагере от пяти-шести лет и больше играли в войну. Из разных групп они собирались вместе и сражались - метали гибкими прутиками друг в друга комья земли. Большие мальчишки играли в игру под названием «Сбрось с лошади». Это была почти что настоящая война, разве только без жертв. Участники иногда могли получить серьезные увечья. Обычно собирались всадники из разных племенных групп, становились друг против друга и с громкими криками нападали. Со всего налета лошади на скакании друг на друга, становились на дыбы, путались, ржали, кругом стояло громадное облако пыли.

Наездники же старались схватить один другого и боролись до тех пор, пока одна сторона не потеряет всех своих людей; «убитым» считался тот, кто слетел с лошади.

Когда стал постарше, я тоже, бывало, играл в эту игру. Во время нее мы всегда были обнажены, подобно настоящим воинам, которые идут на тропу войны. Однажды, играя, я свалился с лошади спиной на острые грушевые ветки, и моей матери пришлось долго вытаскивать из меня колючки. Но в то время, о котором рассказываю, я был еще слишком мал, чтобы играть в войну. Помню, однако, что все время наблюдал за старшими товарищами, и думал о том, что когда все мы вырастем и станем большими, то, наверное, сможем убить всех васичу и прогнать их из нашей страны.

В месяц, когда чернеет вишня¹⁶ народ кругом опять только и говорил, что о какой-то битве, из которой наши воины возвратились с множеством раненых. Это была битва, получившая название «Нападение на фургоны»¹⁷. Я опять не на шутку испугался, поскольку на сей раз наши не одержали победы, как раньше. В лагере стоял большой плач по погибшим воинам. Мой друг Огненный Гром участвовал в битве и расскажет тебе, что произошло в тот день.

Рассказывает Огненный Гром:

Все было плохо. Там широкая открытая прерия окаймлена холмами. Посередине васичу сдвинули в круг свои фургоны, так что их мулам ночью ничего не грозило. Васичу было не так много, но они укрывались за своими фургонами и вели оттуда ураганный огонь. Мы сначала подумали, что это какое-то новое колдовство той великой мощи, которой они обладают, потому что выстрелы звучали один за другим, словно рвалось одеяло. Позже я узнал, что у васичу в руках были новые ружья, которые заряжались сзади¹⁸. Здесь они использовали их против нас впервые. Мы повели наступление после восхода солнца. Воинов собралось очень много, и мы решили скакать прямо на фургоны и смести их. Однако пони испугались того грома, что производили ружья васичу и отказывались повиноваться наездникам. Из-за холмов за нами наблюдали женщины и каждый раз, когда прекращалась стрельба, слышались их траурные песни и причитания. В который раз мы упорно наступали, но все оказывалось безуспешно - воины падали замертво, лошади грудami валились у фургонов, другие разбредались по равнине. Тогда мы спешили, оставили коней в ущелье и стали наступать пешими. Но и это не помогло - воины падали, словно зеленая трава, скошенная степным пожаром. Наконец, мы подобрали раненых и отступили. Точно не помню, сколько было убито, но очень и очень много.

Рассказывает Стоящий Медведь:

Я на четыре года старше Черного Лося. С самого детства мы были хорошими друзьями. Помню, в ту зиму мы остановились на Паудере. Там еще росло много тополей. Пони нравилось пощипывать кору этих деревьев, для них это был хороший корм. В ту зиму большим деревом, упавшим на типи, убило мать Высокой Рубахи. Ночью бушевал ветер, и вспоминаю, как его шум не давал мне заснуть. Потом я услышал, что убило какую-то старую женщину. Это была мать Высокой Рубахи.

Черный Лось продолжает:

Тогда мне было четыре года. Если не ошибаюсь, именно следующим летом я впервые услышал голоса. То было счастливое лето, нечего было бояться, поскольку в месяц, когда линяют пони (май), от васичу пришла весть о том, что они желают заключить мир. Дороги больше не будет, и все солдаты уйдут. Солдаты и впрямь ушли, а города их мы уничтожили. В месяц падающих листьев (ноябрь) они заключили с Красным Облаком

¹⁶ Август

¹⁷ Битва «Нападение на фургоны» состоялась в шести милях к западу от форта Фил Кирни 2 августа 1867 г.

¹⁸ Новые ружья, которые заряжаются сзади - имеются в виду карабины системы Спрингфилда.

договор, в котором говорилось, что вся эта страна будет принадлежать нам до тех пор, пока текут реки и растет трава. Трава и реки не забыли тех обещаний...

Может быть, и не тем летом меня посетили голоса, но, думается, случилось это все же тогда. Помню, произошло это еще до того, как я стал играть с луком и стрелами или ездить верхом. Однажды, играя в одиночестве, я услышал их. Мне показалось, будто кто-то зовет меня. Я подумал, что это мать, но вокруг никого не было. Так повторялось несколько раз, и всегда, сильно испуганный, я бежал домой.

Когда мне было уже лет пять, дедушка сделал мне лук и несколько стрел. Как сейчас помню - кругом молодая травка, сам я сижу верхом на лошади. И тут вдруг с запада из грозовой тучи донеслись раскаты грома. Я поспешил в лесок, стоявший вдоль ручья, чтобы укрыться. В лесу на ветке я неожиданно увидел райскую птичку. Нет, это был не сон, все произошло на самом деле. Я собрался было выстрелить в нее из того лука, что смастерил мне дедушка, но птица вдруг заговорила человеческим голосом: «Все тучи вокруг идут в одну сторону». Наверное, это означало, что все тучи взирают на меня. А птица продолжала: «Прислушайся! К тебе взывает голос!» Я взглянул на тучи и увидел, как по воздуху летят двое мужей, словно разящие стрелы. Они летели и пели священную песню, а гром в это время гремел непрерывно, словно барабан. Я спою тебе эту песню. Вот как она звучала:

Внемли, к тебе глас священный взывает.
С небес к тебе глас священный взывает.

Я сел и стал смотреть на них, а они летели из страны великана (севера), но подлетев совсем близко, неожиданно повернулись к западу и, превратившись в гусей, совсем пропали. И тут пошел дождь, прерываемый сильным ветром и гулом.

Я никому не рассказал о своем видении. Про себя мне нравилось думать о нем, но передавать кому-либо я боялся.

III. ВЕЛИКОЕ ВИДЕНИЕ

О том, что было со мной до того, как мне исполнилось девять, можно не рассказывать. Доброе лето сменялось доброй зимой. Васичу провели свою дорогу вдоль Платта и ездили через тамошние места. Железная дорога разделила стадо бизонов на две части. Но те бизоны, которые остались в нашей стране, были пока многочисленны, и мы привольно кочевали по своим степям.

Время от времени, когда я оставался один, голоса возвращались. Опять будто кто-то звал меня. Чего хотели они от меня, я не знал. Слышались они не так часто и порой я совсем забывал о них, ведь у меня появилось много других занятий. Я уже достаточно подрос, ездил на лошади и мог подстрелить из своего лука степную куропатку или кролика. Тогда мальчики становились мужчинами очень рано; никто особо и не учил нас. Мы просто перенимали то, что видели вокруг, и быстро превращались в воинов. Это сейчас мальчики похожи на женщин.

Тем летом, когда мне исполнилось девять, наш народ медленно откочевывал к Скалистым Горам. Однажды вечером мы стали лагерем в долине у какого-то маленького ручья, там, где он впадает в реку Скользящих Трав. Был с нами один человек по имени Бедро Мужа. Я чем-то приглянулся ему, и он позвал меня в свое типи разделить трапезу.

Я уже было принялся за еду, как раздался голос: «Пора, тебя призывают, слышишь». Он прозвучал так громко и отчетливо, что я поверил ему и решил, что пойду, куда бы он ни

позвал меня. Я встал и вышел из типи. В бедрах у меня появилась какая-то ноющая боль. Вдруг я словно бы пробудился от сна, и голос пропал. Я возвратился в типи, но есть уже не хотелось. Бедро Мужа с тревогой посмотрел на меня и спросил, что случилось. Я ответил, что очень болят ноги.

На следующее утро мы разобрали лагерь и двинулись на другое место. Я ехал вместе с другими мальчиками. По пути мы остановились попить у ручья. Я слез с лошади - тут мои ноги подкосились, и я упал. Друзья подняли меня и усадили на лошадь. Вечером, когда разбили лагерь, я заболел. На следующий день мы опять снялись и перебрались к большому лагерю, в котором собрались племена нашего народа. Я был очень болен, поэтому меня везли на волокуше. Руки, ноги и лицо сильно распухли.

Когда разбили лагерь, мать с отцом положили меня в типи, а сами сели рядом. Через открытый вход мне хорошо было видно небо, и вот из облаков появились те двое мужей, подобные стрелам, которых я видел прежде. На этот раз у каждого в руках было по длинному копью, наконечники которых сверкали зигзагами молний. Они спустились почти до самой земли, стали чуть поодаль и посмотрев на меня, сказали: «Поспеш! Идем! Твои предки тебя зовут!» Затем они повернулись и взмыли вверх, словно стрелы, выпущенные из лука. Когда я встал, ноги уже не болели, да и сам я казался себе необычайно легким. Я вышел из типи, ко мне подлетело маленькое облако и наклонилось. Встав на него, я быстро полетел за людьми со сверкающими копьями. Посмотрев вниз, я увидел там отца с матерью, и меня охватила грусть расставания.

Потом вокруг было одно лишь небо. Маленькое облако стремительно несло меня вслед за теми двумя. Они летели туда, где белые облака раскинулись, словно горы на широкой голубой равнине. В этих облаках жили громовые духи, которые прыгали и сверкали.

И вдруг нас окутал мир облаков; мы трое оказались в центре громадной белой равнины со снежными холмами и горами. Вокруг было очень тихо; только слышался неясный шепот.

Затем двое мужей заговорили вместе: «Узри существо с четырьмя ногами!»

Я посмотрел и увидел гнедого коня, который обратился ко мне: «Взгляни на меня. Всю мою жизнь ты прозишь». Он повернулся на закат солнца и продолжал: «Взгляни на них! Их историю ты познаешь».

Я посмотрел туда, куда он указал - там стояли в ряд двенадцать черных лошадей с ожерельями из копыт бизона. Лошади были очень красивы, однако я испугался - вместо грив у них сзади сверкали молнии, а из ноздрей гремел гром.

Тут гнедой повернулся к стране великого белого великана (северу) и произнес: «Взгляни!» Передо мной явились двенадцать белых лошадей, все в ряд. Их гривы развевались, словно снежный буран, а из ноздрей исходил рев. Вокруг них кружили в полете белые гуси.

Потом гнедой развернулся в ту сторону, откуда восходит солнце, приказав мне смотреть. Там стояли в ряд двенадцать гнедых лошадей с ожерельями из зубов лося, глаза их мерцали подобно утренней звезде, а гривы походили на предрассветные отблески.

Гнедой опять повернулся - в ту сторону, куда мы всегда обращены (юг). Там в ряд стояли двенадцать желтых лошадей с рогами и гривами, распутившимися словно живые деревья и травы.

И когда я все это увидел, гнедой произнес, обращаясь ко мне: «Отцы твои держат совет. Они поведут тебя: мужайся».

Тут все лошади выстроились в ряд по четыре, сначала Черные, потом белые, гнедые и, наконец, желтые. Гнедой стал впереди, повернулся на запад и заржал. И сразу на западе небо покрылось скачущими лошадьми разных-разных цветов. Они сотрясали мир

страшным грохотом. Обернувшись на север, гнедой жалобно заржал - и вмиг в той стороне небо взревело от ураганного топота бегущих лошадей всех цветов, ответивших диким ржанием.

А когда он опять жалобно заржал, обернувшись на восток, - и там небо наполнилось яркими разноцветными облаками из лошадиных грив и хвостов, отозвавшихся песней. Наконец, он воззвал к югу, и там сошлись табуны разноцветных лошадей, громко выражавших свою радость.

Потом гнедой вновь заговорил со мной: «Смотри, как все твои лошади пляшут». Я взглянул вверх - и все небо вокруг меня сотряслось от топота пляшущих лошадей.

«Теперь поспеши», - сказал гнедой, и мы с ним пустились в путь. А за нами в ряд по четыре двинулись белые, черные, гнедые и желтые лошади.

Я опять посмотрел вокруг себя, и вдруг эти бесчисленные пляшущие лошади превратились в разнообразных животных и всяческих птиц. Все они бросились в разные стороны света и наконец совсем исчезли из виду.

Потом на пути у нас показалось рыхлое облако, которое превратилось в типи. Аркой входа служила радуга. Через вход я разглядел шестерых старцев, сидевших в ряд.

Теперь двое мужей с копьями встали по обе стороны от меня, а лошади расположились по четырем сторонам света, по четыре в ряд и мордами к центру. Самый древний из предков обратился ко мне ласковым голосом: «Входи и не бойся». И пока он говорил это, стоявшие по четырем сторонам света лошади радостным ржанием приветствовали меня. Итак, я вошел и предстал перед ними. Шесть предков были такими древними, каким не может быть ни один человек. Они были древними, как холмы, как звезды.

Самый старый вновь заговорил: «Предки твои со всего света собрались на совет и призвали тебя, чтобы наставить на путь». Голос старца звучал мягко, однако я весь дрожал от страха, потому что понял; это не просто старцы, а шесть мировых Сил. Первый был властелином запада, второй - севера, третий - востока, четвертый - юга, пятый - неба, а шестой - земли. Да, я понял это и потому мне стало страшно. Самый древний старец вновь держал речь и обратился ко мне с такими словами: «Устрями свой взгляд на громовых духов, живущих там, где заходит солнце! От них ты получишь мою силу. Они поведут тебя к высокому, уединенному центру земли - и ты узришь. Они покажут и то место, где вечно стоит солнце, чтобы ты познал».

Когда он говорил о познании, я взглянул вверх и увидел, как надо мной расцвела всеми оттенками пылающая радуга.

Тут в руке у старца появилась деревянная чаша, до краев наполненная водой. В воде стояло небо.

«Возьми ее, - промолвил он, - здесь сила, творящая жизнь. Теперь она принадлежит тебе».

Потом в руках у него появился лук. «Возьми его, - продолжал он. - В нем сила, способная убивать врагов. Теперь она принадлежит тебе». Затем старец, указав на самого себя, произнес: «Вглядись пристальнее в твой собственный дух, который ныне перед тобой. Сам ты - лишь тело духа, имя которому Орлиным Крылом Простертый».

Сказав это, старец на моих глазах превратился в человека громадного роста и побежал туда, где заходит солнце; и вдруг он превратился в черного коня, который остановился и, обернувшись, поглядел на меня. Конь выглядел очень жалким и изможденным, ребра его резко выступали.

Тогда второй Предок, властелин севера, встал и обратился ко мне, держа в руке целебную траву: «Возьми ее и поспеши». Я взял траву и понес ее черной лошади. Конь съел траву и

сразу же стал здоровым и крепким. Он прискакал назад и снова превратился в старца, восседающего в типи.

Теперь второй предок, властелин севера, обратился ко мне: «Мужайся, мой младший брат, ибо на земле суждено тебе вдохнуть жизнь в целый народ, ибо в руках у тебя будет сила крыла белого великана, очищающая сила». После этих слов он внезапно вырос и побежал на север, а обернувшись ко мне, превратился в белого гуся, который, летая, стал описывать круги. Я огляделся вокруг - на западе лошади превратились в громовых духов, а на севере - в гусей. И второй предок спел мне две песни:

Идут люди грома, внемли им!
Идут, идут, скорее внемли им!
Идут, идут, скорее внемли им!
Идут люди белого гуся, внемли им!
Идут, идут, скорее внемли им!
Идут, идут, скорее внемли им!

Потом заговорил третий старец, властитель той страны, где вечно стоит солнце: «Мужайся, младший брат мой, - сказал он, - ибо тебя поведут по всей земле!» Он показал туда, где мерцала утренняя звезда - под ней парили два мужа. «От них получишь ты свою силу, - произнес он, - от тех, кто пробудил все живое на земле». И когда он говорил это, в руках сжимал трубку мира, на мундштуке которой распростерся пятнистый орел¹⁹. Орел был, казалось, живой - он шевелился и взмахивал крыльями, глаза его пристально смотрели на меня. «С этой трубкой, - сказал Предок, - пройдешь ты по земле и исцелишь все недуги». Потом он указал на человека, который был ярко-красным - цвета силы и здоровья. Едва он указал на него, человек лег, покатился по земле и превратился в бизона, который вскочил и помчался в сторону гнедых лошадей востока. А те, в свою очередь, тоже превратились в бизонов, здоровых и сильных.

Тогда заговорил четвертый предок, властелин той страны света, к которой мы всегда обращены (юг), откуда исходит сила, что способствует росту всего живого. «Мой младший брат, обладая силами четырех сторон света, нашим родичем пойдешь ты по земле. Взгляни, я даю тебе символ - сердце народа, с его помощью ты спасешь многих». И тут я увидел, что в руке он держит живой ярко-красный жезл. Я взглянул на него - и вдруг прямо на моих глазах побег стал распускать ветви. На ветвях появилась густая листва, а на ней поющие птицы. На мгновение мне показалось, что под зеленеющим деревом я увидел лагерь людей и всех других живых существ, тех, что ходят, прорастают, летают, - они жили счастливой жизнью. «Этот жезл будет стержнем судьбы народной, замкнет ее священным кругом, станет Посохом для ходьбы, сердцем народа. Силой, данной тебе, ты заставишь его цвести».

Старец помолчал немного, прислушался к пению птиц, а потом продолжал: «Взгляни на землю!» Я опустил свой взор вниз - лежавшая там земля была подобна кругу, вместившему в себя все народы. А в центре этого круга, распускаясь, стояло священное дерево. Там, где оно стояло, пересекались две дороги - красная и черная «Красная дорога-дорога добра, она ведет из страны великана (севера) туда, куда мы обращены (юг), - сказал предок, - по ней пойдет твой народ/ Черная дорога ведет из страны, где живут громовые духи (запад) в сторону восходящего солнца (восток). Это страшная дорога, дорога бед и войны. Тебе суждено пройти и по ней. Следуя этой дорогой, ты обретешь силу побеждать врагов своего народа. В четыре восхождения со своей силой пройдешь ты по земле».

Думаю, он имел в виду, что мне придется быть свидетелем жизни четырех поколений, и сейчас я живу уже с третьим. Тут старец встал, расправил плечи и побежал на юг, превратившись в лося. Он добежал до желтых лошадей, и те тоже превратились в лосей.

¹⁹ Пятнистый Орел - покровитель и символ племени сну, часто именуемого «племенем Пятнистого Орла».

Заговорил пятый предок, старейший из всех, дух неба: «Сын мой, я послал за тобою, и ты явился. Сейчас увидишь мою силу!» Он распростер руки и превратился в парящего пятнистого орла: «Взгляни! Все крылья воздуха обретешь ты. Вместе с ветрами и звездами они станут словно сородичи. С моей силой ты пройдешь по земле». Хлопая крыльями, орел высоко парил надо мной. И вдруг все небо заполнилось крыльями, которые то и дело, приветствуя, касались меня.

Теперь я понял, что сейчас заговорит шестой предок, дух земли. Видел я, что был он очень стар, но стар по-«человечьи». Его лицо, изрезанное морщинами, с запавшими потускневшими глазами, обрамляли длинные седые волосы. Я во все глаза глядел на него - мне показалось, что я его почему-то знаю. Я смотрел на старца, а он на моих глазах постепенно стал преобразовываться в молодого человека. Когда же он превратился совсем в мальчика, до меня дошло, что это есть я сам. Предо мной в обратном порядке прошли все те годы, что ожидали меня впереди. Вновь обернувшись старцем, он промолвил: «Сын мой, воспрянь духом, ибо к тебе перейдет моя сила. На земле она очень тебе пригодится, потому что народ твой впереди ждут великие беды. Ступай».

Он встал и побрел через радужный вход наружу, а я следовал за ним, восседая на том самом гнедом, который разговаривал со мной вначале и привел меня в типи.

Затем гнедой остановился и обратился грудью к лошадям, стоявшим на западе, а голос промолвил: «Ты получил чашу с водой. Омолоди ею, заставь день зазеленеть. В руках у тебя и лук со стрелой, - на врагов твоего народа». Гнедой заржал, и двенадцать черных лошадей подошли и встали за мной по четыре в ряд.

После этого мой конь обратился в сторону гнедых лошадей востока. Я увидел, как у них во лбах засветились яркие утренние звезды. А голос промолвил: «Ты получил священную трубку, а с ней силу, которая несет мир и красный счастливый день». Гнедой заржал, и двенадцать гнедых встали за мной по четыре в ряд.

Теперь конь повернулся на юг, к желтым лошадям, а голос опять промолвил: «Ты получил священный жезл и круг, которым жив народ, и тот счастливый желтый день, что должен наступить. В центре круга ты посадишь побег и сделаешь все, чтобы он зазеленел и стал могучим сильным деревом, которое зацветет, укрыв под своей сенью людей». Гнедой заржал, и подошли двенадцать желтых лошадей, которые встали по четыре в ряд.

Вдруг я заметил: на всех лошадях, что шли за мной, сидят всадники. Голос произнес: «Сейчас ты пройдешь с ними черной дорогой, и все народы и все живые существа, что ходят, летят, прорастают корнями, убоятся тебя».

И я поехал на восток той самой дорогой страха, а за мной в ряд по четыре черные, белые, гнедые и желтые всадники. Над дорогой далеко-далеко тускло всходила утренняя звезда.

Я посмотрел вниз, где лежала молчаливая земля, окутанная болезненным зеленым светом. В глаза мне бросились покрытые травами холмы и встревоженные животные-все они были объаты страхом. Повсюду раздавались крики испуганных птиц и слышалось хлопанье крыльев. Я был вождем над всеми духами, что скакали за мной, и когда оглянулся назад - все двенадцать черных лошадей разом встали на дыбы, забили копытами, раздался страшный гром. Своими гривами и хвостами они подняли ураганный ветер с градом; ноздри их исторгали молнии. Опять посмотрев вниз, я увидел, как град косыми линиями падает на землю, а вслед за ним - сильные ливни. Там, где мы ступали, деревья сгибались до самой земли, а холмы становились едва различимыми.

Но вот земля вновь преобразилась и стала яркой и свежей. Опять виднелись внизу холмы и долины, журчащие ручьи и реки. Мы приблизились к тому месту, где три стремительных потока сливаются воедино - к источнику могучих вод. Здесь творилось что-то страшное. От воды вздымалось пламя, а в языках его жил голубой человек,

окутанный облаком пыли. Травы кругом зачахли и высохли, деревья поникли, изможденные двуногие и четвероногие лежали, тяжело дыша.

Воины, сидевшие на черных лошадях, вскричали: «Хока хей!» и бросились на голубого человека, но тот отбросил их назад. Белые всадники кинулись на врага с боевым кличем на устах, и тоже оказались побиты. После них потерпели неудачу красные, а за ними желтые воины.

И когда уже ничего нельзя было поделаться, все всадники разом вскричали: «Поспеши, Орлиным Крылом Простертый!» И тут весь мир наполнился голосами, которые подбадривали меня. Я рванулся в бой, держа в одной руке чашу с водой, а в другой лук, превратившийся вдруг в копье. Наконечником ему служила сверкающая молния. Копье пронзило сердце голубого человека и сразу же раздались раскаты грома и многоголосый хор вскричал: «Ун-хий!», то есть «Я убил его». Пламя погасло. Засохшие деревья и травы вновь поднялись и принялись радостно шептаться друг с другом. Все живые существа разноголосыми криками выражали свою благодарность. Потом все четыре отряда воинов подскакали к мертвому врагу и по очереди коснулись его, добыв удачу. И тут поверженное тело превратилось в безвредную черепаху.

Понимаешь, я ехал вместе с грозowymi тучами и спустился на землю дождем. С помощью той силы, что даровали мне шесть предков, я уничтожил засуху. И теперь мы ехали по земле вдоль полноводной реки, что текла от источника вод. Вскоре впереди показалась какая-то деревня, по кругу стоявшая в долине. Голос сказал: «Взгляни, это твой народ. Спешу, Орлиным Крылом Простертый!»

Вместе с четырьмя отрядами воинов я въехал в деревню. Весь лагерь разрывался от стонов и плача по мертвым. С юга, словно поветрие, налетал вихрь. Когда я осмотрелся, то увидел, что почти в каждом типи лежат мертвые и умирающие - мужчины, женщины и дети.

Я проехал вокруг лагеря - передо мной были больные и мертвые, и я готов был плакать от горя. Но, оглянувшись, я увидел, как все мужчины, женщины и дети поднимаются и выходят из типи со счастливыми лицами.

Голос произнес: «Вот, смотри, тебе вручена судьба народа, священный круг, чтобы ты возвратил его к жизни».

И я поехал к центру деревни. Там собрались все жители. А голос промолвил: «Дай им этот живой побег, чтобы они жили счастливо. Дай священную трубку, чтобы они познали силу мира, а также крыло белого великана, чтобы впредь могли они переносить беды и мужественно противостоять бурям жизни».

Услышав это, я взял свой ярко-красный жезл и воткнул его в центр того круга, в котором живет народ. Едва он коснулся земли, как превратился в громадный тополь с густыми ветвями, на которых, щебеча, сидели птицы. Под сенью его, словно сородичи, перемешались животные и люди, все радостными криками выражали свое счастье. Радостно зазвучали высокие голоса женщин, а мужчины вместе вскричали: «Здесь вырастут наши дети. Мы будем жить под этим деревом, как цыплята под крылом матери-курицы».

Затем я почувствовал легкое дуновение ветра, который шевелил ветви дерева и пел среди листвы. С востока на крыльях орла прилетела трубка мира. Она замерла передо мной, и тут под кронами дерева воцарился прочный мир.

На небе взошла утренняя звезда, и голос сказал: «Всем она станет сородичем. Тот, кто увидит ее, постигнет нечто большее, ибо с ней придет мудрость. Те же, кто не увидит ее, будут вечно блуждать во тьме». И все люди обратили свои лица на восток, и свет звезды озарил их. Собаки громко залаяли, а лошади заржали.

Потом, когда все звуки утихли, великий голос продолжал: «Взгляни: вот священный круг, в котором живет народ, он бесконечен, в нем все силы сольются в одну бесконечную силу. Теперь люди разберут лагерь и пойдут по красной дороге. Твои предки тоже пойдут вместе с ними». Люди свернули лагерь и пустились в путь по дороге добра. Лица их были осенены белым крылом. Шли они в таком порядке:

Впереди с чашей воды ехали всадники на черных конях, потом воины на белых конях с белым крылом и священной травой. За ними всадники на красных конях со священной трубкой. И наконец желтые, держащие зеленеющий побег. За ними шли маленькие дети, юноши и девушки.

Следом шествовали четыре вождя племени, а с ними все молодые мужчины и женщины.

После шли четыре советника племени. Они вели мужчин и женщин среднего возраста.

Затем, опираясь на палки, передвигались сгорбившиеся старики.

Позади них шли старухи, тоже сгорбившиеся и опирающиеся на палки.

И, наконец, был я сам, восседая на гнедом коне и держа лук со стрелами, которые подарил мне первый предок. Однако оказалось, что я не был последним. Оглянувшись я увидел, что за мной, словно призрачный хвост, следуют бесчисленные души людей - праотцы праотцев, праматери праматерей. Там на юге, жил великий священный голос, голос юга: и он, этот голос молчал.

Мы шли, а голос севера сказал: «Взгляни, вот идет счастливый народ священной дорогой по счастливой земле!»

Потом я поднял взор и увидел спереди нас четыре подъема - это были те четыре поколения, свидетелем жизни которых я должен стать. Мы начали преодолевать первый подъем. Вся земля вокруг была полна жизни, трава зеленела. Когда длинная цепочка людей преодолела его, все старики и старухи воздели свои руки к небу и начали тихо напевать песнь, а небо впереди было озарено облаками, имевшими очертания детских лиц.

Перед вторым подъемом мы разбили свой лагерь, как и раньше, в виде священного круга. В центре его стояло святое древо, а земля вокруг вся благоухала.

Потом мы принялись преодолевать второй подъем, идя в том же порядке, что и раньше. Земля еще играла всеми красками жизни, однако подъем становился круче и круче. Когда я посмотрел вперед, то заметил, что люди превратились в лосей, бизонов и даже птиц. Все вместе шествовали священным порядком по красной дороге добра. А сам я, превратившись в пятнистого орла, высоко парил над ними. Не успели мы стать лагерем у конца второго подъема, как идущие животные стали беспокоиться и опасаться, что не превратятся вновь в людей, а так и останутся животными. Тут они принялись жалобными голосами звать своих вождей. Когда наконец разбили лагерь, я поглядел вниз и увидел, что со священного дерева опадают листья.

А голос произнес: «Смотри, вот твой народ, помни о тех силах, которыми тебя наделили шесть предков, ибо отныне ждут твоих людей трудности».

Потом люди опять свернули свой лагерь и, пустившись в путь, увидели впереди черную дорогу, которая вела туда, где заходит солнце. Там вдалеке на горизонте сгустились черные тучи. Люди не хотели туда идти, но никак не могли остановиться. И когда люди, превратившиеся в животных и птиц, начали третий подъем, то вдруг заметались в разные стороны. Каждый из них, казалось, сам по себе. А по всей вселенной с диким ревом сражались между собой ветра. (Тут Черный Лось заметил: «Мне кажется, что сейчас, когда весь мир приближается именно к этому подъему, должно случиться для людей всего света что-то плохое»).

И вот, когда мы достигли цели - окончили третий подъем-и стали лагерем, священный круг жизни народа распался, словно кольца вьющегося дыма, а святое дерево, казалось, совсем умирает-с него улетели все поющие птицы. Когда же я посмотрел вперед, то увидел - четвертый подъем будет ужасным.

Люди готовились к преодолению четвертого подъема, но тут голос, словно плача, воззвал ко мне: «Взгляни на свой народ». И когда я взглянул на него, то люди вновь обрели человеческий облик. Тела их были изможденными, а лица суровыми от голода. От их лошадей остались лишь кожа да кости, а священное дерево погибло.

Я смотрел на все это и плакал. Но тут вдруг к северу от лагеря голодавших людей показался какой-то таинственный человек. Все его тело было расписано красной краской. Держа в руках копьё, он шел прямо в центр лагерного круга. Здесь посередине он лег на землю, перекувырнулся и, встав, превратился в бизона, сытого и толстого. Там, где стоял бизон, а позади него росло священное дерево, в самом центре круга жизни народа проросла целебная трава. Она становилась все выше и выше. На каждой травинке появилось по четыре цветка - голубой, белый, алый и желтый. Яркие отблески, исходящие от этих цветов, сверкали до самых небес.

Сейчас я понимаю, что это значило. Бизон был для нас даром доброго духа и являлся нашей опорой- опорой, которую нам суждено было потерять. От того же доброго духа надлежало нам получить другую силу и опору. Когда трава подросла и расцвела, люди воспрянули духом, вокруг радостно ржали и скакали пони. С севера на людей дул легкий приятный ветерок. И вот в центре священного круга, по которому обитает народ, там где расцвели травы, вновь появилось цветущее дерево.

Я был все еще пятнистым орлом. Я парил уже над четвертым подъемом, а люди стояли лагерем там, на третьем. Вокруг меня сгустилась страшная тьма-тут в дикой схватке сражались все ветра мира. Все было похоже на треск ружей и на клубящийся дым, и словно рыдания женщин и детей, и вопли лошадей разносились по всему миру. Там внизу наши люди в страхе разбегались, спешили установить заслоны от дыма, прятались от ветра в своих типи. Стремительно надвигалась буря. Бесчисленное множество испуганных ласточек летали под облаками.

И тут на меня снизошла могучая песнь, и я запел ее посреди этих страшных мест. Вот она:

Я жизнь вдохну в народ
Так сказали небесные люди -
Они дали мне силы все одолеть.

Когда я кончил, голос сказал мне: «Ты побежишь за помощью к четырем сторонам света и ничто тебя не остановит. Взгляни на него».

Я опять очутился на своем гнедом, ибо лошадь- дар земли, и именно на земле будет испытана моя сила. Когда я внял голосу и посмотрел, куда он велел - на западе стояла истощенная черная лошадь. Голос сказал: «Возьми вот это и вдохни в него жизнь». Я взял священную траву из четырех лучей и объехал вокруг этого изможденного коня. Одновременно я слышал, как люди вокруг взывают к силе духов: «А-хей! А-хей! А-хей! А-хей!» И вот полумертвый конь громко заржал, перекатился и крепко встал на ноги. Вместо жалкого существа теперь стоял крупный черный жеребец в серых яблоках. Грива его была подобна облаку. Он был вождем всех коней. Стоило ему фыркнуть, как из ноздрей вырывались сверкающие молнии. Конь метнулся на запад, громко заржал, и тут весь запад заволкло облако пыли, поднятое стуком копыт. Из этого облака стали выплывать бесчисленные кони ярко-черного цвета. Затем он рванулся на север и тоже заржал, потом на восток и на юг, и везде вздымались громадные облака пыли, из которых выплывали бесчисленные кони-белые, гнедые и желтые. Все они были сытые и красивые, наслаждались своей силой и быстрым бегом. Это было и страшно, и прекрасно.

Затем все они резко остановились, встали на дыбы и выстроились кольцом вокруг своего черного жоака. И четыре девы алого цвета, прекраснее всех женщин земли, по одной от каждой стороны света, вошли в круг и встали около этого крупного черного жеребца. Одна несла чашу с водой, другая - белое крыло, третья - трубку, а последняя - священный круг жизни. Все четыре стояли каждая на своей стороне света. Вселенная затихла, внимая происходящему. И тут черный жеребец запел. Вот его песня:

Лошади мои, идете вы вскачь,
Лошади мои, идете вы со ржанием.
Лошади мои, идете вы вскачь.
По всей вселенной вы идете.
Взгляни - они будут плясать...
Взгляни - лошадиный народ будет плясать...

Голос его был негромким, но разносился по всей вселенной, наполняя ее. Все живое прислушивалось к песне, и не было ничего прекраснее ее. Лошади пустились в пляс. Листва на деревьях, травы на холмах и в долинах, воды в ручьях и озерах, четвероногие, двуногие и крылатые создания - все вместе плясали под песнь жеребца. И когда я взглянул вниз на свой народ, грозовая туча пропала, окропив землю ласковым дождем. Эта туча застыла на востоке, превратившись в сверкающую радугу.

Потом все кони с пением разошлись по своим частям света, преодолев четвертый подъем. И все в мире подпевало им, пока они шли.

А голос сказал: «Вся вселенная увидела счастливый день». И посмотрев вниз на землю, я увидел, что весь широкий круг этого дня был прекрасным и цветущим. Плоды наливались соком, везде воцарились добро и счастье.

Тогда голос произнес: «Запомни этот день. Ты сам должен будешь принести его людям. А сейчас ты взойдешь к центру земли, чтобы узреть все вокруг. Тебя проведут туда».

Я по-прежнему сидел верхом на своем гнедом, а сзади появились всадники запада, севера, востока и юга. Как и прежде, все они ехали четкими рядами. Мы направлялись на восток. Впереди показались горы, покрытые лесами, и еще выше вздымающиеся скалы. Горы излучали разноцветные отблески, своими сияниями восходившие под небеса. И вот уже я стоял на самой высочайшей горе, а вокруг меня простирался весь священный круг земли. Стоя там, я увидел больше, чем могу рассказать, а постиг умом больше того, что увидел. Ибо мне в таинстве открывался духовный облик всех вещей и образ всех образов, и то, что все они в этом мире составляют единство. Я увидел, что священный круг жизни моего народа - лишь один из многих, которые вместе составляют единый круг, широкий и просторный, словно дневной свет, словно сияние звезд. В центре его произрастало одно могучее цветущее дерево, которое укрывало всех детей одной матери и одного отца. Я понял, что все это свято.

Я стоял там в центре круга, а с востока ко мне летели двое мужей. Они летели головами вперед, словно стрелы. Между ними возшла утренняя звезда. Они подлетели и дали мне траву, сказав: «С ее помощью ты предпримешь на земле любое дело, и завершишь его». То была трава утренней звезды, трава мудрости, и они велели мне бросить ее на землю. Трава полетела вниз, и едва коснувшись земли, сразу расцвела, и на каждом стебле ее было по четыре цветка - голубой, белый, алый и желтый. Сияние цветов достигло небес, и все создания увидели его, и на земле не осталось ни одного уголка, где бы властвовала тьма.

Потом голос сказал: «Теперь возвращайся к своим шести предкам».

Дотоле я не обращал внимания на свой облик. А тут заметил, что весь сплошь раскрашен красной краской. Места суставов были разрисованы белыми полосами. Гнедой, на

котором я ехал, был весь расписан линиями, изображавшими молнии, а гривой ему служило облако. И дыханьем моим была молния.

Двое мужей, что принесли меня с земли, головой вперед, словно разящие стрелы, сейчас указывали мне дорогу. Я следовал на гнедом за ними, и вот они превратились в четыре стаи гусей, которые стали описывать круги, каждый над своей стороной света, издавая священный голос: «Бр-р-р-п, бр-р-р-п, бр-р-р-п, бр-р-р-п!»

Потом я увидел радугу, сияющую над типи Шести Предков. Типи было из облаков, сшитых нитями-молниями. Под ним летали все пернатые мира, а еще ниже были звери и люди. Все они ликовали, а гром, что раздавался вокруг, казался счастливым смехом.

Когда я въезжал через окаймленный радугой свод, по всей вселенной голоса приветствовали меня. И я увидел Шестерых Предков, восседавших в ряд. Руки их были простерты ко мне, ладонями вверх. За спинами старцев в тумане туч проступали без числа лица еще не родившихся людей.

«Он победил!» - разом вскричали все шестеро, и голос их отозвался громом. И когда я проезжал мимо, каждый предок вновь одарил меня той же вещью, что и прежде - чашей с водой, луком и стрелами, силой творить жизнь и убивать врагов, белым крылом и целебной травой, священной трубкой и живым побегом. И снова каждый обращался ко мне поочередно и объяснял назначение своих даров. И каждый, сказав слово, исчезал в земле и вновь возрождался; после того, как каждый проделал это, я почувствовал себя ближе к земле.

Затем самый древний из них произнес: «Внук, всю вселенную ты постиг. Теперь ты вернешься назад вместе с обретенной тобою силой. И там, на земле, случится так, что сотни будут спасены, а сотни сгорят в огне. Смотри!»

Я поглядел вниз, и там на земле увидел своих людей. Все они были здоровы и счастливы, кроме одного из них, который, словно мертвец, лежал без движения; и человек этот был я сам. И тут самый старый предок запел такую песнь:

Кто-то священный лежит на земле.
Этот кто-то - на земле он лежит.
Я вдохнул в него святость, с которой он к людям пойдет.

Тут типи, сделанное из облака, закачалось, словно от ветра, и сияющий радугой свод стал блекнуть. Отовсюду снаружи неслись голоса: «Глядите: вот идет Орлиным Крылом Простертый!»

Когда я вышел из типи, на земле уже занимался день; на лбу его мерцала утренняя звезда. Поднялось солнце и глядело на меня, и я шел вперед один.

Я шел один и слышал, как за мной летела песнь восходящего солнца:

Своим ярким ликом являюсь,
Свято являюсь.
Радость несу цветущей земле.
Радость принес я в центр священного круга народа.
Глядите, вот я со своим ярким ликом!
Четвероногие и двуногие, я вдохнул в вас жизнь.
Крылатые, я наполнил вас силой.
Своим ярким ликом являюсь.
О новый день, я сделал тебя священным.

Когда песнь кончилась, я почувствовал себя потерянным и одиноким. Тут голос надо мной произнес: «Оглянись!» То был пятнистый орел, паривший надо мной, он и

обратился ко мне. Я посмотрел, куда он мне указал. Там, где прежде стояло типи, сшитое из облаков - я видел только одинокую высокую скалу, стоявшую в центре мира.

Ноги мои ступали по земле; я брел один по широкой равнине. Лишь пятнистый орел охранял меня. Вдали показался мой родной лагерь. Я прибавил шагу, так как очень соскучился по дому. Потом я увидел свое типи, а в нем - отца с матерью, склонившихся над больным мальчиком, - то был я сам. Когда я входил в типи, кто-то произнес: «Мальчик приходит в себя, дайте ему немного воды».

Затем я приподнялся и сел. Мне было немного грустно потому что ни мать, ни отец и не подозревали, как далеко я побывал.

IV. БИЗОНЬЯ ОХОТА

Когда я вернулся к своим родителям и смог сидеть в типи, лицо мое было еще распухшим; опухшими были ноги и руки. Но чувствовал я себя уже хорошо - мне хотелось вскочить и побегать немного. Однако родители удержали меня. Они сообщили мне, что я пролежал больной двенадцать дней подряд, неподвижно, словно мертвый, и что к жизни меня вернул Ловец Вихря - знахарь и брат Стоящего Медведя. Я-то понимал, что на самом деле меня вылечили Предки из типи Сверкающей Радуги. Однако я не решался сказать об этом. Отец подарил Ловцу Вихря свою самую лучшую лошадь за то, что тот вылечил меня. Многие приходили поглядеть на меня. Вокруг было много разговоров о великой силе Ловца Вихря.

Все радовались, что я жив. А сам я лежал и размышлял о том чудесном месте, где мне довелось побывать, и обо всем том, что увидел. Я был очень печален - мне казалось, что об этом должны узнать все, а я не могу рассказать, ведь мне никто не поверил бы. Я был еще слишком мал - девяти лет от роду. Вспоминая свое видение, я вновь и вновь, словно наяву, переживал его, и ощущал его значенье благодаря какой-то таинственной силе, теплившейся в моем теле; но то была только часть моего существа. Когда же другая часть его - та, что облечена речью, пыталась назвать это значенье, оно становилось дымкой и ускользало прочь.

Сейчас я уверен, - тогда я был еще слишком мал, чтобы постигнуть умом это видение; я мог лишь чувствовать его. Мне вспоминались картины и слова, которые прошли передо мной. В жизни не видел я ничего столь яркого и красочного, как мое видение, ни от кого ни разу не слышал таких слов, какие послали мне голоса. Мне не нужно было запоминать их - они сами собой запали в память на долгие годы. Взрослея, я все больше и больше начинал понимать значение тех образов и слов, что снизошли до меня. Но даже сейчас я знаю, что мне было показано больше, чем в силах я рассказать.

Вечером того дня, когда я вернулся на землю, Ловец Вихря, добывший славу и добрую лошадь, снова заглянул в наше типи. Он присел и долгое время как-то странно глядел на меня; потом он сказал отцу: «В том, как сидит твой сын, есть что-то священное. Точно не знаю, что все это значит, но как только я перешагнул порог типи, я почувствовал, как какая-то сила, подобно свету, озарила все мое тело».

Пока он пристально смотрел на меня, мне хотелось вскочить и убежать. Я боялся, что он проникнет взглядом вовнутрь меня и увидит там мое видение, а затем передаст его как-нибудь неправильно, и тогда все решат, что я сошел с ума. И долго еще потом, стоило мне только завидеть Ловца Вихря, я скорей убежал и прятался, боясь, что он заглянет вовнутрь меня и все расскажет.

Утром у меня пропали все отеки. Я почувствовал себя так же хорошо, как и прежде. Однако все вокруг казалось мне каким-то странным и отдаленным. Помню, дней двенадцать после всего этого мне очень хотелось побыть в одиночестве. Казалось, я не принадлежу своему народу, словно все остальные были чужестранцами. Все это время я уходил из деревни, оставался один и не играл с другими мальчиками. Я смотрел на четыре стороны света, размышлял о своем видении, жалея, что не могу вернуться назад. Домой я приходил только за тем, чтобы поесть. Однако аппетита не было. Отец с матерью считали, что я все еще болен. Они ошибались - просто я тосковал по тому месту, где мне довелось побывать.

Не решался я рассказать о своем видении даже дедушке Отказываетея Идти, хотя до этого думал, что могу поделиться с ним самым сокровенным. Он всегда понимал мальчишек, и сам без конца рассказывал о всяческих чудесах. И он сделал мне тот первый лук. Он делал мне стрелы, и когда я терял их, у него всегда наготове были новые. Нельзя сказать, что я не любил своего отца, но Отказываетея Идти - совсем другое, с ним в играх я проводил долгое время. И вот впервые я не смог поведать ему о том, что мучает меня.

Однажды я шел с луком, который сделал мне дедушка, и думал о своем видении. Тут неожиданно у меня закружилась голова, и на мгновение мне показалось будто лук со стрелами - именно тот, что подарил мне первый предок из типи со сверкающей радугой. Затем все встало на свои места, и в руках у меня опять были дедушкины лук и стрелы. Мне было как-то нехорошо, и я пытался заставить себя поверить, что это было лишь простым сном. Я подумал, что выброшу все из головы, и решил подстрелить какую-нибудь дичь. Мне попался куст, на ветке которого сидела маленькая птичка. Только я стал прицеливаться, как у меня опять закружилась голова. И вспомнил - теперь ведь я сородич пернатым - и опустил лук, чувствуя, что глупо было упускать эту птицу. Потом спустился к ручью, и там у ручья заметил зеленую лягушку и сразу же не раздумывая, выстрелил в нее. Но когда я подошел и поднял ее за лапки, то подумал про себя: «Вот я убил ее», - и тут же чуть было не расплакался от жалости.

Рассказывает Стоящий Медведь:

Я помню то время, когда мой друг был болен. Я старше его на четыре года. Сам я минниконжу, но наши матери приходятся друг другу сестрами. Поэтому, когда наши племена стояли одним лагерем, мы играли вместе. Случилось это у истоков Скользящей Травы (Литгл Биг-Хорн). Все, в том числе и Черный Лось, чувствовали себя хорошо. А потом вдруг я услышал, что он умирает и уже еле дышит. Мы очень переживали, посылали к другим племенам за целебными снадобьями, но никто не знал, что у него за болезнь. Помню, я как-то видел его больным - мой друг был словно мертвый. Потом он неожиданно выздоровел. Все люди удивлялись и тоже много говорили об этом.

Помню и то, что происходило после его выздоровления. Вскоре мы перенесли наш лагерь к устью Ивового Ручья - это два дня пути на юг. Во время переезда, я подскакал к мальчикам помладше, которые ехали сзади. Мне хотелось повидать своего маленького друга. Я обратился к нему: «Здравствуй, младший брат! По всему, ты уже чувствуешь себя хорошо?» А он ответил: «Здравствуй! Да, сейчас я совершенно здоров!» Но пока мы ехали и разговаривали, я чувствовал, что он не похож на мальчика. Скорее, это был старец. Вспоминаю, как его отец разговаривал однажды вечером с моим отцом в нашем типи за едой. Отец Черного Лося сказал что-то в таком роде: «С тех самых пор, как мой сын выздоровел, он стал совсем другим - ведет себя как-то странно, не любит бывать дома. С ним творится что-то неладное. Бедный мальчик!»

Потом все отправились на большую охоту, и об этом событии забыли.

Черный Лось продолжает:

Да, после небольшой остановки у Ивового Ручья мы отправились на большую охоту. Она помогла мне на время забыть о видении.

Однажды утром по деревне прошел глашатай и объявил, что лагерь переезжает. Советники собрались в типи совета, и глашатай обратился к ним: «Советники, выходите в центр и несите с собой огонь». Обязанностью советников было поддерживать огонь, поскольку в те времена у нас не было спичек.

«Переезжаем, переезжаем», - опять вскричал глашатай, и все люди начали разбирать свои типи, укладывая их на волокуши.

Потом глашатай громко объявил: «Слышал я, будет много бизонов, много бизонов! Следите за своими детьми!» Он имел в виду, чтобы родители держали детей поблизости, а то те могут распугать бизонов. Мы полностью свернули лагерь и пустились в путь. Впереди шли четверо советников, за ними глашатай, следом - вожди, а уже за ними длинной цепочкой двигались остальные люди с нагруженными волокушами. Замыкали процессию табуны пони. Сам я ехал почти в конце, вместе с младшими мальчиками. Когда вся процессия стала подниматься вверх по склону холма, я посмотрел вперед, и на мгновение у меня опять закружилась голова, потому что мне вспомнилось племя из видения, которое шло по красной дороге священным путем. Но здесь все было иначе, и вскоре воспоминание покинуло меня, потому что впереди ждало нечто захватывающее, и даже лошади, казалось, чувствовали это.

Через некоторое время добрались мы до места, где росло много дикой репы, и глашатай объявил: «Снимайте поклажу и дайте отдохнуть лошадям. Берите палки и ройте репу». Люди начали копать, а советники в это время отдыхали и курили на близлежащем холме. Потом глашатай вскричал: «Грузите свою поклажу!» И вскоре все снова пустились в путь.

Днем советники выбрали место для нового лагеря. Там было много сушняка и воды. Женщины принялись готовить еду. Тут люди заговорили, что возвращаются разведчики. Их было трое, они показались на вершине одного из холмов и проскакали в самый центр деревни прямо к типи совета. Сюда же стал стекаться весь народ. Я подобрался как можно ближе, и из-за спин мужчин следил за происходящим. Глашатай вышел из типи и обратился к народу: «Я хранил вас, теперь дайте мне много даров». Тогда разведчики сели перед входом в типи, а один из советников набил священную трубку ивовой корою чакунша-ша, и положил ее перед собой на бизоний помет, ведь бизон был священен - он давал нам пищу и кров. Потом он зажег трубку, поднес ее четырем сторонам света, духу неба и матери-земле, и, передавая разведчикам, сказал: «От вас зависит судьба племени. Все, что вы видели, может послужить на благо народа». Разведчики сделали по одной затяжке, показав тем самым, что будут говорить только правду. Затем советник спросил одного из разведчиков: «В каком месте увидел ты добрый знак? Сообщи мне и порадууй».

А тот отвечал: «Ты знаешь, откуда начали мы свой путь. Мы шли и достигли вершины одного холма и там увидели небольшое стадо бизонов». Говоря, он указывал направление.

Советник продолжал: «Быть может, по другую сторону холма увидел ты добрый знак? Расскажи». Разведчик ответил: «По другую сторону холма мы увидели второе, более крупное стадо бизонов».

Советник опять вопрошал: «Расскажи мне все, что ты увидел с вершины холма, буду очень тебе благодарен».

Разведчик сказал: «Оттуда до самого горизонта, насколько хватало взора, паслись бизоны».

Советник воскликнул: «Хечету эло! Теперь я доволен».

Тогда глашатай громко объявил нараспев: «Точите ножи, заостряйте стрелы. Готовьтесь, спешите, ведите лошадей! Мы выходим на охоту и много добудем мяса!»

Все бросились затачивать ножи и наконечники стрел, готовить лучших лошадей для этой большой охоты.

И вот мы выступили в том направлении, которое указали разведчики. Первыми ехали акацита²⁰ - двадцать человек цепью. Того, кто решился бы вырваться вперед, сразу бы вышибли из седла. Акацита следили за порядком, и все обязаны были подчиняться их приказаниям. За ними следовали остальные охотники. Главный советник прошел по рядам и отобрав самых лучших охотников на быстрых лошадях, обратился к ним: «Молодые воины, полные сил, сородичи! Я знаю, вы никогда не возвращаетесь без добычи, всегда в охоте вам сопутствует успех. Сегодня вы накормите беспомощных соплеменников, одиноких стариков и старух, и тех, у кого в типи есть малые дети, но нет мужчины. Вы поможете им. Дичь, которую вы сегодня убьете, отдайте им». Такого рода поручение было большой честью для молодого человека.

После, когда мы подошли к стаду бизонов еще ближе, охотники окружили животных и с боевым кличем: «Хока хей!» - бросились преследовать их. Потрясенные бизоны подняли громадное облако пыли. Все охотники были почти полностью обнажены, у каждого за спиной висел колчан, полный стрел. Обычно охотники настигали бизона и поражали его пониже левой лопатки. Некоторые стрелы входили в тушу по самое оперение, а порой, не встречая костей, проходили насквозь. Всем было радостно.

Рассказывает Стоящий Медведь:

До этого на моем счету был всего лишь один молодой бизон - поэтому охоту я помню хорошо: мне было уже тринадцать лет; я решил, что пора бы уже стать настоящим мужчиной и добыть годовалого бычка. Один из бизонов помчался в лощину, и я бросился преследовать его на своем пони. Мой первый выстрел, кажется, не причинил ему никакого вреда, зато вторая стрела вошла в бизона почти наполовину. Думаю, что я поразил его в самое сердце, потому что животное сразу зашаталось, и из ноздрей его хлынула кровь. После каждого удачного выстрела охотники обычно восклицали: «Йоху!» Я тоже не переставая вопил: «Йоху!», поскольку это был мой первый взрослый бизон. По тому, как я кричал, можно было подумать, что мне удалось расправиться со всем стадом. Когда мой бизон свалился, я спешил и стал свежевать его. Меня переполняла радость. По всей равнине до самого горизонта лежали бизоньи туши; их разделяли охотники. На помощь к ним спешили женщины и старики, издавая высокие ликующие возгласы. Было это в месяц красной вишни (июль). Добыча была велика.

Черный Лось продолжает:

В это время я был уже вполне здоров и мог ездить на пони, но для охоты был еще слишком мал. Поэтому мы, маленькие мальчики, лишь разведывали местность и наблюдали за охотниками. Стоило нам завидеть группу бизонов, мы, как взрослые охотники, кричали: «Йоху», но никто не обращал на нас никакого внимания.

Когда окончили разделку туш убитых бизонов, охотники взвалили мясо на лошадей, прикрепив его сыромятными ремнями. Не осталось ни одной не нагруженной лошади. Мы, мальчики, никак не могли дождаться, пока мясо приготовят и некоторые лакомились по дороге в лагерь сырой печенью. Никто нас не одергивал.

Дома женщины уже готовили длинные шесты, которые укладывали на треноги. Получалась рама для сушки мяса. Возвращавшиеся охотники бросали длинные полоски мяса на подстилки из листьев.

²⁰ Акацита или племенная полиция - у дакотов особая группа лиц, функционировавшая во время передвижения лагеря на новое место и особенно пору сезонных охот на бизонов. Обычно состояла из молодых воинов, членов того или иного военного братства - «лисицы», «собаки» и т. д. Иногда эта роль закреплялась за тем или иным братством постоянно (например у шайеннов - братством «собак»).

Все советники прошли обратно в типи совета, а к их типи отовсюду стал стекаться народ с мясными дарами для них; советники вскричали: «Хай-ааа!» и запели песнь в честь тех, кто принес им эти добрые дары. Когда они съели столько, сколько могли, глашатай вышел и объявил: «Ступайте домой! Я уже сыт!» Люди забрали то мясо, что осталось от пира, и унесли домой.

Все женщины вокруг были заняты только тем, что резали мясо на полоски и вешали сушиться на рамы. Везде, куда ни глянь, висело красное мясо. Всю ночь люди пировали, плясали и пели. Счастливого было время.

Тогда, после большой охоты мы, мальчики, часто играли в военную игру. Отойдя недалеко от лагеря, мы строили из травы несколько типи. Сами мы были как бы врагами, а травяные типи нашим лагерем. Мы выбирали своего советника, который, когда стемнело, приказывал нам прокрасться в лагерь взрослых и похитить мясо. «Советник» держал над нашими головами прутик, и каждый должен был подпрыгнуть и откусить от прутика. Если ты откусывал много, то следовало добыть большой кусок мяса, если мало - то маленький кусочек. Потом мы пробирались в лагерь взрослых ползком на животе и, когда возвращались назад непойманными, устраивали большой пир, плясали, вели бесконечные победные речи, и словно настоящие воины, описывали свои храбрые деяния. Раз, помню, мне не пришлось расписывать свою храбрость; я подкрался к кривому дереву, росшему позади одного из типи. На ветвях его сушилось мясо. При тусклом лунном свете я заметил там бизоний язык и сразу вскарабкался на дерево. Я уже было собрался схватить его, как вдруг человек в типи крикнул: «Йе-а-а!» Он спугнул свою собаку, которая тоже подбиралась к мясу. Мне же показалось, что он заметил меня. Я так испугался, что свалился с дерева и в слезах убежал.

Еще мы часто исполняли пляску, которую называли «Пляской потрескавшейся груди». Наш «советник» осматривал всех и выбирал того, у кого была самая загорелая грудь. Тогда этот мальчик плясал, а все мы, мальчишки, пели:

У меня потрескалась грудь.

Грудь моя красная.

Грудь моя желтая.

Занимались мы и проверкой друг друга на выносливость. «Советник» насыпал нам на запястья высушенные семечки подсолнуха и зажигал их. А мы должны были терпеть, пока они не прогорят до самой кожи. Было очень больно, и после этого оставались ожоги, но если кто не выдерживал и сбрасывал семечки с рук или вскрикивал, его сразу обзывали девчонкой.

V. В ГОРОДКЕ СОЛДАТ

После того, как все мясо было высушено, шесть племен нашего народа, которые собрались вместе примерно в то время, когда меня посетило видение, покинули лагерь в устье Ивового Ручья и разошлись в разные стороны. Мы, небольшая часть оглалов, направились к югу, в городок солдат, что стоял на реке Дымная Земля (Уайт-Ривер). Там жили некоторые наши сородичи и мы хотели навестить их, а заодно попить кофе, угостившись агиапи, паисута сапа и чахумписка - хлебом, кофе и сахаром. Остальные оглалы остались вместе с Бешеным Конем²¹, который вообще не хотел иметь ничего

²¹ Бешенный Конь (1841-1877) - выдающийся лидер освободительного движения индейцев степей против американской колонизации. Участвовал во всех крупных военных походах дакотов против солдат и поселенцев. По поверью, обладал мистической силой, оберегавшей его от пуль и стрел. Принимал участие в

общего с васичу. Это было в месяц, когда созревают вишни²², и мы, мальчики, проводили все время в играх. В лагере было совсем немного мальчиков, поэтому все держались вместе. К тому времени я почти забыл о своем видении, да и головокружения больше не тревожили меня. Я уже перестал быть таким застенчивым, как раньше. Лишь в сильную грозу всего меня переполняло какое-то счастливое чувство - словно кто-то приходил навестить меня.

Сначала мы разбили лагерь на Паудер-Ривер, затем у истоков северного рукава Доброй реки (Шайенн-Ривер) у большого холма, который мы прозвали Сидит-Рядом-С-Младшим-Братом, потому что за ним стоял еще один небольшой холмик. Потом останавливались у ручья Дрифтвуд-Крик, затем на равнине Сосновых Деревьев. Следующей нашей стоянкой был Плам-крик, Сливовый ручей. Когда мы добрались до него, сливы уже начинали краснеть, но еще не совсем созрели. Дедушка пошел туда и сорвал несколько больших спелых плодов. Мне они показались очень вкусными.

Когда мы достигли ручья Военный Головной Убор, что протекает совсем неподалеку от городка солдат, там нас уже ожидали моя тетья и другие сородичи. Они захватили с собой хлеб, кофе, и мы вместе устроили большой пир. Ночью я опять заболел, и утром родители настояли на том, чтобы я ехал на волокуше. Они очень боялись, что на этот раз я непременно умру. Мне кажется, тогда я просто переел хлеба и выпил слишком много кофе. Может быть, и слив съел больше, чем нужно. Мы вновь стали лагерем, теперь уже на холме Бедра. На этот раз к нам присоединились почти все соплеменники из городка солдат. На следующий день примерно двадцать типи покинули лагерь; другие остались на месте. Всю зиму мы прожили со своими сородичами у городка солдат. Для нас это было счастливое время - мы катались на санках, сделанных из челюстей и ребер бизона, связанных сыромятными ремнями.

Той зимой мне было уже десять лет, и как раз тогда я впервые увидел васичу. Поначалу из-за своей бледности они показались мне больными. Еще я боялся, что они возьмут и нападут на нас, но потом привык к ним.

В ту зиму один из наших мальчиков забрался на флагшток и обрубил его верхушку вместе с флагом васичу. Это чуть не привело к беде. Нас со всех сторон окружили солдаты с ружьями. Однако Красное Облако без оружия встал между двумя сторонами и обратился с речью к васичу и к нам. Он сказал, что мальчик, который сделал это, должен быть наказан, а солдатам заметил, что глупо взрослым мужчинам стрелять друг в друга из-за детских шалостей - ведь и они когда-то в детстве делали глупости. В конце концов все уладилось.

Красное Облако был из оглалов. Это был великий вождь. Но к тому времени, о котором я рассказываю, он уже больше не сражался с васичу. Он перестал воевать после того, как пятью годами раньше заключил договор (1868г.), и теперь жил со своей группой «Свирепые лица» в городке у солдат. Думаю, что величайшим вождем был Бешенный Конь, и он тоже был из оглалов.

битве при Литгл-Бигхорн, где был разгромлен отряд генерала Дж. А. Кастера (25 июня 1876 г.) Будучи наиболее влиятельным военным лидером, он в глазах американской администрации представлял потенциальную опасность для правительства. Постоянная слежка за вождем, подозрительностью чиновников на местах, зависть со стороны вождей - Квислингов, привели в конце-концов к провокации близ форта Робинсон, во время которой Бешенный Конь был убит. По одной из версий, Бешенный Конь ушел из резервации без разрешения агента на поиски доктора для своей больной жены. Власти сочли, что это было сделано умышленно, в качестве вызова правительству. Вождь был схвачен и посажен в тюрьму. Защищаясь, Бешенный Конь погиб; место его захоронения осталось неизвестным.

²² Июль

В месяц появления трав²³ группой в 30 палаток мы снялись из нашего лагеря и двинулись к Черным Холмам²⁴, чтобы запастись шестами для типи. Шли по течению ручья Отрубленной Лошадиной Головы и добрались до самого устья. Когда мы стояли там лагерем, я как-то вышел побродить за его пределы. Бродил и вдруг услышал посвист пятнистого орла. Я взглянул вверх - орел парил прямо у меня над головой. Тут у меня опять сильно закружилась голова и на короткое время мне показалось, что я снова попал в мир своих видений.

Из этого места мы перебрались к Ущелью Бизона у самого подножья Черных Холмов. Однажды мы отправились с отцом поохотиться на оленей. Нам пришлось взбираться вверх по склону большого холма и продираться сквозь лесные заросли. Отцу было трудно идти из-за раны, полученной во время битвы «Ста убитых». Когда наконец мы добрались до самой вершины, отец посмотрел вниз и сказал: «Вон там я заметил несколько оленей. Подожди тут, а я пойду подкрадусь к ним». У меня неожиданно опять закружилась голова, и сам не знаю почему, я ответил ему: «Нет, отец, останемся здесь. Они выведут к нам». Отец посмотрел на меня строго и удивленно спросил: «Кто это выведет?» Я не мог ответить; он, пристально посмотрев на меня, уступил: «Хорошо, сын». Мы залегли в траве и стали ждать. И впрямь, олени сами подошли к нам, а отец подстрелил двоих.

Пока мы свеживали оленей, я ел оленью печень; и тут меня охватила жалость оттого, что мы убили этих животных. Мне подумалось - надо оставить какую-нибудь жертву взамен. «Отец, а не оставить ли одного из них диким зверям?» - спросил я. Он опять внимательно посмотрел на меня, однако положил одну из туш головой к востоку, а сам, встав лицом к западу, воздел руки и четырежды вскричал: «Хей-хей!» - и произнес слова молитвы: «Праотец наш Великий Дух, услышь меня! Всем диким, вкушающим мясо, предлагаю я эту жертву, чтобы народ мой и дети мои жили в достатке».

Наш народ прожил счастливо еще одно лето, ибо не пришла еще большая беда. Люди заготовили множество шестов для типи. Там, на восточной стороне Черных Холмов, в изобилии водилась дичь. Эти холмы для нас были словно кладовая, полная всякой пищи. Вдвоем со своим одногодкой по имени Железный Бык я увлекся ловлей рыбы. Опуская в воду приманку, мы всегда приговаривали: «Ты, что живешь в воде и носишь красные крылья, я предлагаю тебе эту пищу, иди сюда». Когда мы начинали ловлю и вынимали первую рыбу, то зажимали ее раздвоенным прутиком и целовали. Мы были уверены, что если бы не сделали этого, то другие рыбы узнали бы и ушли. Если нам попадалась маленькая рыбка, мы кидали ее обратно, чтобы рыба побольше не боялась и не уходила. Не знаю, помогало нам все это или нет, однако домой мы всегда возвращались с большим уловом. Родители гордились нами. А мы, в свою очередь, стремились поймать больше рыбы, чтобы люди дивились нашим успехам.

Жил в лагере один человек по имени Уатанья, который умел бить рыбу острым копьём. У него сильно болели губы; они так потрескались у него, что он не решался смеяться. Бывало, люди нарочно смешили его, но он вставал и уходил от них. Однажды он предложил мне: «Младший Брат, я покажу тебе, как надо бить копьём рыбу», и мы вместе пошли к ручью. В прозрачной воде лежала большая, размером по локоть, рыба. «Возьми копьё и ударь вглубь» - сказал Уатанья. - В воде рыба лежит гораздо глубже, чем это кажется нам». Я схватил копьё и пустил его что было сил, однако глубина оказалась намного больше, чем я предполагал. Поэтому я промахнулся, и не удержавшись, рухнул в холодную воду. Когда я вскарабкался на берег, Уатанья, держась за живот, весь сотрясаясь от хохота. Кровь ручьями струилась по его лицу. Он со всех ног бросился прочь от меня, и еще долгое время потом, едва только я встречался на пути, он

²³ Апрель

²⁴ Черные Холмы или Паха Сапа - горы, расположенные в западной части штата Южная Дакота. По поверьям местных племен, являлись центром мира, т. е. окрестных индейских земель.

поворачивался и убегал, боясь вновь рассмеяться. Раз я как-то даже нарочно спрятался в кустах, дожидаясь, пока он пройдет мимо, чтобы только посмотреть, как он побежит, когда я выскочу.

Но Уатанья, наверное, любил меня, потому что часто брал с собой ловить рыбу или на охоту. Он постоянно учил меня разным полезным вещам; он любил рассказывать всякие истории, главным образом смешные - если, конечно, у него не болели губы. До сих пор помню один из его рассказов о юноше-лакота по имени Высокий Конь, и о том, какие трудности тот претерпел, добиваясь руки любимой девушки. Уатанья уверял, что все именно так и было: может, и верно. Если же нет, нечто подобное могло случиться на самом деле. Я расскажу тебе эту историю.

VI. СВАТОВСТВО ВЫСОКОГО КОНЯ

Знаешь, в старые годы было совсем непросто взять девушку в жены. Нередко для юноши это было делом нелегким, и ему приходилось многое вынести. Вот, скажем, я, например, юноша и мне понравилась девушка, которая так прекрасна, что стоит мне подумать о ней, как всего меня охватывает тоска. Но я не могу так просто пойти и сказать ей об этом, а потом жениться, если она согласна. Тут нужно быть проницательным малым. Если вообще удастся перекинуться с ней словечком, это только начало.

Мне немало придется потосковать из-за своей сильной любви, а она, как правило, даже не взглянет на меня; родители неотступно следят за дочерью. Но вот я стану тосковать все сильнее, как-нибудь подкрадусь ночью к ее типи и буду ждать, пока она выйдет. Может статься, что я не смыкая глаз проведу там всю ночь, а она так и не появится. Тогда уж мне совсем будет худо.

Я, быть может, попытаюсь затаиться в кустах у ручья, к которому она ходит за водой, и, если она пройдет мимо, а вокруг никого не будет - я выскочу, возьму ее за руку и попрошу выслушать меня. Если она тоже любит меня, это сразу можно понять по тому, как она себя поведет. Из-за своей скромности девушка поначалу порой не скажет и слова, а будет просто стоять, потупив взор. Тогда я дам ей уйти, а сам, побродив вокруг типи постараюсь застать как-нибудь ее отца, которому расскажу, сколько лошадей я могу дать за его прекрасную дочь. И к этому времени мне уже так худо, что я готов отдать всех лошадей в мире.

Так вот. Того юношу, о котором я веду рассказ, звали Высокий Конь. В деревне жила одна девушка, которая была так красива, что он только и думал о ней, все больше и больше влюбляясь. Девушка же была очень скромна, а родители сильно ее оберегали, потому, что сами были уже немолоды, и то был их единственный ребенок. Целыми днями они не отпускали ее от себя ни на шаг. Они сделали так, чтобы и ночью, когда все спят, девушке ничего не грозило. Поскольку родителям было известно, что Высокий Конь увивается вокруг нее, на ночь они привязывали дочь к постели сыромятными ремнями, чтобы никто не смог похитить ее, пока они спят. Не доверяли они дочери - кто знает, не хочет ли она быть похищенной?

В общем, Высокому Коню пришлось порядком побродить вокруг да около, скрываясь и поджидая девушку, пока наконец он не застал ее одну и не уговорил побеседовать с ним. Он понял, что тоже не совсем безразличен девушке. Понятно, что одно это помогло ему воспрянуть духом. Он еще больше загорелся желанием добиться ее руки. Это придало ему силы бизона; он пошел к ее отцу и сказал прямо, что любит его дочь и готов отдать за нее двух хороших лошадей - одну молодую, а другую постарше. Но старик лишь отмахнулся, тем самым показав Высокому Коню, чтобы тот уходил и перестал болтать глупости.

Высокий Конь теперь совсем не мог найти себе места от переполнявшей его любви. Один юноша, его приятель, сказал, что одолжит ему двух пони, а когда Высокий Конь разживется лошадьми, то вернет их. После этого он опять пришел к старику и предложил за девушку четырех лошадей - двух молодых и двух взрослых. А старик вновь отмахнулся и не пожелал с ним говорить.

Высокий Конь опять принялся бродить вокруг типи девушки, пока не застал ее одну. Он предложил ей бежать вместе с ним, а если она не согласится - он умрет на месте. Однако девушка отказалась. Ей хотелось, чтобы ее взяли замуж законным путем, как всякую красивую женщину. Видишь ли, она тоже знала себе цену.

Высокий Конь совсем загрустил, он смотреть не мог на еду и бродил вокруг, понуриив голову - ему оставалось только умереть.

Был у него один очень близкий товарищ - Красный Олень. Они всегда держались вместе. Увидел Красный Олень, что творится с другом и спросил: «Брат, в чем дело? Не болен ли ты? Ты так плохо выглядишь, словно собрался умирать».

Тогда Высокий Конь рассказал другу обо всем: жизнь потеряет для него всякий смысл, если он в ближайшем времени не женится на своей любимой. Красный Олень подумал немного и сказал: «Послушай, брат, у меня есть план. Если ты достаточно смел, чтобы выполнить его, все будет в порядке. Она не хочет бежать с тобой, четырех лошадей старик отверг, а больше у тебя нет. Остается лишь выкрасть ее. Потом, через некоторое время ты вернешься назад и старику придется волей-неволей смириться, ведь она станет твоей женой. Возможно она сама хочет, чтобы ты украл ее».

Вместе они составили план, который предстояло осуществить Высокому Коню. Он сказал, что любит девушку очень сильно и готов на все. И вот что они сделали.

Поздней ночью они подкрались к типи девушки и ждали до тех пор, пока внутри не смолкли все звуки. Семья как будто заснула. Тогда с ножом в руке Высокий Конь потихоньку прополз в типи. Ему надо было перерезать сыромятные ремни, которыми была привязана девушка, а Красный Олень должен был помочь вынести невесту и засунуть ей в рот кляп. Потом жених перекинет ее через круп пони и помчится прочь, и будет счастлив до конца дней.

Когда Высокий Конь заполз в типи, он так разволновался, что слышал биение своего сердца. Ему казалось - оно колотится так сильно, что непременно разбудит стариков. Однако все было спокойно. Он принялся перерезать ремни. Каждый раз ремень лопался с шумом, который пугал его до полусмерти. Все шло хорошо, и он уже обрезал все ремни, дойдя до самых ног девушки. Но тут он так сильно разволновался, что нечаянно кольнул ножом девушку. Та громко вскрикнула. Старик тут же вскочил и стал кричать. Однако Высокий Конь был уже снаружи и вместе с Красным Оленем они бросились бежать, словно антилопы. Старик и соседи преследовали юношей, но те скрылись в темноте, и никто не узнал, кто это был.

Если тебе когда-нибудь доводилось влюбляться, ты хорошо поймешь, как горевал Высокий Конь. Ему было очень плохо. Казалось, если он не умрет от горя, то погибнет от голода.

Красный Олень все думал о том, как помочь другу? Через несколько дней он пришел к Высокому Коню и сказал: «Брат, мужайся! Я придумал еще один план, и уверен, что если ты настоящий мужчина, то на сей раз нам удастся похитить ее». На эти слова влюбленный юноша ответил: «Я сделаю все, что угодно, только бы добиться этой девушки».

Вот что они предприняли.

Они отошли подальше от деревни, и Красный Олень заставил своего товарища раздеться донага. Затем он выкрасил его в белый цвет, а после разрисовал черными полосами,

обведа глазницы черными кругами. Теперь Высокого Коня было не узнать. Он был так страшен, что Красный Олень, закончив работу, посмотрел - и сам немного испугался.

«Теперь, если тебя застигнут снова, то так испугаются, что подумают - ты злой дух и побоятся тебя преследовать», - заметил Красный Олень.

И вот, когда ночь уже состарилась, и все давно заснули, они тайком подкрались к типи девушки. Как и в первый раз, Высокий Конь заполз внутрь с ножом в руке, а друга оставил снаружи.

Влюбленный подобрался к постели девушки и начал перерезать ремни. Из головы у него не выходила мысль: «Если меня обнаружат, то просто застрелят из-за этого ужасного вида». Девушка спала беспокойно, постоянно ворочалась, и Высокий Конь работал очень медленно и осторожно.

Видимо, он все же наделал шуму, потому что старуха-мать проснулась и сказала мужу: «Старик, проснись! В типи кто-то есть!» Но муж крепко спал и не желал, чтобы его тревожили. «Ну, ясное дело, есть! Мы тут все в типи. Спи, не беспокой меня» - пробормотал старик и захрапел снова.

Высокий Конь так испугался, что всем телом приник к земле и лежал тихо-тихо. Понимаешь, в последнее время он почти не спал, постоянно тоскуя по любимой. И теперь, поджидая, пока наконец уснет старуха, он сам заснул, забыв обо всем на свете, и даже о красоте девушки. Красный Олень, дожидаясь его снаружи, терялся в догадках - что же там произошло, однако окликнуть друга он не решался.

Спустя некоторое время забрезжил рассвет, и Красному Оленю с двумя пони, которых он приготовил для Высокого Коня и его невесты, пришлось уйти, иначе его бы увидели проснувшиеся соседи. Он и ушел.

А в типи, где спала девушка, становилось все светлее и светлее. Девушка проснулась, и первым, что она увидела, было какое-то ужасное животное, все белое в черных полосах, спавшее у ее постели. Она закричала от страха, и тут же отчаянно завопила старуха, а за ней и старик. Напугавшись до смерти, Высокий Конь вскочил и так стремительно вылетел из типи, что чуть не снес его совсем.

Отовсюду - с ружьями, луками, топорами - сбегались люди и все вопили, что было мочи.

Высокий Конь бежал быстро-быстро, едва касаясь земли, и со стороны выглядел таким страшным, что люди, оказывавшиеся у него на пути, разбежались. Несколько храбрецов хотели выстрелить в него, но остальные предостерегли их - может, это какое-нибудь священное существо, и если убить его, их племя постигнет беда.

Высокий Конь добежал до протекавшей неподалеку речки, отыскал среди кустов дерево с дуплом и забрался в него. Некоторое время спустя совсем рядом с ним прошли несколько воинов, и он даже слышал, как они говорили друг другу, что это какой-то злой дух вышел из воды, а потом вернулся назад.

В то утро вожди решили перенести лагерь отсюда в другое место. Люди уехали, а Высокий Конь продолжал прятаться в дупле.

Красный Олень наблюдал за всей суматохой из своего типи и притворился, будто он тоже удивлен и перепуган, как и остальные. Когда же лагерь перенесли, он вернулся назад. Спустившись в заросли кустарника у реки, он окликнул товарища. Высокий Конь узнал голос друга и отозвался. Красный Олень помог ему смыть с себя краску, и они вдвоем уселись на берегу, чтобы поговорить о своих злоключениях.

Высокий Конь сказал, что теперь уже больше никогда не вернется назад, к племени. И все, что с ним теперь будет - ему уже безразлично. Он решил, что в одиночку вступит на тропу

войны. Тут Красный Олень ответил: «Нет, брат, ты не пойдешь один на тропу войны, с тобой буду я».

Красный Олень приготовил для похода все, что нужно, и ночью они вдвоем отправились на тропу войны. Несколько дней спустя, незадолго до захода солнца они добрались до лагеря кроу, и когда стемнело, подкрались к их пасущимся лошадям. Вдвоем они убили ничего не подозревавшего сторожа - тот спал считая, что все лакота слишком далеко - и угнали около сотни коней.

Остальные лошади кроу бросились врассыпную, и кроу лишь к утру удалось переловить их. А двое друзей к этому времени были уже далеко. Три дня и три ночи Красный Олень и Высокий Конь без усталости мчались домой. словно на крыльях пронеслись они по лагерю и подогнали свой табун прямо к типи, где жила девушка. Высокий Конь окликнул старика, и когда тот вышел, спросил его, достаточно ли лошадей он пригнал за его дочь? На сей раз старик не отмахнулся. Да и не лошади ему были нужны. Ему просто хотелось иметь такого зятя, который был бы настоящим мужчиной.

Вот так Высокий Конь в конце концов получил свою невесту. Думаю, он заслужил ее любовь.

VII. ВАСИЧУ В ЧЕРНЫХ ХОЛМАХ

На следующее лето, когда мне исполнилось 11 лет (1874 год), мы увидели первые признаки новой беды. Тогда наш клан стоял лагерем на ручье Сломанный Палец в Черных Холмах. Оттуда мы перебрались к Весеннему Ручью, а потом на Быстрый Ручей, в то место, где он выходит на открытую прерию. Однажды вечером, незадолго до захода солнца, на западе показалась большая грозовая туча. Не успел подуть ветер, как в небе закружились стаи ласточек. Все это напомнило мне часть моего видения, и снова начала кружиться голова. Мальчики пытались сбить ласточек, швыряя в них камнями. Мне больно было видеть это, но я не мог ничего сказать им. Я тоже взял камень и сделал вид, будто собираюсь кидать. Ласточки казались мне священными. Никто из ребят не попал ни в одну из птиц, и когда я подумал об этом, то понял - иначе и быть не могло, ведь ласточки священны.

На следующий день несколько человек принялись сооружать палатку для потения²⁵ знахарю по имени Щепа. Он собирался совершить какой-то обряд, перед которым нужно было подвергнуться самоочищению. Говорят, он был первым, кто изготовил священное украшение для нашего великого вождя Бешенного Коня. Пока раскаляли камни для палатки, где будет потеть знахарь, ребята позвали меня на охоту за белками. Я согласился и пошел вместе с ними, и когда уже собирался подстрелить одну из них, то вновь почувствовал себя очень странно. Я сел на землю и удивился - что это опять со мной. Тут я услышал голос, который воззвал ко мне: «Немедленно уходите отсюда. Спешите домой!» Я сказал ребятам, что надо немедленно уходить, и все заспешили в лагерь. Когда мы вернулись, кругом царил возбуждение, разбирались типи, ловили лошадей, грузили поклажу. Мне рассказали, что во время потения Щепы явился голос, который сообщил,

²⁵ Палатка для потения - куполообразная палатка из ивовых ветвей, крытая бизоньими шкурами и предназначенная для обряда паровой бани или «инипи». У многих степных племен этот обряд служил задачам очищения от всего вредоносного и чуждого, мог совершаться сам по себе или в виде предваряющей церемонии. В палатку, плотно закрытую шкурами, через узкий проход, выходящий на восток, закатывали раскаленные камни. На них затем брызгалась вода. Находившийся снаружи «Хранитель огня» передавал внутрь трубку, которая раскуривалась сидящими внутри. Дальнейший ход церемонии в общих чертах описан в тексте.

что нам немедля надо спастись бегством, потому что здесь непременно что-то должно случиться.

Незадолго до захода солнца мы пустились в путь и шли всю ночь назад, в направлении Весеннего Ручья, а потом спустились вниз по этому ручью к южному рукаву Доброй реки. Большую часть ночи я ехал на волокуше, так как не мог усидеть на лошади, засыпая на ходу. Утром мы остановились на Доброй реке только для того, чтобы позавтракать. А потом вновь пустились в путь, и так шли весь день, пока не достигли устья Лошадиного ручья. Мы, было, собрались разбить здесь лагерь, однако вернулись разведчики и сообщили, что Черные Холмы наводнили солдаты. Вот что, оказывается, предсказывал Щепа. Поэтому, не останавливаясь ночью, мы заспешили к реке Дымная Земля (Уайт-Ривер). Когда добрались до нее, уже рассвело и я проснулся. Мы опять сделали короткий привал, чтобы подкрепиться, и пошли вверх по реке, дважды становясь лагерем, к Робинсону.

Позже я узнал, что это Пахуска²⁶ привел своих солдат в Черные Холмы тем летом - на разведку. Он не имел никакого права вторгаться туда, ведь вся эта страна принадлежала нам. Кроме того, васичу заключили с Красным Облаком договор (1868 г.), в котором говорилось, что эта земля будет нашей до тех пор, пока растет трава и текут реки. Потом я узнал также, что в Черных Холмах Пахуска обнаружил много желтого металла, от которого васичу сходят с ума. Именно этот металл и принес с собой огромные несчастья, как уже однажды случилось, когда были убиты сто солдат.

Наш народ давно уже знал, что в тех местах встречаются мелкие камешки желтого металла. Но людей это нисколько не беспокоило - ведь он ни на что не годился.

Зиму мы прожили в городке солдат, поскольку боялись тех васичу, что ринулись в наши холмы. А между тем беда все надвигалась - и вот весной прошел слух, что в Черные Холмы с Миссури нагрянули другие васичу, чтобы добывать там желтый металл, ведь Пахуска широко разнес весть о нем - при помощи голоса, который доходит повсюду. Позже он и был за это наказан.

Целую зиму люди только и говорили об этом. Бешенный Конь находился тогда в стране Паудер-Ривер, а Сидящий бык²⁷ жил где-то к северу от Черных Холмов. Те лакота, что жили в городке солдат, считали - надо объединиться и что-то предпринять. Люди Красного Облака, наоборот, утверждали, что солдаты пришли для того, чтобы не пустить золотоискателей в Черные Холмы. Но мы не верили этому, и называли людей Красного Облака «попрошайками». Говорили, что они продались васичу, и что если мы не предпримем что-либо, то навсегда потеряем Черные Холмы. Весной, когда мне уже было 12 лет (1875), из городка солдат к устью реки Ларами пришли еще солдаты с большим числом фургонов, и вторглись в Холмы.

²⁶ Пахуска, «Желтые Волосы» - прозвище генерала Дж. А. Кастера, известного своими жестокими экспедициями против степных индейцев и погибшего в битве при Литтл Биг-Хорн. В 1875 г. Кастер в нарушение договора 1868 г. возглавил экспедицию в Черные Холмы, в результате которой были получены данные о месторождениях золота в этом районе. В Черные Холмы ринулись белые золотоискатели. Правительство США поначалу направило войска, якобы для того, чтобы оградить индейцев от белых, на самом же деле - для обеспечения безопасности золотоискателей. Одновременно правительство предложило индейцам продать Черные Холмы. Такова предыстория индейской войны, развернувшейся на северных равнинах в 1876-1877 гг.

²⁷ Сидящий Бык (1834-1890) или Татанка Йотанка - вождь Хункапа, знахарь и лидер лакотов во время войны 1876- 1877 гг. Был предводителем военного братства «Твердых сердец». Наряду с Бешеным Конем сыграл видную роль в битве при Литтл Биг-Хорн (обеспечивая своей магией победу и вдохновляя воинов). Он накануне и предсказал поражение Кастера. Прославился бескомпромиссной борьбой с белыми американцами, занимавшими земли индейцев. Спасаясь от преследования, бежал в Канаду, где и прожил с соплеменниками до 1883 г., затем сдался американским властям и поселился в резервации Стэндинг Рок. Не оставляя надежд на освобождение индейцев от белых колонизаторов, принял участие в «пляске духов» во время которой был застрелен соплеменником, пошедшим на службу к американцам.

Все лето не ослабевали многочисленные пересуды. В месяц, когда нагуливают жир (июнь) около городка солдат была устроена Пляска Солнца²⁸, чтобы придать народу сил. Но приняли в ней участие немногие, возможно из-за того, что все были возбуждены разговорами о судьбе Черных Холмов. Вспоминаются двое мужчин, танцевавших на этой пляске бок о бок. Один потерял ногу в битве «Ста убитых», а другой лишился глаза во время атаки на фургоны. Пока шла Пляска Солнца, мы, мальчики, спустились к ручью и нарвали там листьев вяза. Пожевав, мы обкидывали ими пляшущих, которые были одеты в самые лучшие одежды. Не щадили мы даже и пожилых людей, однако никто не сердился. Во время пляски во что бы то ни стало надо было показать свое терпение. Поэтому взрослые помимо всего прочего вынуждены были сносить нашу шалость. Попозже я расскажу тебе об одной Пляске Солнца, когда мы дойдем до того.

В месяц, когда телята покрываются шерстью (сентябрь) на реке Дымная Земля, в устье ручья Белая Глина состоялся большой совет с васичу. Сам совет я помню, но тогда еще не понимал многого из того, о чем там говорилось. На совет съехались лакоты, а также шайены и голубые облака. Однако Бешенный Конь и Сидящий Бык отказались присутствовать на нем. В центре площадки натянули полог из парусины. Под ним уселись участники совета и принялись говорить. А вокруг них собралась большая толпа пеших и конных людей. Целыми днями на совете только говорили и говорили. В конце-концов все это стало похоже на простое сотрясение воздуха. Я спросил отца, о чем они там столько говорят. Он ответил, что Великий Отец в Вашингтоне выразил желание арендовать у нас Черные Холмы для того, чтобы васичу могли добывать там желтый металл, и что начальник солдат заявил - если мы не отдадим Холмы, то они все равно уплывут от нас, словно талый снег сквозь пальцы, так как васичу в любом случае завладеют нашей страной.

Слушая все это, я расстроился. Так хорошо было играть в тех местах; людям всегда было там хорошо. Вспомнил я и о своем видении, о том как духи показали мне дорогу в Черные Холмы - центр мира.

По окончании совета до нас дошли вести, что васичу, проникавшие до этого в Черные Холмы маленьким ручейком, теперь потекли туда рекой, и что они уже возводят там свои городки. Все предвещало большую беду. Поэтому наш клан снялся всем лагерем и отправился на Паудер-Ривер к Бешенному Коню. Первый привал мы сделали на ручье Лошадиная Голова. Потом пересекли старую дорогу васичу, ту самую, что принесла с собой беды и привела к сражению «Ста убитых». Теперь она вся заросла травой. Мы разбили лагерь неподалеку от нее на ручье Военный Головной Убор. Затем поочередно делали остановки у ручьев Шалфея, Бобра, Плавника и вновь пришли на равнину Сосновых Деревьев к самым отрогам Черных Холмов.

Ночи стояли длинные, но дни были ясные и погожие. Пока мы жили здесь, я ходил один к Черным Холмам и подолгу сидел под каким-нибудь деревом. Может быть, видение снова вернется - думал я - и покажет, как сохранить эту страну для моего народа. Однако все было напрасно, видение не повторялось.

Все это сильно печалило меня. Но через несколько дней случилось событие, которое заставило меня чуть воспрянуть духом. Вся наша группа перебралась к ручью под названием Там-Где-У-Кроу-Захватили-Лошадей. В этих местах нам встретилось много бизонов, и мы запасли на зиму много мяса и шкур. Жил у нас в лагере человек по прозвищу Толстяк, который то и дело рассказывал, какая у него быстрая лошадь.

²⁸ Пляска Солнца - важнейший религиозный обряд у племен степей, совершавшийся, как правило, летом и длившийся до 8 дней. Основным моментом обряда было самоистязание заранее готовившихся к этому воинов. Различные формы самоистязаний служили жертвами Великому Духу. В целом же обряд Пляски Солнца выполнял роль обновления духовной силы всех соплеменников. Иногда для его проведения сходились вместе несколько племен.

Однажды я заявил Толстяку, что моя лошадь бежит быстрее, чем его. В ответ он засмеялся и сказал, что лишь ворон да койот могут думать, будто моя лошадь чего-нибудь стоит. Тогда я спросил его, - что он даст мне, если я обгоню его. Он предложил черное лекарство²⁹. Мы устроили с ним скачки, и я выиграл. Все время, пока мы скакали, я думал о белом крыле ветра, что подарил мне Второй Предок из моего видения. Быть может, это его сила влилась в ноги моей лошади.

На ручье Самоубийцы мы заготовили еще мяса и шкур, и решили присоединиться к лагерю Бешенного Коня на Паудер-Ривер. Вместе с нами было несколько «попрошаек», которые, узнав, что мы собираемся примкнуть к Бешенному Коню, сразу же откололись и направились назад, к городку солдат. Они боялись каких-нибудь беспорядков, потому что знали: Бешенный Конь будет сражаться, и поэтому в случае опасности им хотелось быть рядом с васичу. Мы недолюбливали этих «попрошаек».

Так как наша группа была маленькой, у нас не было советников, и при переездах не соблюдался обычный строгий порядок. Мы, мальчики, могли ехать, где заблагорассудится. Раз, когда мы направлялись к Паудер-Ривер, я ехал впереди вместе со своим сверстником по имени Крадет Лошадей. Вдруг мы увидели следы, уходящие в сторону от тропы. Мы двинулись по ним, и у ручья наткнулись на небольшой бугорок, где лежал старик-лакота. Спешившись, мы подобралась ближе. Он был мертв. Звали его Корень Хвоста, шел он к реке Язык, чтобы повидаться со своими родственниками. Был он очень старый и знал, что скоро умрет. Поэтому, когда почувствовал, что дни его сочтены, он просто лег на землю и умер, так и не повидав родных.

Через некоторое время мы добрались до лагеря на Паудер-Ривер и разбили свои типи ниже по течению. К этому времени я уже подросток и очень ждал своей новой встречи с Бешеным Конем, моим родичем. Надвигалась беда, и все свои надежды люди возлагали на него, поэтому Бешенный Конь казался великим как никогда.

Конечно, я изредка видел его еще в свои ранние годы и слышал рассказы о его славных делах. Помню одну историю о том, как на них с братом напала большая группа кроу, и как им пришлось спастись бегством. Они скакали во весь опор, а кроу неотступно следовали по пятам. Вдруг Бешенный Конь услышал сзади крик и, оглянувшись, увидел, что лошадь его брата упала, а кроу уже рядом с ним. Рассказывают, что тогда Бешенный Конь развернулся, на скаку врезался в толпу кроу и сразился с ними, имея с собой лишь лук и стрелы, подобрал брата, усадил его позади себя и ускакал. Кроу оробели перед священной силой, которой обладал Бешенный Конь. Люди говорят, что он все свое время проводил с одним лакота по имени Горб. Горб уже в то время был старым и знаменитым воином, может быть, самым знаменитым из всех в те давние времена. Люди удивлялись - отчего мальчик и старик настолько неразлучны друг с другом. Я же думаю, Горб знал, что Бешенный Конь станет великим вождем и поэтому хотел обучить его всему, что знал сам.

Отец Бешенного Коня приходился моему отцу двоюродным братом. Среди всей нашей родни до Бешенного Коня никогда не было вождей, были лишь знахари. Он стал вождем благодаря силе, которую получил во время своего видения будучи еще мальчиком. Когда я стал уже взрослым, отец рассказал мне кое-что об этом видении. Конечно, он не мог знать всего, но говорил, что Бешенный Конь во время сновидений попал в мир, в котором живут только души всех окружающих нас вещей. За нашим миром находится подлинный, реальный мир. И все, что мы видим здесь наяву, лишь тень, отражение того мира духов - Бешенный Конь вместе со своим конем побывал в том потустороннем мире и все вокруг него - лошадь, он сам, деревья, травы и камни, были сотворены из духа. Ничто не имело ясных очертаний, казалось, все кругом расплывается и парит. А лошадь его стояла спокойно и в то же время плясала, будучи сотворенной из духа. От этого он и получил

²⁹ Кофе.

свое имя, которое означает не то, что лошадь его была дикой и необъезженной, а то, что она плясала таким странным образом.

Именно это видение дало ему великую силу. Когда Бешенный Конь шел сражаться, то всеми своими мыслями он погружался в потусторонний мир и попадал в него. Вот почему он бросался в самую гущу и отовсюду уходил невредимым. До того, как васичу убили его в городке солдат, что на Белой реке, его ранили только дважды, да и то свои же лакоты, когда он не ожидал опасности и не мог погрузиться в тот мир. Первый раз его ранили просто случайно - ему было 15 лет, а в другой раз ему нанес рану человек, который ревновал к нему свою жену.

Говорили также, что он носит с собой священный камень, похожий на тот, что привиделся ему во сне. Когда ему грозила опасность, камень тяжелел и каким-то образом охранял его. Люди утверждали, что как раз из-за этого камня сам он оставался невредимым, а лошади долго под ним не держались. Не могу точно сказать, может так только казалось людям, однако он и вправду часто менял лошадей взамен павших. Я же думаю - великим его сделала сила видения.

Он порой обращал на меня внимание и, бывало, разговаривал со мной. Несколько раз он присылал за мной глашатая и звал меня в свое типи поест. Во время этих встреч он слегка поддразнивал меня, а я сидел и молчал, потому что, мне кажется, я немного побаивался его. Нет, я боялся не того, что он обидит меня, просто вдруг напала робость. Все другие испытывали к нему то же самое, поскольку был он человеком странным; обычно ходил по лагерю, не замечая людей, и всегда молчал. В своем же типи он был весел и разговорчив. Шутил он и тогда, когда выходил на военную тропу с небольшим военным отрядом и старался ободрить людей. В самом же лагере он мало с кем общался, кроме маленьких детей. Все лакота любят петь и танцевать. Он же никогда не танцевал и, кажется, никто не слышал, как он поет. Несмотря на это, все любили его, исполняли все его желания и шли туда, куда он прикажет. В сравнении с другими лакота ростом он был невысок, и на вид щуплый. Лицо его было худощавым, а глаза словно пронизывали то, на что он смотрел. Казалось, он постоянно думал о чем-то. Лично для себя довольствовался малым, не владел табунами лошадей, как подобает вождю. Говорят, когда дичи было мало, и народ начинал голодать, он вообще ничего не ел. Странный был человек. Возможно, он все время жил наполовину в мире своего видения. Это был величайший из людей. Если бы васичу тогда не убили его, может быть, мы бы до сих пор владели Черными Холмами и жили счастливо. И не в битве погиб он. Васичу предательством заманили его к себе и убили. Когда он погиб, ему было только под тридцать.

Однажды, в то самое время, когда мы стояли лагерем на Паудер-Ривер, я пошел навестить его. Но типи его оказалось пустым - наверное, он уехал куда-то, или, может быть, пошел с военным отрядом против кроу, ведь мы находились тогда совсем близко от их владений и должны были все время наблюдать за ними. Некоторое время спустя мне все же довелось увидеть его. Подойдя ко мне, он положил свою руку мне на плечо и повел в свое типи. Я не помню, что он тогда говорил, однако сказал он немного, и на этот раз уже не поддразнивал меня. Может быть, он думал о надвигающихся бедах.

Наша группа пробыла там совсем недолго, вскоре мы разошлись и стали лагерями в разных местах, так чтобы и пони было достаточно пищи. Бешенный Конь со своими людьми остался на Паудер-Ривер, а мы переселились на реку Язык. Здесь построили загон для лошадей и все время держали их там. Предосторожность эта не была и излишней: соседи кроу слыли искусными конокрадами. Женщины днем рубили тополя, сдирали с них кору и клали ее на ночь лошадям и они быстро становились сытыми, упитанными.

У входа в загон стояло сторожевое типи. Однажды ночью там ночевал Вороний Нос со своей женой. В типи была прорезана дыра для наблюдения. Посторожив какое-то время, Вороний Нос почувствовал, что очень хочет спать. Он разбудил жену и попросил ее

понаблюдать, пока он немного отдохнет. Не успел он заснуть, как жена увидела, как что-то темное медленно передвигается по снегу. Она разбудила мужа и прошептала: «Старик, вставай, мне кажется, кого-то вижу». Вороний Нос встал, выглянул и увидел человека, который осторожно передвигался по загону, выбирая при свете звезд самую лучшую лошадь. Вороний Нос наказал жене последить за врагом через дыру и дать ему знать, когда человек будет выходить с лошадьёю. А сам он залег, просунув ствол ружья через вход наружу. Вскоре они услышали, как отодвинули засов загона. Жена тихонько коснулась плеча мужа. Вороний Нос высунул голову и увидел человека: тот готовился вскочить на лошадь и ускакать. Его ясно было видно на фоне неба, и Вороний Нос сразу застрелил его. Выстрел разбудил весь лагерь - со всех сторон с ружьями и жезлами для подвигов сбегались люди. Желтая Рубаха первым коснулся убитого врага³⁰, за ним многие другие. По обычаю тот, кто убил врага, не должен был касаться его, поскольку он уже совершил свой подвиг. Когда я подошел посмотреть, около убитого кроу лежала целая куча жезлов. Женщины разрубили мертвое тело топорами и разбросали его части. Это было ужасное зрелище. Потом прямо там, где лежал поверженный кроу, люди разожгли костер и начали плясать танец победы. Мужчины, женщины и дети танцевали прямо среди ночи. Все пели песни, в которых славили Вороньего Носа и Желтую Рубаху.

Наконец рассвело и глашатай объявил, что лагерь переносится в то место, где умер Корень Хвоста. Вороний Нос облачился в военный наряд, раскрасил лицо черной краской и поехал верхом на той лошади, которую пытались украсть. Если мужчина покрывает свое лицо черной краской - все женщины издают крики высоким голосом. Это значит, что их мужья собираются в поход на врагов.

Когда мы вновь стали лагерем, к нам пришел один из людей Красного Облака, из той самой группы «попрошак», что ушла тогда от нас, опасаясь неприятностей. Он рассказал, что ночью, когда они спали, сделав привал на пути к городку солдат, кроу напали на них и всех перебили. Лишь ему одному удалось спастись, и то потому, что он вышел из лагеря на разведку.

Этой зимой прибыли гонцы от васичу. Они сказали, что всем нам надо немедленно идти в городок солдат, иначе будет очень плохо. Большой глупости нельзя было и придумать - ведь стояли сильные холода, многие наши люди и лошади наверняка замерзли бы. Кроме того, мы жили дружно в своей родной стране и никому не причиняли вреда.

В самом конце месяца, когда шерсть на телятах становится темно-красной, наступила сильная оттепель, и наша небольшая группа направилась к городку солдат. Однако, прежде чем мы добрались туда, в пути нас снова настигли сильные холода. Бешенный Конь, несмотря ни на что, остался со своими людьми на Паудере и в самый разгар месяца снежной слепоты там случилась беда. День только начинал заниматься. Вокруг бушевал снежный буран, было очень холодно, все люди спали. Вдруг со всех сторон зазвучали выстрелы и послышался топот копыт. Это была кавалерия васичу. Они громко кричали, стреляли и наскакивали на типи. Застигнутые врасплох люди бросились врассыпную. Все были напуганы, народ бежал к обрыву у реки, стараясь там укрыться. Солдаты убивали всех подряд: мужчин, женщин, детей. Потом они перенесли огонь на типи, поражая не успевших выбежать. Когда люди спустились вниз по обрыву, Бешенный Конь сказал что-то, все воины сразу затаили дыхание и бросились на солдат. Солдаты стали отступать, гоня перед собой захваченных пони. Весь день Бешенный Конь с группой воинов преследовал их, назад в лагерь.

Эти лакота жили в своей родной стране и никому не мешали. Они только хотели, чтобы их оставили в покое. Обо всем, что случилось на Паудере, мы слышали лишь некоторое

³⁰ Первым коснулся врага - у индейцев степей самым почетным подвигом считалось не убить врага и не снять скальп, а прикоснуться к вооруженному врагу, особенно в бою, специальной тростью или жезлом, изогнутым на конце, т. е. «жезлом для подвигов».

время спустя, однако услышанного было достаточно, чтобы раскрасить лица черной краской.

VIII. СРАЖЕНИЕ С «ТРЕМЯ ЗВЕЗДАМИ»

Здесь, в городке солдат, мы прожили до тех пор, пока трава не стала наливаться соками, в месяц, когда линяют пони³¹. А потом отец сказал, что мы уходим обратно к Бешенному Коню и отныне будем сражаться с васичу, ибо нет другого пути удержать нашу страну. Отец сказал еще, что Красное Облако ничего не стоит, - он, как видно, хочет запродать Черные Холмы васичу; Крапчатый Хвост и другие - тоже не годятся в вожди, а «попрошайки» из форта полностью продались врагу. Моя тетя, которая жила вместе с нами в городке солдат, наверное, думала то же самое - когда мы собирались уезжать, она подарила мне настоящий шестизарядный револьвер, какой носят солдаты. Протягивая его мне, она сказала, что теперь я настоящий мужчина. Хотя мне было тринадцать лет и ростом я был невысок - я тем не менее был с нею согласен. Мы, мальчишки, часто испытывали друг друга на выносливость, все были хорошими наездниками. К тому же я хорошо стрелял из лука и из ружья.

Ночью небольшой группой мы вышли из городка и как можно быстрее пошли прочь. На пути к ручью Военный Головной Убор к нам присоединились шайела (шайенны). Как и мы, они были сильно разгневаны на васичу и тоже шли к Бешенному Коню. Позже я узнал, что многие небольшие группы сливаются вместе и стекаются отовсюду.

Не успели мы разбить лагерь на ручье Военный Головной Убор, как возвратились разведчики и рассказали, что видели вереницу фургонов васичу, которая движется по той старой дороге, что принесла с собой много бед. Эти люди были частью потока васичу, который наводнял Черные Холмы. Их фургоны тянули быки. Васичу открыли стрельбу по нашим разведчикам, и мы решили атаковать их. Когда готовили военный отряд, я подумал, что как я ни мал, тоже способен с честью погибнуть в бою, защищая свой народ, и если это действительно случится, я, может быть, прославлюсь. Я сказал об этом своему товарищу, моему сверстнику по имени Прыгающий Конь. Друг ответил, что согласен со мной. И вот с третьим нашим товарищем Крабом и несколькими другими ребятами мы присоединились к взрослым.

Когда васичу заметили нас, они сдвинули фургоны в круг и укрылись за ними со своими быками. Мы кружили, кружили вокруг фургонов, все теснее сжимая кольцо. Это был самый лучший прием, ведь сразить быстро движущуюся по кругу лошадь очень трудно. Несколько раз мы начинали двигаться двумя кругами, один внутри другого, мчась в противоположных направлениях. Это делало нас еще более неуязвимыми. В отличие от нас кавалерия васичу не умела вести бой. Кавалеристы всегда держались плотными рядами, и в наступлении их легко было поражать. Мы же, двигаясь по кругу, держались довольно далеко друг от друга. На скаку мы укрывались за крупами и стреляли из-под шеи лошадей. Удержаться на лошади таким образом нелегко, даже если у тебя длинные ноги, а я все же был еще мал. Однако я всеми силами цеплялся за пони и стрелял из своего шестизарядного револьвера, который подарила мне тетя. Перед самым началом атаки я испугался, но один из воинов, Большой Человек, подбадривал нас, ребят, называл храбрецами, и вскоре я преодолел свой страх. Васичу из-за фургонов вели быстрый огонь, кругом слышался свист пуль, но никого из нас они не сразили. Я все время думал о своем видении - может, это мне и помогло. Не знаю - убили мы кого-нибудь из васичу или нет. Несколько раз мы проскакали вокруг них и однажды подъехали совсем близко, но нас

³¹ Май

было мало, а достать васичу, прочно сидевших за фургонами, не удавалось. Поэтому нам пришлось уйти. Это было мое первое сражение. Когда мы возвратились назад в лагерь, некоторые воины-шайела говорили нам, что мы действительно храбрые ребята, и впереди нас ждет еще много сражений.

Разобрав лагерь, мы быстрым ходом двинулись дальше, ведь нам грозила опасность, и все хотели соединиться с Бешенным Конем. Сам Бешенный Конь в это время вместе со своими людьми перебрался на запад к реке Роузбад. Там собирался весь народ. По пути нам попадались другие небольшие группы, двигавшиеся туда же, что и мы. Когда мы добрались до цели и стали лагерем, то все группы порядком перемешались. Здесь с нами находился сын Красного Облака. Сам же Красное Облако остался в городке солдат.

Когда мы взошли на гребень горы по эту сторону реки Роузбад, нам открылось бесчисленное множество типи и несметное число лошадей. Много, очень много людей пришло сюда - оглалы, хункпапы, миннеконжу, санз аркс, черные стопы, брюле, санти и янктонаи. Пришли к нам на помощь шайелы и голубые облака. Деревня протянулась так далеко, что весь лагерь невозможно было сразу окинуть взглядом. Навстречу нам выехали разведчики, чтобы показать место для стоянки. Все радовались нашему прибытию. В лагере сошлись великие люди: Бешенный Конь и Большая Дорога из оглалов; хункпапы Сидящий Бык, Желчь³², Черная Луна и Вороний Король; Пятнистый Орел из санз аркс, Горб-младший и Быстрый Бык - из миннеконжу, шайелы Тупой Нож³³ и Ледяной Медведь; пришел Инкпандута³⁴ со своими санти и янктонаи. Да, много великих собралось здесь со своими людьми и лошадьми. Хечету эло!

Где-то в середине месяца сытости³⁵ всю эту большую деревню перенесли немного выше по реке в то место, где удобнее было устроить Пляску Солнца. Долина здесь была ровной и широкой. Мы разбили лагерь в виде большого овала, в центре которого протекала река. На площадке возвели беседку из травы для танцующих, с выходом на восток, туда, где восходит солнце. Для охраны священного места везде поставили разведчиков. Руководил этой пляской Сидящий Бык, в те времена самый великий знахарь лакотов. Люди должны были пройти обряд очищения и приобрести силу и выносливость. Солнце стояло выше, чем всегда, и силы роста в мире достигли предела - вот почему для Пляски Солнца мы выбираем месяц сытости. Расскажу тебе, как проходила эта пляска.

Сначала посылали знахаря выбрать вага чун, священное дерево, которое должно стоять посреди площадки для танцев. Никому не разрешалось видеть, что он делает, или подслушивать священные слова, которые он говорит. Когда же он выберет нужное дерево, то сообщает об этом людям, и те идут к нему с песнями и цветами. Потом, когда все собрались, несколько женщин, из тех, что носят под сердцем дитя, пляшут вокруг священного дерева: Дух Солнца любит все живое, которое плодоносит. После этого один из воинов, совершивших подвиг этим летом, ударял по дереву жезлом удачи. После этого он должен раздать дары бедным. Чем храбрее и известней этот воин, тем щедрее должны быть его дары.

Потом появлялась группа девушек с остро отточенными топорами в руках. Все они должны были быть непорочными, чтоб никто не мог сказать о них ничего дурного. Каждый, кто знал что-нибудь нехорошее хоть об одной из них, обязан был перед всем

³² Желчь (1840-1895) или Пизи - «Человек, Выходящий на Середину» - вождь Хункпапа, участник битвы при Литтл Биг-Хорн, названный брат Сидящего Быка. Руководитель ряда рейдов против американцев в 1860-70-е гг. Вместе с Сидящим Быком бежал в Канаду. В 1881 г. вернулся на родину и поселился в резервации Стэндинг Рок, вступив на путь сотрудничества с американцами.

³³ Тупой Нож (1820-1883) - прозвище, данное дакотами известному вождю шайенов по имени Утренняя Звезда. Один из руководителей знаменитого 1500-мильного перехода северных шайенов из Оклахомы на родину, в Вайоминг.

³⁴ Инкпандута - вождь Санти сиу, участник восстания дакотов в Миннесоте в 1862 г.

³⁵ Июнь

народом заявить об этом и доказать свои слова. Если человек лгал, ему приходилось со всей строгостью отвечать за свой поступок.

Девушки срубают дерево, и потом вожди, которые сами являются сыновьями вождей, несут его домой. Четырежды они останавливаются в пути, по числу сезонов в году, и воздают каждому из них хвалу.

Теперь, когда священное дерево принесли в лагерь, но пока еще не установили в центре площадки для пляски, воины верхом на лошадях становятся кольцом вокруг деревни и по сигналу мчатся в центр, туда, где должно быть установлено дерево. Каждый пытается первым коснуться священного места. Кто выходит победителем - тому в этот год суждено выйти живым и невредимым из всех битв, в которых он примет участие. Когда все соревнующиеся мужчины собираются в середине, со стороны это походит на настоящую битву: пони становятся на дыбы, слышится громкое ржание, вокруг стоит облако пыли, воины кричат, борются между собой, пытаясь сбросить соперников с коней.

После этого устраивается большой пир, на котором все получают много еды, а потом большая пляска, словно мы одержали победу.

На другой день знахари устанавливают дерево в центре, поют священные песни и дают священные клятвы Духу. Следующим утром кормящие матери приносят своих младенцев и кладут их под деревом, чтобы те выросли храбрыми мужами и матерями отважных воинов. Знахари протыкают младенцам мочки ушей³⁶, и за каждый такой прокол родители дарят лошадей кому-нибудь из нуждающихся.

Наутро начинается сама пляска. Те, кто собирается принять в ней участие, уже загодя приготовились. Они Долго постились, молились, прошли обряд очищения в хижине для потения. Знахари раскрашивают их тела. Затем каждый ложится рядом с деревом, а знахари на груди или на спине у них прорезают кожу, чтобы можно было продеть через нее ремень из сыромятной кожи, привязанный к вершине дерева. Этот ремень после того, как его продели, завязывается. Человек встает и начинает плясать под бой барабанов, провисая на ремне. Делает он это до тех пор, пока хватает сил выносить боль или пока не лопнет кожа.

Нам, мальчикам, в течение этих двух дней пляски было вольготно, поскольку разрешалось как угодно досаждать участникам пляски, а те должны были терпеть это. Мы набирали в руки ползучего пырея и, если пляшущий оказывался поблизости, кололи его этой травой - и слушали, не вскрикнет ли он от боли, ведь участникам пляски надлежало сносить любые испытания. Матери носили воду своим детям, а мы мастерили маленькие луки и стрелы, прятали их под своими накидками, подбирались к женщинам, стреляли и делали дырки в кожаных мешках с водой. Женщины тоже не могли бранить нас, когда вода начинала течь из мешка ручьем. Словом, было весело!

Едва только закончилась Пляска Солнца, глашатай оповестил: «Вернулись разведчики и сообщили, что вверх по реке стоят солдаты лагерем. Молодые воины, мужайтесь! Готовьтесь встретить их!»

И все воины стали готовиться к битве. Сам Бешенный Конь собирался повести военный отряд, и мне хотелось быть рядом с ним, так что я тоже готовился. Но мой дядя, который очень заботился обо мне, удержал меня: «Племянник, не уходи. Взгляни на всех беспомощных, что остались в лагере. Будь дома, может быть, сражение разгорится и здесь».

И военные отряды ушли без меня. Видно, дядя посчитал, что я слишком еще мал, а может, он боялся, что я погибну.

³⁶ Прокалывание ушей - обряд инициации, проводимый над младенцами у некоторых степных племен.

После того, как воины ускакали, глашатай оповестил лагерь, что пора сниматься. Мы разобрали типи и двинулись дальше на запад к реке Скользящей Травы и стали лагерем у истоков Весеннего ручья. Позже мы узнали, что там, на Роузбаде, с нашими людьми сражался Три Звезды³⁷. У него было большое количество пеших солдат и немного кавалерии. Вместе с солдатами находилось немало кроу³⁸ и шошонов. Все они собирались напасть на нас во время Пляски Солнца, однако Бешенный Конь разбил их, и враги ушли назад к Гусиному ручью, где стояли их фургоны. Мой друг, Железный Ястреб в тот день принимал участие в битве - он и расскажет тебе, как все было.

Рассказывает Железный Ястреб:

Сам я хункпапа, Тем летом мне было четырнадцать лет, и я был рослым подростком. На врага тогда пошли два военных отряда. Самый большой вышел с южной оконечности лагеря, поменьше - с северной. Я поехал с последним, составлявшим сорок человек. Большой отряд добрался до Роузбада раньше нас. К утру, когда подошли мы, наши товарищи уже всю сражались. Там, у излучины реки, была широкая долина, уже всю сражались. Там у излучины реки, была широкая долина, с утесами и холмами, и казалось, что повсюду сражаются люди. Сразу мы очутились лицом к лицу с кроу и солдатами, и тут же вступили в бой. Дела наши шли как будто успешно. Однако с одной стороны стали наступать солдаты, и нам пришлось отступить. Мы поскакали, чтобы присоединиться к большому отряду. Солдаты неотступно преследовали нас; кроу, почувствовав перевес, тоже воспрянули духом. Когда мы добрались до излучины реки, кроу сумели настичь нас. Наши схватились с врагом, все кругом перемешалось. Не знаю, удалось ли мне убить кого-нибудь, но думаю, что удалось: была такая жаркая схватка, что если ты не убил, значит убили тебя. Я перепугался и дрался изо всех сил. И вот остался живым. Рядом со мной сражался один лакота по имени Без Типи. Какой-то кроу могучего телосложения сшиб его с лошади, и тот бежал. Я, конечно, тоже испугался и побежал. Не могли же мы сразу биться со всеми кроу и солдатами. Да и не я один спасался бегством. Отступали мы все, а кроу нас преследовали. Вдруг мы увидели, что навстречу нам скачет отряд солдат. Как они попали сюда - не знаю. Может, это были кавалеристы, возвращавшиеся из разведки. Дела наши были плохи. Потом я услышал, как кто-то на нашем языке закричал: «Мужайтесь! В такой день славно умереть! Вспомните о детях и других беспомощных, что остались дома!». Тут мы все разом закричали «Хока хей!» и кинулись на солдат, ехавших нам навстречу. Солдаты, падая от наших выстрелов, обратились в бегство - они устремились к своему основному отряду. Там, где бились главные силы, все смешалось. Невозможно было понять, что происходит - то враг одолевал нас, то мы его. Сражение продолжалось весь день. Потом кроу опять стали насаждать на нас сзади. Мы развернулись и бросились на них. Но к ним на помощь спешило много солдат. Поэтому пришлось отступить, все наши кричали «Йе-хей», поскольку нас было мало. На сей раз я перепугался еще сильнее и скакал во весь опор, спасая свою жизнь. Нас загнали в скалистую местность, нога моей лошади застряла между двух камней, и ей чуть было не оторвало копыто.

Рядом со мной оказался мой друг - очень храбрый шайела по имени Сидящий Орел. Когда я спешил, чтобы осмотреть копыто лошади, сзади ко мне стал подбираться кроу. И тут мой друг шайела в открытую пошел на врага. Они схватились врукопашную и кроу упал, поверженный Сидящим Орлом. Жалко, что я не оказался рядом с ним - тогда я первым бы коснулся мертвого врага. Меня опередил другой воин.

³⁷ Три Звезды - прозвище, данное дакотами американскому генералу Д. Круку, известному своими военными кампаниями против индейцев степей и юго-запада.

³⁸ Кроу - самоназвание «Абсарока» (иначе Вороны) - сиуязычное племя, по культуре близкое к дакотам, обитавшее в верховьях реки Йеллоустоун. Численность к 1871 г. - 4100 чел. Американские военачальники часто привлекали воинов кроу к военным кампаниям против дакотов, шайенов и арапахо, поскольку кроу находились с ними во враждебных отношениях.

Я побежал дальше, держа свою лошадь под уздцы. Неожиданно впереди я заметил дымок, который струился из глубокого оврага, там где протекает ручей. Подбежав к оврагу, я увидел внизу троих лакотов. Они подстрелили бизона и прямо здесь пировали, пока вокруг, на холмах, бушевало сражение. Эти лакота пригласили и меня присоединиться. Я не отказался и вместе с ними принялся за еду. Ведь мне было 14 лет, я рос и все время был голоден. Нет-нет, а нам то и дело приходилось выглядывать, чтобы убедиться, что не грозит никакая опасность. Один из лакотов взял сгусток бизоньей крови, вымазал ею кусок шкуры и обернул копыто моей лошади, чтобы я смог ехать. Мы уже довольно долго лакомились бизоньим мясом, но тут к оврагу неожиданно подскочил другой лакота, лицо которого было в крови и пыли. Подъехав, он гневно воскликнул: «Что вы здесь делаете? Мы там сражаемся, а вы ничего лучшего не могли придумать, как сесть за еду! Или забыли о тех беспомощных, которых мы оставили в лагере! Быстрее, пошли! Мы должны отстоять свою землю!» Я сгорал от стыда. Поэтому стремглав вскочил на лошадь и поскакал на поле битвы. С перевязанным копытом она скакала быстрее. Мы въехали на гребень холма. Отсюда было видно всю долину Роузбада, где развернулось сражение. Кто кого одолевает - понять было невозможно. Все смешались в кучу. Тут нас атаковали несколько кроу, и я так и не смог присоединиться к главному отряду, который отчаянно дрался в долине. Однако там, где мне довелось быть в этот день, тоже было не легче. Единственная передышка была тогда, когда я сидел с теми лакотами и лакомился бизоньим мясом. Должно быть, я пробыл с ними достаточно долго, поскольку уже вечерело. Понятно, когда мы добрались до гребня холма, битва внизу шла уже довольно долго.

Опустилась ночь, и мы уехали назад в лагерь, чтобы охранять женщин и детей. Враг не стал преследовать нас. Я считал, что васичу нас разбили. Оказалось, совсем наоборот. Битва была не закончена, ночь прервала ее, и все же мы победили васичу. Они не стали нападать на нашу деревню, а отступили назад к Гусиному ручью, и остались там у своих фургонов.

Рассказывает Стоящий Медведь:

Я не участвовал в том сражении и многие другие тоже. Воины возвратились ночью, все в лагере были настолько возбуждены, что не могли заснуть.

Утром человек двадцать молодых людей выехало посмотреть на поле сражения. Первое, что мы увидели, была мертвая лошадь без подков. Затем попала другая мертвая лошадь, но уже с подковами. Рядом с ней лежал солдат, весь утыканный стрелами. Наконец, мы доехали до того места, где солдаты отдыхали после битвы. В одном месте земля была свежевскопана, а на ней остывала зола от большого костра. Мы принялись копать, чтобы посмотреть, что там спрятано. Вскоре наткнулись на одеяло, в которое был завернут мертвый солдат. Одеяло было перехвачено ремнями в ногах, на груди и шее. Мы вытащили его, и один из наших воскликнул: «Это мое одеяло. Я долго искал себе такое. Возьму его с собой». И он взял это одеяло.

Под первым лежал еще один мертвый солдат, завернутый в одеяло, под ним другой, а потом еще и еще. Четвертый васичу оказался черным. Каждый раз кто-нибудь восклицал: «Это мое одеяло» и забирал его. Я получил одеяло с пятого солдата. В него был завернут молодой человек, на пальце которого блесло кольцо со сверкающим камнем. Я отрезал палец и долгое время хранил у себя это кольцо. Один из наших оскальпировал какого-то солдата и отправился домой со скальпом, нанизанным на жезл. Взобравшись на вершину холма, вдаль мы увидели солдат генерала Три Звезды, которые, поднимая облака пыли, отступали в направлении Гусиного ручья. Потом мы отправились домой.

Мы прожили у Весеннего ручья еще несколько дней, а потом перенесли лагерь к реке Скользких Трав.

IX. РАЗГРОМ ЖЕЛТОВОЛОСОГО

Черный Лось продолжает:

В тот день на Роузбаде Бешенный Конь разбил генерала Три Звезды. Я думаю, он вполне мог бы перебить всех оставшихся там солдат: призвать к себе воинов из других деревень и продолжить бой на рассвете. Ведь солдаты не ушли ночью с Роузбада, а стояли там на отдыхе.

Победил он кавалерию Три Звезды и тогда, когда та напала на деревню Бешенного Коня холодным утром в месяц снежной слепоты³⁹. Потом Бешенный Конь со своими людьми переселился дальше на запад к Роузбаду, а когда солдаты опять пришли, чтобы уничтожить нас, он снова разгромил их и заставил отойти. После этой последней битвы мы перебрались дальше на запад к долине Скользящих Трав. Мы жили в своей родной стране и хотели лишь одного - чтобы нас оставили в покое. Однако и сюда пришли солдаты убивать нас. И снова они все были разбиты. Мы защищали свою страну, но не желали войны.

Там, в долине Скользящих Трав, мы стали лагерем в полдень в южной ее части. Мне кажется, это было за два дня до битвы с Желтоволосым. Деревня опять протянулась так далеко, что невозможно было сосчитать все типи. Выше всех по реке на самой южной оконечности лагеря обосновались хункпапы, за ними к северу расположились станы миннеконжу, санс аркс, черных стоп, шайела и, наконец, санти и янктонаев. Восточная часть долины реки поросла лесом. Сама река была очень полноводной от таявшего в горах Биг-Хорн снега. Взойдя на вершину какого-нибудь холма вдалеке на юго-западе, можно было видеть отроги этих гор. За крутым противоположным берегом шли холмы, все изрезанные лощинами. К западу от нашего лагеря лежала местность пониже. Здесь мы пасли и охраняли своих лошадей. Их было так много, что и не счесть.

Жил с нами человек по имени Гремучий Ястреб, которому прострелили бедро в сражении у Роузбада. Думали, что он уже не поднимется. Однако знахарь Волосатый Подбородок вылечил его.

За день до битвы с Желтоволосым я намазался жиром и собрался пойти купаться с ребятами, но Волосатый Подбородок подозвал меня и повел в типи Гремучего Ястреба. Знахарь попросил помочь ему. С Волосатым Подбородком уже были пятеро других ребят. Мы должны были исполнять роль медведей в его обряде исцеления, поскольку силу свою он получил во сне от медведя. Он выкрасил мое лицо и тело в желтый цвет, потом провел по одной черной полосе справа и слева от глаз к носу и связал мои волосы пучками так, чтобы они походили на уши медведя. В волосы он воткнул несколько орлиных перьев.

Пока он все это проделывал, я размышлял о своем видении. Вдруг мне показалось, будто я отделился от земли. И тут меня постигло озарение, которого не опишешь словами. Я только был уверен, что вскоре произойдет что-то страшное, и испугался.

Всех остальных ребят он выкрасил в красный цвет, а к головам их прикрепил настоящие медвежьи уши.

На плечи самого Волосатого Подбородка была накинута настоящая медвежья шкура вместе с головой. Знахарь затянул песню, примерно такую:

Священные травы ликуют у входа в типи...

³⁹ Март

Пока он пел, в типи вошли две девушки и стали по обе стороны раненого. Одна держала в руках чашу с водой, у другой была какая-то целебная трава. Я попытался разглядеть, отражается ли в чаше все небо, как это было в моем видении, но ничего не увидел. Они протянули Гремучему Ястребу чашу и траву, а Волосатый Подбородок все пел. Потом девушки дали раненому палочку из красного тростника, а сами направились к выходу. Гремучий Ястреб, встав со своего ложа, последовал за ними, опираясь на священную красную трость. Мы, ребята, исполнявшие роль медвежат, должны были прыгать вокруг него и издавать рычание. Когда мы так прыгали и рычали, казалось, что у нас изо рта вылетают разноцветные перья. Затем Волосатый Подбородок выбрался наружу на четвереньках, он был очень похож на настоящего медведя. Вскоре Гремучий Ястреб мог передвигаться заметно лучше. Конечно, на следующий день, когда разгорелась битва, он еще не мог сражаться, но тем не менее, через некоторое время поправился.

После этого обряда мы побежали на речку смыть с себя краску. Когда мы вернулись назад, в деревне кругом люди или танцевали, или вели беседы, вспоминая о тех подвигах, что совершили во время битвы с генералом Три Звезды у Роузбада.

Когда солнце приблизилось к закату, нам, ребятам, нужно было подгонять пони на ночь к самой деревне. Пока мы сходили за лошадьми и привели их, на землю уже спустилась ночь. Однако в лагере люди еще всю плясали вокруг костров. Мы присоединились то к одному, то к другому танцу, пока, наконец, сон совсем не сморил нас.

На рассвете отец разбудил меня и взял с собой помочь выгнать лошадей на пастбище. Когда мы выгнали табун, отец заметил: «Надо бы привязать к одной из лошадей подлиннее веревку, - так ее легче будет потом поймать. Если что-нибудь случится - немедленно гони табун назад. И следи все время за лагерем».

Вместе с друзьями я сторожил наших лошадей до самого полдня, пока солнце не поднялось совсем высоко. Становилось нестерпимо жарко. Мой двоюродный брат сказал, что поглядит пока за лошадьми до нашего возвращения. Когда я уже натерся жиром и готов был окунуться в воду, мне сделалось как-то нехорошо, пришло головокружение. Казалось, вот-вот должно произойти что-то страшное. И все же я побежал вместе с ребятами купаться. В такой полуденной зной в реке купалось много людей. Большинство женщин ушло к западу от деревни собирать дикую репу. Мы купались уже довольно долго. Вскоре мой брат спустился с лошадьми к реке, чтобы напоить их.

Тут-то мы и услышали, как в лагере хункпапов, что находился неподалеку от нас, глашатай закричал: «Солдаты идут! Наступают! Солдаты идут!». Потом то же самое прокричал глашатай оглалов. Сигнал тревоги понесся дальше на север от лагеря к лагерю, до санти и янктонаев.

Все кинулись ловить лошадей. К счастью, наши были рядом. Мой старший брат галопом понесся на своем гнедом к хункпапам. Я тоже поймал себе лошадь, но тут подбежал отец и сказал: «Брат ускакал без ружья к хункпапам. Найди его и отдай оружие. Потом сразу скачи назад». Помимо ружья, отец держал в руке мой шестизарядный револьвер - тот самый, что подарила мне тетя. Я схватил револьвер и ружье, вскочил на свою пони и помчался за братом. Подъехав ближе, я увидел, как прямо за деревней хункпапов вздымается большое облако пыли, поднятое копытами лошадей. Вскоре в клубах пыли появились солдаты, которые скакали на своих крупных скакунах. Они казались высокими и большими, и все стреляли прямо на скаку. Хункпапы метались по лагерю и кричали. Многие выскакивали из реки, с них ручьями лилась вода. Брат схватил ружье, а мне крикнул, чтобы я возвращался назад. Неподалеку находился густой лес и некоторые воины стали сбегаться туда. Туда же бросился мой брат, а следом за ним и я. Женщины и дети толпой бежали вниз по течению реки. Я оглянулся и увидел, как все они вскоре скрылись за холмом.

Когда мы добрались до этого густого леса, там уже собралось довольно много хункпапов. Солдаты обстреливали лесок так часто, что срезанные пулями листья падали на нас. Теперь уже невозможно было разглядеть, что происходит в деревне. Кругом стояла густая пыль, слышались грохот и крики.

Здесь, в лесу, и там, в лагере хункпапов, слышался крик: «Смелее! Будьте мужчинами! Нашим слабым сородичам грозит опасность!» Думаю, этот призыв прозвучал тогда, когда вождь Желчь остановил бежавших от врага хункпапов и повернул их назад.

Некоторое время я оставался в лесу и думал о своем видении. Я почувствовал, как это придает мне силы, и воспрянул духом. Мне казалось, что наши лакота превратились в громовых духов и солдаты будут побеждены.

Тут раздался радостный клич: «Бешенный Конь идет! Бешенный Конь!» Все кричали: «Хока хей!» - и клич этот звучал подобно раскатам грома, словно рев сильного ветра. Слышались звуки свистков из орлиной кости.

Долину реки заволокло дымом и пылью. Кругом мелькали тени людей и лошадей, стоял невообразимый шум от многоголосого крика, топота копыт и ружейной стрельбы. Слева от себя я слышал цокот подков кавалерийских лошадей, отовсюду раздавались выстрелы. Потом топот копыт прекратился, я выбрался из леса и тут же очутился в потоке людей и коней, который устремился вверх по течению реки. Все кричали: «Скорей! Скорей!» Оказалось, солдаты убегают от нас вверх по реке. В наступивших сумерках все смешалось в этом ужасном шуме. Мне мало что удалось увидеть. Помню, заметил, как один лакота бросился на солдата, видно, очень храброго. Лакота схватил лошадь солдата под уздцы, но тот застрелил его из своего шестизарядного револьвера. Я был еще слишком мал, и не мог пробиться туда, где находились солдаты, поэтому и не убил никого из них. Впереди меня было много наших, кругом стояла темень, и все перемешалось: свои и чужие.

Вскоре всех солдат загнали в реку. Бившиеся лакота и солдаты поднимали тучи брызг, бисером рассыпавшихся вокруг. Потом мы выбрались из реки, люди стали снимать с убитых солдат форму и натягивать ее на себя. Неподалеку от меня лежал какой-то солдат, еще подававший признаки жизни. Один лакота подъехал ко мне и сказал: «Мальчик, слезь с лошади и оскальпируй его». Я спешил и принялся за работу. Волосы у солдата были короткие, а нож мой туповат. Он заскрежетал зубами от боли. Тогда я выстрелил ему в лоб и наконец снял с него скальп.

Многие наши воины преследовали солдат до самого холма на другом берегу. Другие повернули коней и поскакали вниз по течению реки-там, прямо за лагерем сани, видны были клубы пыли, слышался грохот многочисленных ружей.

Мне захотелось показать добытый скальп своей матери, и я подскакал к холму, за которым укрылась толпа женщин и детей. По пути я увидел группу воинов, спешивших броситься в битву. Среди них была очень красивая молодая женщина, которая пела так:

Братья, друзья пришли к вам на помощь!
Будьте храбрыми! Будьте храбрыми!
Неужели вы дадите врагам пленить меня?

Когда я проезжал через лагерь оглалов, то наткнулся на Гремучего Ястреба, который сидел у своего типи с ружьем в руках. Вокруг него не было ни души, и он пел песнь сожаления:

Братья, куда устремились вы, что я не с вами?

Когда я добрался до места, где укрывались женщины и дети, то услышал, как все они поют и высокими голосами подбадривают мужчин, сражавшихся на другом берегу. Мать радостно приветствовала меня, увидев мой первый скальп.

Я постоял рядом с матерью, наблюдая, как на холме по ту сторону реки, где шло сражение, вздымаются громадные клубы пыли. То и дело из них вырывались лошади без седоков.

Рассказывает Стоящий Медведь:

Я - миннеконжу, наш лагерь был третьим с юга. В тот день мы встали поздно утром. Женщины пошли копать репу, а двое моих дядей отправились на охоту. Я же, моя очень старая бабушка, которая еле передвигалась, и третий дядя остались дома. Днем, когда солнце стояло уже высоко, я спустился к реке искупаться, и назад возвратился в одной рубахе. Бабушка поджарила немного мяса и накормила нас. За едой дядя сказал: «Когда поешь - сразу ступай к лошадям. Как бы чего не случилось». В это время мой старший брат вместе с другом пасли два табуна у ручья Мускусной Крысы, что расположен ниже по течению реки, за лагерем санти.

Не успел я закончить еду, как снаружи послышались возбужденные возгласы. Потом раздался клич глашатая о том, что идут солдаты. Только мы услышали его, дядя сказал: «Говорил же тебе - что-нибудь случится! Скорее беги и помоги привести лошадей».

Я перебрался через Скользящую Траву - вода была мне только по грудь - и взобрался на Черный Пригорок осмотреться. Оглянувшись, заметил, как на противоположной стороне реки от лагеря хункпапа по береговому склону в воду спускается отряд конных солдат. Переплыв реку, они рысью пустились дальше. Я сбежал с пригорка и помчался в лагерь к нашим. Однако я был босиком, а вокруг росло много колючей травы - поэтому добрался я не так скоро. Когда случайно бросил взгляд на юго-восточные холмы, то и там увидел скачущих солдат. К лошадям я уже не побежал - а, как только мог, поспешил назад к деревне. Кругом слышались крики, все куда-то бежали. Через некоторое время брат пригнал лошадей. Дядя сказал мне: «Скорее собирайся, мы выступаем!» Я поймал своего серого скакуна, схватил шестизарядный револьвер, а через плечо повесил лук со стрелами. К волосам я привязал иволгу, которую подстрелил накануне. Я поклялся, что если этот амулет сделает меня невредимым в битве, то я принесу жертву. И, действительно, иволга охранила меня.

Вооружившись, мы поскакали вниз по течению реки к устью ручья Мускусной Крысы, что за лагерем санти. Здесь мы хотели встретить тот второй отряд, который я увидел, и сразиться с ним. Однако пока мы добирались до северной части лагеря, солдаты, должно быть, уже схватились с нашими там на холме, поскольку по дороге на восток от устья Мускусной Крысы нам попался лакота. Изо рта у него хлестала кровь, стекавшая на шею лошади. Звали его Длинный Лось. Впереди нашего отряда скакали воины «передней линии», самые храбрые и закаленные в боях. Мне же было 16 лет, и я ехал позади с молодыми.

Проехав еще немного, мы опять наткнулись на другого лакота, который стоял, пошатываясь, и весь истекал кровью. Он то вставал, то снова падал. Когда мы добрались до холма, я, наконец, увидел солдат. Они к этому времени все спешили и держали своих лошадей под уздцы. Солдаты вели по нам сильный огонь. Однако наши сумели уже окружить холм, где они находились, со всех сторон. Я услышал, как кто-то из воинов крикнул: «Отступают!» Было видно, как многие лошади у солдат вырываются и разбегаются в разные стороны. Все лакоты стали кричать: «Хока хей!» - «Вперед! Вперед!» Наши разом поднялись и кинулись на врага. Вокруг стало темно от поднятой пыли и дыма. Воины, словно тени, проносились вокруг меня. От топота копыт, грохота ружей и громких криков стоял такой невообразимый шум, что все походило на какой-то дурной сон. Вдруг прямо передо мной оказался солдат. Я не растерялся и, размахнувшись, ударил его рукояткой своего револьвера. Не помню, когда успел расстрелять все свои патроны. Солдат схватился за голову, осел и сразу же оказался под копытами лошадей. Нас было так много, что и ружей не понадобилось бы. Мы могли бы растоптать их

одними копытами. Потом, когда мы стали спускаться с холма назад в деревню - вся дорога была усеяна мертвыми людьми и лошадьми. Все были перебиты.

Мы словно обезумели от этого боя. Я расскажу тебе, как сильно тогда мы расвирепели. На нашем пути лежал ничком какой-то индеец. Кто-то из наших сказал: «Оскальпируйте этого ри».⁴⁰ Один из нас быстро соскочил с лошади и снял с него скальп. А когда мертвеца перевернули, это оказался шайела, наш союзник. Вот как мы обезумели!

Женщины покидали свои укрытия и приветствовали нас характерными высокими возгласами. Мы постояли с ними некоторое время, а потом увидели, как с юго-востока скачут другие солдаты. Все опять закричали: «Вперед!» и бросились навстречу врагу. Завидев нас, солдаты повернули назад. Один из них упал убитый. Много наших соскочило с лошадей и дотронулось до него, добывая удачу. А потом все снова сели на лошадей и преследовали солдат до самого холма, откуда они пришли.

Эти васичу укрепились на холме. В центр они загнали мулов и лошадей, а сами заняли круговую оборону, укрывшись седлами и прочими вещами. Мы окружили их; холм, на котором мы стояли, был выше; все что делается у солдат, было ясно видно. Своих лошадей мы отвели в безопасное место за холмами. Лакоты беспрерывно обстреливали солдат и их лошадей. Стояла нестерпимая жара, и нашлись солдаты, которые стали пробираться с котелками вниз к реке, чтобы набрать воды. Они недалеко ушли, а оставшиеся в живых кинулись назад на холм. Я слышал, что спустя некоторое время нескольким солдатам все же удалось набрать воды, но я их не видел. После какой-то лакота в одиночку атаковал солдат, чтобы показать свою храбрость, но они застрелили его, и нам никак не удавалось забрать тело.

Уже близился закат. В пылу сражения я совсем не чувствовал голода. Теперь же мне очень захотелось есть. Храбрейшие из храбрых собрались на совет, чтобы решить, что делать ночью. Они сошлись на том, что часть из нас отправится домой ужинать и захватит оставшимся что-нибудь поесть. До солдат никак не удавалось добраться - поэтому мы решили морить их голодом и жаждой.

Когда я вернулся в лагерь, на землю уже спустилась ночь. Сначала мне показалось, что лагерь перенесли. Оказалось - просто все разбросанные деревни собрали в один сплошной лагерь. Ночью я не пошел с другими назад, а остался в лагере. По всей деревне разожгли костры. Мне никак не удавалось заснуть. Как только я закрывал глаза, передо мной вставали страшные картины, увиденные днем. Я думаю, что никто не сомкнул глаз.

На заре глашатай обошел лагерь и объявил: «Солдаты, что остались в живых, сегодня умрут!» После еды мы вновь были готовы выступить. На сей раз я оделся как полагается - натянул ноговицы и мокасины. Вчера на мне была только рубаха. Я оседлал лошадь и совсем был готов к сражению.

Приехав туда, где укрылись васичу, мы сменили отряд, стороживший солдат ночью. Мы окружили врага, а лошадей опять отвели за холм. Однако попасть в солдат теперь было труднее, поскольку за ночь они окопались. День опять выдался очень жаркий. То один, то Другой солдат начинал ползти к реке, чтобы напиться. Мы застрелили нескольких, другие побежали назад. Не знаю, может, кому-то из них и удалось добраться до воды. Перестрелка длилась долго. Раз я услышал, как кто-то закричал: «Хей-хей!» Я подполз на крик и увидел лакота, в лоб которому попала пуля, чуть выше бровей.

Прошло довольно много времени. Потом нам сообщили, что сюда движется много других солдат. Получив это известие, все лакоты повернули домой. Люди говорили: «Бросим все, как есть».

Потом мы разобрали лагерь и направились к горам Биг-Хорн.

⁴⁰ Ри - племя, враждебное сиу; ри служили у Кастера в качестве следопытов.

Если бы не пришли те другие солдаты - все васичу, засевающие на холме, были бы уничтожены.

Рассказывает Железный Ястреб:

Сам я из хункпапов и, как я уже сказал, было мне в ту пору 14 лет. Так вот, в тот день солнце стояло высоко, а я еще только завтракал, поскольку проснулся поздно. Во время еды я услышал голос глашатая: «Солдаты идут». Я вскочил и бросился к нашим лошадям. Они паслись около самого лагеря. Одну я заарканил, а остальные бросились бежать, однако старший брат сумел повернуть табун обратно. Солдаты обстреливали нас, люди кругом носились взад-вперед, мужчины и юноши старались поймать своих лошадей, которые были напуганы стрельбой и криками. Я увидел, как купавшиеся дети выбегают из реки. Все они вместе с женщинами пустились бежать вниз по долине, чтобы укрыться.

Наш табун снова вырвался и устремился к лагерю миннеконжу, но мы вновь окружили его и пригнали назад. Воины наконец пришли в себя и, оседлав лошадей, поскакали навстречу солдатам. Многие хункпапы собирались в лесу, заросшем кустарником. Лес находился около того места, где солдаты остановились и спешили. Я проскакал мимо древнего старика, который кричал: «Юноши, мужайтесь! Неужели вы дадите, чтобы малых детей, словно щенят, отняли у меня?»

Вбежав в типи, я лихорадочно принялся облачаться в военный наряд⁴¹. Снаружи свистели пули. Меня всего била такая сильная дрожь, что никак не удавалось вплести в волосы орлиное перо, и провозился я довольно долго. В довершение всего, пока я готовил себя к бою, мне приходилось не выпускать из рук веревку, к которой была привязана лошадь. Она то и дело сильно дергалась, норовя убежать. Пока я приводил себя в порядок, дальше вверх по реке - послышался топот копыт и крики воинов: «Хока хей!» Наконец, я выкрасил лицо красной краской, взял лук со стрелами и вскочил на коня. Ружья я не имел - у меня были лишь лук и стрелы.

Когда я сел на коня и хотел скакать вверх по реке - сражение там, оказалось, уже было закончено, потому что воины устремились назад. Они пронеслись с кличем «В такой день славно умереть!»

Ко мне на пегой лошади подскакал воин по имени Маленький Медведь; седлом ему служило очень красивое одеяло. Он подъехал и воскликнул: «Мужайся, юноша! Все мы умрем когда-нибудь, а земля будет жить вечно!» И я помчался вместе с ним и другими воинами вниз по реке. Там, на восточном берегу реки, на дне одной из лощин, что вела к холму, где засел второй отряд солдат, собрались многие из наших хункпапов. С нами был один очень храбрый шайела. Я услышал, как кто-то сказал: «Вон он идет». Посмотрев в ту сторону, куда указывал говорящий, я увидел его. Голову шайела украшал военный головной убор из перьев пятнистого орла, на плече была надета пестрая накидка из кожи какого-то животного, крепилась она тоже пестрым поясом. Он в одиночку направился к холму, а мы в отдалении следовали за ним. Вдоль гребня выстроились солдаты, которые спешили и держали своих лошадей под уздцы. Шайела покругил перед ними, подъезжая совсем близко - солдаты непрерывно обстреливали его. Потом он вернулся к нам с криком: «А! А!» Кто-то спросил: «Друг шайела, в чем дело?» В ответ шайела стал развязывать свой пестрый пояс, и когда он встряхнул его, с пояса посыпались пули. Этого прекрасно сложенного воина оберегала священная сила, поэтому он был неуязвим для солдат.

⁴¹ Военный наряд - у индейцев степей существовала практика облачаться перед началом военных действий в специальный боевой наряд, хранившийся в особом пакете (парфлеше). Каждая деталь его - головной убор, рубаха, штаны - служили свидетельствами военных заслуг владельца.

Некоторое время мы стояли, дожидаясь чего-то, вокруг слышалась стрельба. Потом раздался крик: «Идут, идут!» Мы посмотрели вверх и увидели как разбегаются в разные стороны серые лошади кавалеристов.

Тут неожиданно лошадь Маленького Медведя встала на дыбы и рванулась вверх по холму в направлении солдат. Когда он подскочил совсем близко, лошадь его подстрелили, а самому ему пуля пробила ногу. Он встал и, хромая, устремился назад к нам. Солдаты усердно обстреливали его. Тогда побратим⁴² Маленького Медведя Лосиный Народ помчался верхом ему навстречу и, усадив товарища позади себя, вынес его из-под пуль. Он должен был выручить своего побратима, даже если знал, что самому ему грозит смерть.

После этого наши воины с оглушительными криками ринулись на холм со всех сторон. Все почернело от пыли.

Мы увидели, как солдаты бросились бежать, устремившись прямо на нас. Почти все они были пешими. Мне кажется - они были так сильно напуганы, что сами не знали, что делают. Мы закричали: «Хока хей!» и бросились на них, закружившись вокруг в сгустившейся тьме.

На меня наскочил один конный солдат. Он жестоко поплатился за это. Моя стрела пронзила его под ребро и вышла с другого конца. Он вскрикнул, ухватился за луку седла и свесился вниз головой. Я схватил свой тяжелый лук и ударил им солдата сзади по шее. Он свалился на землю, а я соскочил с лошади и добил его своим луком. Он был уже мертв, а я все продолжал колотить его - настолько я разозлился, вспомнив о женщинах и малых детях, метавшихся вдаль, с испугом и затаенным дыханием следивших за битвой. Васичу сами напросились на это и получили то, что заслужили. Что было потом - я плохо помню. Видел только, как Несет Изобилие сразил солдата дубинкой, а Краснорогий Бизон сам пал убитый. Помню еще, как по краю балки скакал лакота и кричал, что надо найти какого-то солдата, который скрывался там внизу. Потом я увидел этого лакота, он, наконец, достиг своего врага, убил его и начал полосовать ножом.

Затем мы поскакали к реке, облака пыли, поднятые нами, стали понемногу рассеиваться. Навстречу нам бежали женщины и дети. Все солдаты были перебиты и рассеяны.

Женщины гурьбой столпились на холме и принялись снимать одежду с солдат. Теперь они кричали, смеялись и пели. Здесь на холме произошел один смешной случай. Две толстые старые женщины раздевали солдата, который был ранен и притворился мертвым. Раздев его, они решили отрезать его мужскую плоть. Он вскочил, как ошпаренный и стал бороться с двумя женщинами. Пока он сражался с одной, другая пыталась улучшить момент и убить его ножом. Немного спустя к ним подоспела еще одна женщина и всадила свой нож в солдата, который упал замертво, теперь уже по-настоящему. Смешно было наблюдать, как этот голый васичу дерется с двумя толстыми женщинами.

Тут нам пришлось броситься против солдат, спешивших сюда с другого холма, на помощь отряду, только что разбитому нами. Завидев нас, они повернули назад, а мы стали их преследовать и так доскакали до самого холма, где они укрылись вместе со своими вьючными мулами. Там, на холме, солдаты основательно окопались, спрятались за седлами и другими вещами, так что мы не могли нанести им серьезного ущерба. Я находился у самой реки и вдруг увидел, как сюда спускаются несколько солдат. Они были совсем без оружия, с одними котелками. Вместе со мной было еще несколько юношей. Они выскочили из-за кустов и стали швырять в лица солдат комья глины, пока не загнали

⁴² Побратимство - обычай, распространенный среди членов воинских союзов или братств, представители которых пользовались различными привилегиями по отношению друг к другу. Но и за их пределами существовало индивидуальное побратимство. Например, человек, спасший жизнь соплеменнику, становился его побратимом на всю жизнь.

их в реку. Думаю, там они напились вволю, и до сих пор еще пьют: там в воде мы их и убили.

Уже смеркалось, и я с большей частью воинов отправился домой поесть. Некоторых мы оставили следить за солдатами. Целый день у меня не было ни крошки во рту, ведь вся эта битва началась как раз тогда, когда я только что приготовился завтракать.

Черный Лось продолжает:

Показав матери свой первый скаल्प, я пробыл там с женщинами еще некоторое время. Все они распевали песни и подбадривали воинов. Из-за густой пыли мы не смогли хорошенько разглядеть самую битву, но мы уже знали, что ни один солдат не уйдет оттуда живым. Рядом со мной находились другие мальчики, примерно одного со мной возраста. Кто-то предложил всем вместе отправиться на поле битвы. Мы вскочили на своих пони и поскакали. По дороге нам попадались серые кони, оставшиеся без седоков. Они, словно сумасшедшие, металась в воде. Переправившись через Скользящую Траву мы оказались у края балки, которая вела к месту сражения.

Когда мы добрались туда, почти все васичу уже лежали мертвыми, но некоторые были еще живы и сопротивлялись. По пути к нам присоединились многие другие ребята. Мы скакали по полю битвы, выпуская стрелы в васичу. Я подъехал к одному из них. Этот солдат лежал и корчился от боли - из него так и торчали стрелы. Я принялся снимать с него мундир, другой воин оттолкнул меня и взял мундир себе. Потом вдруг я увидел, что у него с ремня свисает что-то яркое и блестящее. Не долго думая, я сорвал эту вещь. Она была круглая и блестящая, желтого цвета и очень красивая. Я надел ее себе на шею как ожерелье. Сначала внутри ее раздавалось тиканье, а потом прекратилось. Долго еще я носил этот предмет у себя на шее, прежде чем узнал, что это такое и как им пользоваться.

Потом подошли женщины. Мы отправились к вершине холма. Там валялись мертвые серые кони. Некоторые лежали целыми кучами вперемешку с убитыми васичу. наших убитых там почти не было - их уже успели подобрать. Однако, в этой битве много наших воинов было ранено и убито. Объезжая убитых, я наткнулся на солдата, который поднимал руки кверху и стонал. Я пустил ему в лоб стрелу, и он забился в предсмертных конвульсиях. Рядом несколько лаптей вели под руки раненого воина. Я подошел поближе и узнал его - это был брат воина Преследует Утром по имени Черный Васичу. У него было прострелено плечо, и пуля прошла сквозь тело, застряв в левом бедре, поскольку он стрелял свесившись из-за крупы лошади. Ему пытались дать какое-то лекарство. Этот воин приходился мне родственником - его отец и мой были так разгневаны, что пошли и располосовали ножами одного мертвого васичу...

Один мальчик, помладше меня, попросил снять для него скаल्प с солдата. Я сделал это, и он побежал показывать добычу матери. Пока мы находились здесь, большинство воинов преследовали других солдат до холма, где у васичу были спрятаны вьючные мулы. Некоторое время спустя я уже просто не мог смотреть вокруг себя - везде стоял запах крови, и мне стало дурно. Поэтому вместе с несколькими мальчиками я вернулся домой. Нет, я вовсе не сожалел о том, что только что видел. Наоборот, я был счастлив. Эти васичу пришли убивать наших матерей, отцов и нас самих. Мы же защищали свою страну. Когда я притаился там в густом леске у лагеря хункпапов и слышал первые выстрелы солдат - я уже знал исход сражения. Я стал думать, что мой народ сродни громовым духам из моего видения, и что солдаты сделали глупость, напав на нас.

Всю ночь деревня не спала. Наутро тех, кто сторожил у холма, сменил другой военный отряд. Мы с матерью поехали туда вместе с этим отрядом. Мать ехала на лошади, за которой бежал маленький жеребенок, привязанный к кобыле.

Там, на холме, виднелись лошади и вьючные мулы. Но солдат не было видно - они окопались. Внизу за холмом на западном берегу Скользящей Травы были заросли бизоньей

ягоды. Вокруг кустов бегал один мальчик постарше меня по имени Круглый Глупец. Когда мы спросили его, что он это делает, он ответил: «Там в кустах прячется васичу». Действительно, он оказался прав. Один из солдат спрятался здесь еще тогда, когда другие отступили к вершине холма, и просидел так всю ночь. Мы начали осыпать его стрелами. Все это походило на охоту за кроликом. Он, пригнувшись, перебежал из стороны в сторону, а мы носились вокруг кустов, стреляя в него из луков. Раз он закричал: «Ой!» Потом мы подожгли вокруг кустов траву, и он выскочил оттуда. Кто-то из воинов убил его.

После этого мы вернулись к подножию холма, где находились наши воины, и осмотрели укрепления солдат. Васичу по-прежнему не было видно - они лежали в своих окопах, но лошадей и мулов можно было рассмотреть. Многие из животных были мертвы. Когда мы спустились и вновь стали пересекать реку, несколько солдат выстрелили нам вдогонку; пули фонтанчиками взметнули воду. Мы с матерью галопом помчались назад в лагерь. Уже вечерело. Прибыли разведчики, и сообщили, что со стороны истоков Скользкой Травы к солдатам идут подкрепления. Поэтому лагерь мы разобрали. Не успела на землю спуститься ночная тьма, как мы уже были готовы к походу и пустились в путь в направлении ручья Древесного Клеща, который течет в горах Биг-Хорн. Шли мы всю ночь по течению Скользкой Травы. Я вместе с двумя младшими братьями ехал на волокуше. Мать положила рядом со мной маленьких щенков. Они все время норовили выползти из сумки, и я то и дело заталкивал их обратно. Поэтому мне не удалось особенно поспать.

К утру мы добрались до высохшего ручья, разбили здесь лагерь и устроили большой пир. Мясо, которое мы ели, было слегка с жирком - сейчас бы отведать такого!

Днем мы опять пустились в путь и наконец пришли к ручью Древесного Клеща. Здесь, у самых отрогов гор Биг-Хорн, мы разбили лагерь. С нами в деревне находился один тяжело раненый воин по имени Три Медведя. Он лежал в бреду, все время повторяя: «Енени, енени». Не знаю, что он имел в виду - только воин умер, а за этим местом так и закрепилось название: Лагерь-Где-Умер-Енени.

Вечером люди вдруг заволновались, слышались крики: «Солдаты идут!» Я посмотрел вместе со всеми - действительно, прямо на нас цепью скакали солдаты. Однако, оказалось - это наши лакоты ради смеха переоделись в солдатские мундиры.

Разведчики сообщили, что на самом деле солдаты нас не преследуют и все спокойно. Целую ночь по всему лагерю горели большие костры, народ исполнял танцы и песни победы. Я спою тебе песни, которые люди сочиняли и распевали в ту ночь. Вот некоторые из них:

Длинноволосый ушел навсегда
И его женщина плачет, плачет,
Плачет, сюда направляя взоры.
Длинноволосый, у меня не было ружей,
Ты подарил их мне много. Спасибо!
Я весь трясусь от смеха!
Длинноволосый, у меня не было лошадей,
Ты подарил мне их много. Спасибо!
Я весь трясусь от смеха!
Длинноволосый - никто не знает, где он покоится.
Васичу плачут, никак не найдут его.
Там на холме лежит он!
Палите из ваших священных железок.
Какие вы мужи, чтоб вред причинить нам!
Палите из ваших священных железок!

Я так наплясался в ту ночь, что здесь же свалился на землю и заснул. Той ночью умер мой родственник Черный Васичу.

Х. НАРОД ИДЕТ ЧЕРНОЙ ДОРОГОЙ

В этой стране, у отрогов гор Биг-Хорн, мы прожили всего одну луну, а может, чуть больше. Отец говорил мне, что наша борьба оказалась напрасной, поскольку «попрошайки» готовятся так или иначе запродать васичу Черные Холмы, и что на нас идет все больше солдат. Три Звезды находился со своими людьми на Гусином ручье. Много других солдат расположилось в верховьях Йеллоустоуна. Все эти васичу, говорил отец, двинутся и стиснут нас с двух сторон.

Понемногу наши люди покидали лагерь и отправлялись в те агентства, что учредили васичу. Но нас оставалось еще довольно много, и вот мы пустились в путь, со всеми своими лошадьми, спасаясь от солдат. Длинной цепью спускались мы вниз по течению Роузбада и наконец стали лагерем там, где река протекает мимо двух высоких отвесных скал. Потом мы перебрались в то место, где перед самым разгромом Длинноволосого устроили Пляску Солнца. Оказалось, что солдаты проходили здесь - кругом все сплошь было усеяно конским навозом и истоптано копытами лошадей. Затем мы перебрались вниз по течению к одному священному месту, где у самой воды стоит высокая отвесная скала, наверху которой время от времени появляются разные картины, предсказывающие то, что вскоре должно случиться. Тогда на этой скале были изображения множества солдат со свесившимися головами. Люди говорили, что эти рисунки были там уже до разгрома Длинноволосого. Не знаю, но все же они были там, и невозможно представить, чтобы кто-то мог забраться так высоко и сделать эти изображения.

И вот мы переехали к реке Язык, где некоторое время стояли лагерем. Однажды возвратились разведчики и сообщили, что большая огненная лодка, груженная кормом для солдатских лошадей, пришла с верховьев Йеллоустоуна и причалила к противоположному берегу реки. Несколько наших юношей пошли посмотреть, и одного из них, по имени Желтая Рубаха, сидевшие в лодке солдаты застрелили. Однако другие сумели принести домой кукурузы и нам дали немного. Мы поджарили ее и с удовольствием ели.

Примерно в это же самое время, в месяц, когда чернеет вишня, народ стал раскалываться на небольшие группы и уходить - мы опять узнали, что солдаты преследуют нас. Тупой Нож со своими шайела ушел к Ивовому Ручью, в горы Биг-Хорн. Многие лакоты отправились в агентства⁴³, а остальные, в том числе и мы, двинулись на восток. За нами по пятам шли солдаты генерала Три Звезды. Отходя, наши подожгли за собой траву, и дым поднялся высоко, затмевая день, а свет пожара озарял ночь. Мы хотели оставить солдатских лошадей без корма.

Потом пошел дождь, который лил все время, пока мы двигались на восток. Наши пони еле передвигались, увязая в глубокой грязи. Солдатским лошадям без еды приходилось, должно быть, еще хуже. Сидящий Бык и Желчь отделились от нас и двинулись в Землю

⁴³ Агентство - после поражения или «замирения» индейские группы поселялись в резервации, главной административной единицей которых являлись агентства, подчиненные Бюро по делам индейцев Департамента внутренних дел. Бюро представляло собой специальное ведомство, занимавшееся проблемами коренных жителей; оно разделило страну на 12 географических округов, низовыми структурными подразделениями которых являлись агентства. Главой агентства был суперинтендант, назначавшийся Вашингтоном. В число агентов часто попадали случайные люди, стремившиеся нажиться на несчастьях индейцев.

Бабушки⁴⁴. Другие лакоты по пути то и дело откалывались и небольшими группами уходили. Однако Бешенный Конь не хотел покидать родную страну.

В месяц черного теленка⁴⁵ мы стояли лагерем у истоков Гранд-Ривер. В это самое время Американская Лошадь вместе со своими людьми сразился с солдатами генерала Три Звезды у Слим-Бьюттс⁴⁶ на Кроличьем Ручье. Там под проливным дождем произошла жаркая схватка. Солдаты убили Американскую Лошадь, выгнали из типи женщин и детей, захватили все запасы папа (сушеного бизоньего мяса), которые лакоты заготовили на зиму. Узнав обо всем этом, Бешенный Конь отправился туда и гнал солдат до самых Черных Холмов. Много солдатских лошадей пало, завязнув в глубокой грязи. Неотступно преследуя васичу, Бешенный Конь не раз навязывал им битву.

Куда бы мы ни пошли, везде солдаты сеяли смерть, а ведь это была наша родная земля. Она была нашей еще до того, как васичу заключили договор с Красным Облаком, в котором говорилось, что страна будет нашей до тех пор, пока растут травы и текут реки. Этот договор был заключен всего 8 зим назад, и теперь васичу преследовали нас, оттого что мы помнили о нем.

Потом мы вновь пошли на запад. Отныне счастье нас оставило - многие лакоты распустили хвосты своим лошадям (сошли с тропы войны) и перешли к васичу. Мы ушли в самые глубины своей земли. Почти вся земля почернела от огня и бизоны покинули ее. Мы разбили лагерь на реке Язык, здесь росли тополя, кора которых была хорошим кормом для лошадей. Рано легла холодная зима. Намело много снега, и для нас настали голодные времена, ведь дичь найти было нелегко. Пони умирали, и нам приходилось есть их. Они не могли достать еду из-под сильно замерзшего снега и гнили; коры тополей не хватало для всех. Этим летом нас было тысячи, теперь же не набралось бы и двух тысяч.

Здесь в месяц падающих листьев⁴⁷ до нас дошла весть, что Черные Холмы, а также вся страна к западу от них, где мы сейчас жили, продана васичу. Когда я стал старше, я узнал, что наш народ не хотел продавать землю. Тогда васичу отправились к некоторым вождям и по отдельности уговорили их поставить свои знаки на договоре. Возможно, некоторые из них сделали это, одурманенные минневакан (священной водой, виски), которую васичу им поднесли. Так я слышал, а точно не знаю. Но лишь сумасшедший или глупец способен продать свою мать-землю⁴⁸. Временами мне кажется, что было бы лучше, если бы мы остались все вместе и дали васичу перестрелять всех нас.

Тупой Нож со своими шайела стоял лагерем на Ивовом Ручье у отрогов гор Биг-Хорн. Однажды рано утром в конце месяца падающих листьев туда пришли солдаты, чтобы перебить всех шайела. Все люди спали. Стоял сильный холод, снег был глубоким. Когда солдаты начали обстреливать типи, люди обнаженными выбегали прямо на снег. Мужчины сражались на холоде совершенно раздетыми, на них были одни лишь патронташи. Схватка была очень жаркой, ведь воины защищали замерзающих женщин и детей. Солдаты разбили их. Те шайела, которые остались в живых и не замерзли, бежали и добрались до нашего лагеря на реке Язык.

Я вспоминаю, как пришел Тупой Нож с теми, кто остался от его клана. У них не было почти ничего, некоторые из них погибли в пути. Умерло много маленьких детей. Мы дали

⁴⁴ Земля Бабушки - имеется в виду территория Канады, принадлежавшей английской королеве Виктории, именуемой индейцами, согласно их почетным обращениям, Бабушкой.

⁴⁵ Сентябрь.

⁴⁶ Битва у Слим-Бьюттс.

⁴⁷ Ноябрь.

⁴⁸ Мать-земля - в традиционных религиозных представлениях большинства индейских племен земля имела священный смысл, она представлялась матерью. Поэтому акт купли-продажи, предлагавшийся американцами, сплошь и рядом рассматривался коренными жителями, индейцами, как кощунство. Многие из них отказывались заниматься земледелием на том основании, что это наносит раны матери-земле.

им одежду, а из еды мало что могли предложить, поскольку сами питались мертвыми пони. Некоторое время спустя они покинули нас и отправились сдаваться васичу в городок солдат на Белой Реке. Так мы остались совсем одни в той стране, которая принадлежала нам и которую похитили у нас васичу.

После этого люди стали замечать, что Бешенный Конь ведет себя все необычнее. Он почти не появлялся в лагере. Видели, как он в одиночестве стоит на холоде. Его просили вернуться домой, он отказывался. Люди удивлялись - ест ли он что-нибудь вообще. Однажды мой отец застал его в одиночестве и Бешенный Конь сказал ему: «Дядя, тебе странно то, как я себя веду. Не беспокойся, я могу укрыться в окрестных пещерах и лощинах. Здесь в уединении мне помогут духи. Я думаю, как сделать мой народ счастливым».

Он и так был человеком странным, но той зимой сделался еще необычнее. Может быть, он увидел смерть, ожидавшую его, и размышлял о том, как помочь нам, зная, что его скоро уже не будет с нами.

С большим трудом пережили мы ту зиму; все были в унынии. Вскоре на нас обрушилось еще одно несчастье. Вернувшиеся разведчики сообщили, что в устье реки Язык Разбили лагерь солдаты. А в начале месяца, когда холод приходит в тип⁴⁹, разведчики предупредили, что солдаты идут вверх по реке, чтобы сразиться с нами, и что с ними едут два ружья, установленные на фургонах.⁵⁰

Спасаться было уже негде, поэтому мы приготовились к сражению. Отец сказал, что у нас осталось очень мало патронов. Мы перенесли деревню немного вверх по течению, и наши воины засели на высокой скале. Утром подошли солдаты и развели костры, стали завтракать, а наши голодные люди наблюдали за ними. Позавтракав, они стали стрелять из ружей, установленных на колесах. Оба ружья выстрелили, каждое по два раза, потому что железные шары, которые они выпускали, взрывались, уже упав на землю. Некоторые не взрывались, и мы, мальчишки, сбегали за одним и добыли его. Потом солдаты стали взбираться на скалу. Пошел сильный снег. Мы не могли остановить их наступление - не было патронов. У солдат же было все, что нужно для боя. Когда васичу добрались до нас, воины стали отбиваться копьями и прикладами ружей, которые они превратили в дубинки. Мужчины удерживали их, пока женщины не свернули лагерь и не увели детей с лошадьми. Вокруг бушевала снежная буря, мы двигались на юг к реке Литл-Паудер. Солдаты еще преследовали нас какое-то время, пытаясь навязать бой. Нам удалось оторваться от них, но мы побросали все необходимое, и когда стали лагерем на Литл-Паудер, то оказались почти такими же нищими, как люди Тупого Ножа, приходившие к нам раньше. Стоял очень сильный холод, и мы опять питались своими истощенными пони.

В конце месяца темно-красного теленка⁵¹, а может в начале месяца снежной слепоты⁵², к нам прибыл Крапчатый Хвост с вождями других племен. Его сестра приходилась матерью Бешенному Коню. До того, как Крапчатый Хвост перешел на сторону васичу, он был великим вождем и храбрым воином. Теперь же он мне не понравился. Он разжирел на пище васичу, мы же все были истощены голодом. Отец сказал мне - Крапчатый Хвост пришел, чтобы заставить своего племянника сдаться солдатам; наш собственный народ встает против нас, а весной придет еще больше солдат, и с ними много шошонов, кроу и даже лакотов, и наши старые друзья шайелы - все выступят против нас вместе с васичу. Этого я не мог понять, и все думал и думал. Почему бывает так, что плохие люди жиреют, а хорошим приходится умирать с голоду? Я вспоминал о своем видении и очень

⁴⁹ Январь.

⁵⁰ Пушки.

⁵¹ Февраль.

⁵² Март.

расстраивался из-за него. Я спрашивал себя - может, это был просто-напросто какой-то странный сон?

Потом я услышал, что с появлением первой травы мы все пойдем в городок солдат, и что Бешенный Конь распускает хвост своей лошади и сойдет с тропы войны.

В месяц первой травы⁵³ наш маленький клан первым направился в городок солдат, а в первые дни месяца, когда линяют пони⁵⁴, пришел Бешенный Конь с остальными людьми, с лошадьми, от которых остались лишь кожа да кости. Когда он сдавался, вокруг выстроились ряды солдат и полицейских-лакотов. Я видел, как он снял свой военный головной убор. Мне не удалось пробиться поближе и поэтому я не услышал того, что он сказал. Голос его был негромок, сказал он лишь несколько слов, а потом сел.

Мне было 14 лет. Теперь у нас было достаточно еды и мы, мальчики, могли играть, не боясь ничего. Солдаты следили за всеми, и отец и мать время от времени вспоминали о наших людях, которые ушли в Землю Бабушки вместе с Сидящим Быком и Желчью, родителям хотелось быть вместе с ними. Теперь наш лагерь стоял неподалеку от агентства Красного Облака, а само агентство рядом с городком солдат. Тем летом ничего особенного не случилось...

XI. УБИЙСТВО БЕШЕННОГО КОНЯ

Однажды ночью в месяц, когда телята покрываются шерстью⁵⁵, мы потихоньку разобрали свой лагерь в агентстве Красного Облака и пустились в путь. Отец сказал, что мы направляемся в лагерь Крапчатого Хвоста, но не объяснил, зачем. Шли мы всю ночь, а затем сделали остановку.

Однако на следующий день, когда мы были снова в пути, нас догнали люди Красного Облака и сообщили, что случится большая беда, если мы сейчас же не возвратимся. Некоторые из нас повернули и поехали назад. Других какое-то время спустя вернули посланные за ними солдаты. Но Бешенный Конь не остановился, а продолжал путь в лагерь своего дяди.

Уже потом отец разъяснил мне, почему Бешенный Конь решился на это. Он опасался, что в агентстве Красного Облака, где стояли все солдаты, может в любое время начаться смута. А поскольку васичу забрали все наше оружие, мы оказались бы беззащитными, дойди дело до большой беды. Из-за покладистости Крапчатого Хвоста васичу сделали его верховным вождем всех лакотов, и Бешенный Конь решил, что нам будет жить гораздо безопаснее с его дядей. «Попрошайки» потом утверждали, что Бешенный Конь будто бы вновь хотел встать на тропу войны, и начать биться с васичу. Но как мог он это сделать, если у нас не было ружей и достать их мы не могли? Подобные слухи распустили лживые языки васичу, ведь они не могли победить Бешенного Коня в открытой битве. Он был великим человеком и отказался продаться васичу, как Крапчатый Хвост и другие вожди. Отец рассказал мне: васичу хотели, чтобы тем летом Бешенный Конь вместе с Красным Облаком, Крапчатым Хвостом и другими поехал в Вашингтон к Великому Отцу, но он отказался, ответив: «Отец мой всегда со мною, и между мной и Великим Духом нет никакого Великого Отца».

Вечером следующего дня, после того как мы возвратились в агентство Красного Облака, туда пришли солдаты, ведя с собой Бешенного Коня. Он ехал на своей лошади чуть

⁵³ Апрель.

⁵⁴ Май.

⁵⁵ Сентябрь.

впереди их. Они здесь не задержались, а отправились в городок солдат. Мы вместе с отцом и многими другими пошли посмотреть, что они собираются с ним сделать.

Когда мы добрались туда, Бешенного Коня разглядеть не удалось. Вокруг дома, где его содержали, стояли солдаты и полицейские-лакоты, а вокруг них толпа народа.

Вскоре я почувствовал - там внутри творится что-то неладное. Все вокруг заволновались, слышался гул голосов. Потом раздался громкий крик на нашем языке: «Не прикасайтесь ко мне! Я Бешенный Конь!» В людей словно ударило сильным ураганом, поразившим сразу все деревья. Там в доме кричали что-то еще, а все вокруг меня спрашивали, что произошло или сами рассказывали о случившемся. Одни говорили, что Бешенный Конь убит, другие, что болен, третьи, что ранен. Я испугался, слишком уж это напоминало тот день битвы на Скользящей Траве. Казалось, все тут же бросятся в бой.

Потом, однако, все успокоилось. Люди чего-то ждали, а затем стали расходиться. Я услышал, что больного Бешенного Коня только что забрали и он, возможно, скоро поправится. Однако, вскоре мы узнали правду, так как некоторые видели что там случилось. И я расскажу тебе, как все было.

Васичу обещали Бешенному Коню, что не причинят ему никакого вреда, если он пойдет в городок солдат и переговорит с их вождем. Однако они коварно солгали. Его не повели к вождю на переговоры. Они заманили его в маленькую тюрьму с железными решетками на окнах, потому что хотели избавиться от него. Когда он понял, что происходит, то развернулся, выхватил из-под рубахи нож и бросился на всех этих солдат. Маленький Большой Человек, который когда-то был другом Бешенного Коня и ободрял нас тогда во время моей первой битвы на ручье Военный Головной Убор, схватил его сзади и попытался отобрать нож. Пока они боролись, один из солдат, зайдя сзади, пронзил Бешенного Коня штыком. Тот упал и стал угасать. Тогда они подняли его и поволокли в контору вождя солдат. Контора вся была окружена солдатами, которые никого не пускали внутрь, и вскоре заставили всех разойтись. Я с отцом возвратился в наш лагерь в агентстве Красного Облака.

В эту ночь откуда-то донесся траурный плач, он становился слышнее и слышнее, и вот весь лагерь был объят горем.

Бешенный Конь умер. Был он храбрым, добрым и мудрым. Он не хотел ничего иного, кроме спасения своего народа. С васичу же сражался лишь тогда, когда они вторглись в нашу страну и стали убивать нас. Ему было только тридцать лет. Васичу никак не могли победить его в битве, поэтому они ложью заманили его и Убили.

Мы с отцом всю ночь проплакали от горя.

На следующий день отец и мать Бешенного Коня привезли в фургоне тело сына в наш лагерь. Потом они положили его в ящик. Говорили, что им пришлось разделить тело на две части, потому что оно не вмещалось в ящик. Родители положили ящик на волокушу и вдвоем ушли на северо-восток. Я как сейчас вижу двоих стариков, увозящих тело своего сына. Никто их не сопровождал. Я долго еще стоял и смотрел им вслед. Лошадь, что везла тело Бешенного Коня, была желтого цвета. Отец его ехал на гнедом с белой мордой и белыми задними ногами. Старуха-мать сидела на коричневой кобыле, за которой бежал гнедой жеребенок.

Старики никогда не рассказывали, где похоронили они своего сына. Теперь они уже умерли, и сегодня никто не знает, где он лежит. О том, где его могила, а ходило много разговоров. Некоторые говорили, будто знают где она, но не скажут. Многие думают, что она находится где-то на Медвеьем ручье в Дурных землях⁵⁶. Я знаю только одно.

⁵⁶ Дурные земли или «бэдлэндс» - сильно изрезанные эрозией местности в юго-западной части штата Южная Дакота.

Родители направились с телом сына прямо вниз по Перцовому ручью, который протекает неподалеку от нас за холмом к югу. Там у ручья проходили двое охотников и они видели стариков и пони с волокушей. Когда они рассказывали об этом моему отцу, то говорили, что лошадь, тянувшая волокушу, была желтого цвета и что на волокуше был закреплен какой-то ящик, а старик ехал на гнедом, у которого была белая морда и белые задние ноги. Старуха же сидела на коричневой кобыле, за которой бежал гнедой жеребенок. Старики шли вниз по Перцовому ручью, а позже охотники увидели их на ручье Белой Лошади, где были раньше. Ящика с ними уже не было. Вот почему мне кажется, что они, наверное, спрятали тело где-то у Перцового ручья, а быть может, ночью возвратились, забрали ящик и унесли его с собой в Дурные земли. Кто знает? Неважно, где находится его тело, потому что теперь оно поросло травой. Но славно было б попасть туда, куда ушел его Дух.

ХII. ЗЕМЛЯ НАШЕЙ БАБУШКИ

В конце месяца падающих листьев⁵⁷, после того, как убили Бешенного Коня, васичу приказали лакотам переселиться на Миссури, где нам отвели различные агентства. Сначала пустилась в путь большая группа людей под руководством Красного Облака, а мы вышли через день с другой большой группой, где вождем был Крапчатый Хвост.

Все были печальны - Бешенный Конь погиб, а теперь васичу собирались загнать нас на крохотные островки земли и заставить жить как они. Поэтому не пройдя и половины пути, некоторые откололись и пошли обратно на родину. Шли быстро, и солдаты не преследовали нас. Когда наша небольшая группа дошла до земель у Паудер-Ривер, глазам предстал совсем опустошенный край. К зиме мы готовы не были. Не останавливаясь, мы быстро пошли на север. Нам хотелось соединиться со своими сородичами, жившими во главе с Сидящим Быком и Желчью на Земле Бабушки.

В пути к Глинистому Ручью, где стояли лагерем сородичи, нас уже застигли морозы. Родные были очень рады нашему прибытию и позаботились о нас. В этой стране бродило еще много бизонов, люди заготовили в изобилии мяса. Солдаты не могли прийти сюда и уничтожить нас.

Мне было уже пятнадцать, и я все чаще задумывался о своем видении - когда же настанет мой час? Часть того, о чем мне рассказывали праотцы, сбылась - народ пошел по черной дороге, священный круг его жизни распался, зеленеющее древо засохло. Я должен был соединить этот круг и сделать так, чтобы в центре его вновь зазеленело священное древо, и вывести людей на красную дорогу. Мне хотелось знать, когда же во мне окрепнет та сила, с помощью которой я смогу осуществить все это. Нечего было и думать о том, чтобы поделиться с кем-нибудь. Я был еще мальчиком, и все посчитали бы мои слова глупостью, да сказали бы: «Какой толк от тебя, если даже Сидящий Бык ничего не может поделать?».

Когда вновь появилась трава, случилась памятная Для меня охота за бизонами. Теперь я достаточно вырос, чтобы охотиться вместе со взрослыми. Мы выехали вдвоем с дядей, которого звали Бегущий Конь. Подо мной был гнедой, а вдобавок я вел за собой чалую лошадь. Дядя ехал на другой чалой и тоже вел рядом с собой второго коня. Так мы доехали до ручья Малой реки, пересекли его, и тут вдруг у меня снова закружилась голова. Я знал - непременно что-то должно быть. Сказал дяде: «Я очень странно себя чувствую. Видно, вскоре что-то произойдет. Я послежу, пока ты убьешь бизона, потом мы

⁵⁷ Октябрь.

быстро разделаем его и уедем». Он удивленно посмотрел на меня, потом сказал: «Хау», - и поскакал вперед. Там в долине паслось несколько бизонов. Я остановил лошадей и стал наблюдать. Когда дядя подстрелил одну жирную бизоницу, я подъехал и помог разделывать ее. Мое предчувствие не оставляло меня... Вскоре я услышал голос, сказавший: «Ступай немедленно и посмотри!» Я сказал дяде, что поднимусь на вершину холма и осмотрюсь. Въехав на холм, я увидел с него двоих охотников-лаготов, преследовавших бизона. Как только они скрылись за возвышенностью, мой конь наострил уши, стал осматриваться и нюхать воздух. И тут, с той стороны, куда скрылись лакоты, я услышал стрельбу, потом топот многочисленных лошадей. Из-за возвышенности показалось около пятидесяти человек верхом. Я узнал кроу. Позже мы узнали и то, что именно они убили этих двух лакотов. Захватив с собой добытое мясо, мы с дядей быстро поехали назад в деревню и предупредили остальных.

Мне стало ясно, что сила моя росла; я был рад этому. В месяц, когда нагуливают жир⁵⁸, Сидящий Бык с Желчью устроили Пляску Солнца на Лесном Холме, а потом опять состоялась охота. В этот раз я промышлял вдвоем с человеком по имени Железный Хвост. Я убил большую жирную корову. Когда мы разделывали ее, началась гроза, потом хлынул дождь, и я услышал, как голос из облаков сказал: «Поспеш! Сегодня еще до конца дня что-то случится!» Конечно, меня охватило волнение, и я сказал Железному Хвосту, что слышал голос из облаков и нам надо спешить домой. Захватив с собой одного лишь жиру, мы бросили все остальное и поторопились домой. В лагере мы взволнованно сообщили всем, что надо немедленно сниматься и уходить. Люди поспешно разобрали типи и пустились в путь. Мы дошли до Мутного Ручья - дождь лил не переставая на всем протяжении пути. С трудом мы переправились через ручей, лошади утопали в грязи. Большинство уже выбралось на берег, но у одной семьи, состоящей из старика, старухи и их красивой дочери, увязла волокуша. Вдруг неожиданно откуда-то появилась большая группа кроу. Их было так много, что мы все равно не сумели бы их сдержать. Поэтому нам пришлось, отстреливаясь, отступить.

Среди нас был человек по имени Храбрый Волк, который совершил в этот день великий подвиг. Он находился рядом со стариком и красавицей-дочерью, когда у тех завязла волокуша. Храбрый Волк спрыгнул с коня, натренированного для охоты на бизонов, усадил на него девушку, а сам остался со стариками и сражался до тех пор, пока не пали все трое. Девушка ускакала на его быстроногом коне. Мой двоюродный брат Его-Трудно-Сразить тоже совершил подвиг и погиб. Он отвлек на себя одного из кроу, который стрелял из-за кустов в кого-то из наших, и был убит.

Голос из облаков сказал правду. Казалось, моя сила растет день ото дня.

После гибели двоюродного брата моей обязанностью стало заботиться о его жене. Таков наш обычай. Мы ехали с ней вдвоем и в темноте отбились от нашей маленькой группы. Дождь лил всю ночь. Жена брата так сильно расплакалась, что мне пришлось заставить ее замолчать. Я опасался, как бы нас не обнаружил враг.

Когда к утру мы наконец добрались до своего лагеря, родственники начали оплакивать брата. Ухватив друг друга за плечи, они причитали в течение всего дня. Я тоже плакал вместе с ними, ходил весь в слезах и твердил: «Брат мой - он был так близок мне, и я был так близок ему, теперь же он мертв». Я любил брата, однако не хотел плакать весь день. Но просто приходилось это делать, и такая обязанность, признаюсь, не из легких.

Все это лето и зиму, когда мне исполнилось шестнадцать, мы прожили на Глинистом Ручье, на Земле Бабушки. Зима выдалась очень холодная. Сначала ураганы шли один за другим - охотиться было очень трудно. Потом кончились все запасы папа⁵⁹. Нам грозила

⁵⁸ Июнь.

⁵⁹ Сушеное мясо.

голодная смерть. Все в лагере пали духом. Небольшие охотничьи отряды уходили в разных направлениях, но возвращались ни с чем. Мы с отцом пошли вдвоем, погоня лошадей, которые увязали в глубоком снегу. Добравшись до ручья Малой Речки у обрывистого берега ручья, мы соорудили из своих одеял убежище и разожгли костер. Вечером в одном дупле я обнаружил кролика. Когда же я срубил дерево, там внутри оказались еще трое. Снег был настолько глубок, что они не могли убежать, поэтому и достались нам. Мы устали от долгих блужданий, и постоянного голодания, поэтому перед сном зажарили всех четырех и съели.

Этой ночью ветер поутих, было очень холодно. Неподалеку стал завывать койот. Меня словно озарило: он хочет что-то сообщить мне. Я прислушался: это не были человеческие слова, но смысл его завываний был ясен: «Двуногий, - говорил он, - на большом гребне к западу есть бизоны, но прежде чем ты доберешься туда, ты повстречаешь двух своих собратьев». Я разбудил задремавшего отца: «Отец, я слышал, как койот сказал, что к западу на большом гребне есть бизоны, и что сначала мы встречаем в пути двух людей. Давай выйдем пораньше».

К тому времени отец уже заметил, что я обладаю какой-то странной силой и поверил мне. Утром вновь поднялся ветер. Мы двинулись на запад, но в двух шагах уже ничего нельзя было разглядеть. Потом сквозь снежный вихрь показались очертания каких-то двух лошадей. Они стояли спиной к ветру, низко опустив головы. Когда мы подошли поближе, то в кустах увидели убежище-навес, а в нем двух изголодавшихся и замерзающих лакотов - старика и мальчика. Они очень обрадовались нам, потому что уже совсем пали духом. Два дня им пришлось блуждать по снегу и теперь они совершенно ослабели. Через некоторое время все мы четвером поднялись на гребень холма. Здесь рос густой лес. Затем спустились, укрылись от пурги и стали ждать, пока погода успокоится. Кругом ничего не было видно. Пережидая пургу, мы вспоминали о тех, кто остался дома и голодает. Вдруг тьма на время рассеялась, и совсем рядом мы увидели косматую голову бизона, который брел по ложине, проходившей мимо того места, где мы укрылись. За ним появились еще семь животных, и тут порыв ветра вновь скрыл все вокруг в снежном буряне. Увидеть нас они не могли и учуять тоже, потому что шли по ветру.

Мы все четверо стали воздавать молитвы четырем сторонам света: «Хако! Хако!». Потом вывели своих лошадей из кустов и поехали к входу в ложину, где должны были пройти бизоны. Решили, что сначала выстрелят старики, а мы верхом станем преследовать остальных животных. Вскоре показались бизоны. Старик с отцом подкрались и выстрелили; но то ли из-за холода, то ли от волнения, им удалось подстрелить лишь одного бизона. Вскричав: «Хока!», - мы в свою очередь бросились преследовать других. Они сами утоптали снег для наших лошадей, поэтому преследовать их было нетрудно. Вдруг те бизоны, за которыми гнался я, совсем утопли в снегу. Я понял, что они провалились в заваленный снегом овражек. Останавливаться было уже поздно, и моя лошадь тоже увязла там. Так мы и барахтались - я со своей лошадейю и четыре бизона. Наконец, я кое-как выбрался. Из винчестера, что дали мне в лагере, я тут же застрелил всех четырех. Однако во время стрельбы я увлекся, отбросил рукавицы, и ружье примерзло к рукам, пришлось оттирать его вместе с кожей.

Мой товарищ убил трех бизонов. На снегу было распростерто восемь туш. Было еще утро, но мой отец со стариком весь день до темноты разделявали бизонов. Я же со своими пораненными руками не годился в помощники. Наконец, все мясо было свалено в одно место. Под большой скалой мы сделали прекрасное укрытие. Вокруг рос густой кустарник и было много сушняка. Мы развели большой костер, привязали все наши бизоньи накидки на лошадей и дали им вволю поесть коры тополя, которую мы содрали с деревьев у ручья. Сырые шкуры пошли на наше убежище. Утром устроили большой пир, пели песни и чувствовали себя счастливыми.

Ветер приутих, но мороз стал еще сильнее. Поэтому всю ночь мы поддерживали огонь. Ночью мне почудилось, как будто кто-то плачет снаружи. Я выглянул и увидел кучку дикобразов, пугливо жавшихся к нашему укрытию. Они плакали от холода. Нам стало жалко этих животных, и мы их не тронули.

На следующий день, положив на лошадей столько мяса, сколько они способны унести, мы отправились домой в лагерь. А то, что не смогли взять с собой, спрятали в тайнике у большого дерева. Здесь его легко было найти. Весь день мы медленно шли по глубокому снегу. Мне казалось, что становится все холоднее. К концу второго дня мы наконец добрались до лагеря. Люди радовались нам и нашей добыче. Потом несколько человек отправились к тайнику забрать оставшееся мясо.

На утро я вышел проверить тех лошадей, которых мы брали с собой на охоту в лощину. Оказалось, что пять из них от сильного холода замерзли насмерть. После того, как стих ветер, мороз стал свирепым.

Всех нас в лагере охватила тоска по родине, где мы жили когда-то так счастливо. Старики только и вспоминали о ней, да о тех добрых временах, когда к нам еще не пришла беда. Временами мне хотелось плакать, слушая их рассказы.

ХІІІ. НЕОДОЛИМЫЙ СТРАХ

Весной, когда вновь травы стали показывать свое нежное лицо, две наши семьи свернули типи и пустились в путь на родину, где мы были так счастливы. Шли мы пешком, ведя с собой лишь пятерых лошадей - все другие погибли от мороза. Стояло дождливое время. Через некоторое время мы доехали до ручья Совсем-Без-Деревьев и сделали там остановку. Я решил сводить наших лошадей попасть туда, где трава была гуще. Но стоило мне отойти совсем недалеко от лагеря, как у меня снова закружилась голова, и голос сказал мне: «Будь внимателен и осторожен! Ты что-то увидишь!» Этот голос прозвучал настолько отчетливо, что я невольно посмотрел по сторонам - кто же это мог быть. Но никого не было. Я привязал лошадей таи, где стоял, а сам сел, чтобы обдумать услышанное. Неподалеку от лагеря стояла высокая скала с двумя вершинами. Я забрался на одну из них, туда, где лежали большие камни. Укрывшись среди этих камней, я огляделся, но ничего особенного не заметил. Я начал подумывать - не почудился ли мне голос. И тут, взглянув на вторую вершину скалы, я заметил совсем близко от себя двоих мужчин. Они ползком пробирались к той вершине. Я узнал в них врагов. Мне сначала показалось, что они из племени кроу, но потом понял, что это черноногие. Я всем телом врос в землю и украдкой следил за ними. Они находились так близко от меня, что можно было добросить до них камнем. Я подумал - будь у меня сейчас ружье, я мог бы застрелить их обоих. У самой вершины враги остановились, потом один из них прополз еще немного вперед и, выглянув, осмотрел наши типи, стоявшие в долине. Первый сделал знак товарищу, и они оба теперь осмотрели весь наш лагерь. Затем я услышал их разговор - они решали, как лучше напасть на нас. Через некоторое время они отползли назад, встали и побежали вниз по склону, и исчезли из виду. Когда они скрылись, я переполз на другую сторону утеса и спустился вниз. У подножия я сел и, вспомнив свое видение, обратился к духам с молитвой: «Праотцы, со мной может случиться беда. Но положусь на силу, которую вы мне даровали. Услышьте меня и помогите!» После этого я побежал к своим и предупредил их, что надо немедленно уходить.

Нас было так мало, что мы не решились остаться и свернуть свои типи, а сразу пустились в путь. Шли очень быстро. По пути нам пришлось пересечь ручей Совсем-Без-Деревьев. Сейчас, весной, этот ручей стал полноводным потоком. Поэтому мне и еще одному

подростку пришлось переплывать ручей, прикрепив к себе сыромятные ремни, которыми опоясались старухи, и тянуть их через глубокую воду. Они чуть не захлебнулись, пока мы тащили их. Когда все выбрались на берег, стариков усадили на лошадей и мы быстро двинулись вперед, на восток.

На небе с западной стороны надвинулась грозовая туча. Я уже знал: она пришла, чтобы защитить нас. Слышно было как грозовые духи кричали мне: «Хей! Хей!» Туча застыла у нас над головами, полная молний и голосов. Мы успели отойти не слишком далеко. На землю стала спускаться ночь, и тут позади со стороны покинутого лагеря послышались выстрелы. Враги, по-видимому, стреляли по неразобраным типи, полагая, что мы находимся внутри.

Наконец, настала ночь. Сильно стемнело, потому что громовая туча со множеством голосов висела прямо над нами; мы не переставая шли до самого рассвета. Затем туча рассеялась и наступил рассвет. Мы остановились, чтобы поесть и поспать.

Теперь я уже лучше, чем когда-либо, знал, что обладаю настоящей силой. Ведь я молил праотцов о помощи, и они услышали меня, послав громовых духов, которые скрыли нас и охраняли, пока мы спасались бегством.

Поев и поспав, мы вновь пустились в путь и добрались до лагеря миннеконжу. Потом вместе с этими сородичами пошли до устья Тополиной реки и пересекли Миссури на огненной лодке, которая ходила по ней. И наконец, поохотившись некоторое время, мы пришли в городок солдат, что в устье реки Язык, и разбили лагерь с другими лакотами, которые бежали из резерваций сюда на родину.

Солдаты отобрали у нас ружья и почти всех лошадей, оставив на каждое типи по две лошади. Здесь, у городка солдат, в месяц изобилия мы устроили Пляску Солнца. После нее я, казалось, не мог думать ни о чем другом, кроме своего видения. Мне шел уже семнадцатый год, а я не совершил ничего, о чем вещали праотцы, однако они помогали мне. Я не знал, как осуществить то, что они от меня хотели.

Для меня наступили страшные времена - я не мог поделиться своей печалью ни с кем, даже с отцом и матерью. Я боялся приближающихся туч. С их появлением я всегда слышал, как ко мне взывают громовые духи: «Слушай своих праотцев! Поспеш!» Я понимал, что мне слышалось в пении птиц: «Пора! Пора!» Днем меня кликали вороны, ночью - койоты и все они повторяли: «Пора! Пора! Пора!»

Я не знал, что делать; всякий раз я просыпался до рассвета и выходил из типи, потому что боялся той тишины, что наступает, когда все спят. На востоке друг с другом перешептывались тихие голоса, а утренняя звезда в тишине пела такую песню:

Свято ты пойдешь по земле!
Народ твой будет внимать тебе!

В это время мне трудно было общаться с людьми, поэтому я садился на лошадь и уезжал подальше от лагеря, блуждал, сопоставлял все то, что видел на земле и в небе, с тем, что наблюдал я во время видения. Вороны замечали меня и перекликались друг с другом, словно смеясь надо мной: «Вот он! Вот он!»

Когда ударили первые морозы, я обрадовался, поскольку теперь долгое время не будет гроз. С ними всегда приходили голоса: «Оо-хей! Пора! Пора!» Я боялся их все больше и больше. Зимой все было не так страшно. Однако временами меня и зимой охватывал сильный страх. Плач койотов приводил меня в такой испуг, что я начинал бегать из одного типи в другое, и так до тех пор, пока, утомленный, не падал, засыпая. Мне начинало казаться, что я сошел с ума. Отец с матерью сильно беспокоились, и говорили: «У него та же странная болезнь, за лечение которой мы отдали тогда лошадь Ловцу»

Вихря, а мальчик так и не выздоровел». А я не мог им рассказать, в чем все дело, ведь тогда бы они посчитали, что я болен еще больше.

Той зимой мне исполнилось 17 лет. Когда травы снова начали показывать на свет свои нежные лица, отец с матерью попросили старого знахаря по имени Черная Дорога зайти и посмотреть меня. Черная Дорога остался со мной один на один в типи и попросил сказать, не привиделось ли мне чего-нибудь, вселяющего тревогу. К этому времени я настолько устал всего бояться, что не удержался и рассказал ему про свое видение. Когда я кончил, он долго смотрел на меня, и наконец в сильном изумлении воскликнул: «Аа-ааах!» А потом, обращаясь ко мне, сказал: «Племянник, теперь я знаю, в чем дело. Надо осуществить то, чего хотел от тебя тот гнедой из видения. Ты должен выполнить порученное дело и воплотить это видение здесь, на земле, на благо людям. Сначала же тебе надо устроить Пляску Лошадей на глазах всего народа. Тогда тебя покинет страх, а если ты не сделаешь этого, с тобой произойдет что-то очень плохое». И мы принялись готовиться к Пляске Лошадей.

XIV. ПЛЯСКА ЛОШАДЕЙ

С нами жил человек по имени Медведь Поет, был он стар и очень мудр. Черная Дорога попросил его о помощи, и тот согласился.

Сначала поутру послали глашатая, который объявил людям, чтобы они поднялись немного вверх по реке Язык, отойдя от городка солдат, и там по кругу разбили лагерь. Когда это было сделано, в центре круга Медведь Поет и Черная Дорога поставили священное типи и разрисовали его картинами из моего видения. На западной стороне они изобразили лук и чашу с водой, на северной - белых гусей и священную траву, на восточной - утреннюю звезду и трубку, а на южной - зеленеющий побег и круг жизни народа. Потом нарисовали лошадей, лосей и бизонов. Над входом в священное типи они нарисовали пылающую радугу. Знахарь со стариком трудились целый день, и все вышло очень красиво.

Они предупредили, чтобы я не ел ничего до самого конца Пляски Лошадей и очистился в палатке для потения, пол которой устлан шалфеем; а после очищения мне надо было обтереться этой травой.

Вечером Черная Дорога и Медведь Поет велели мне прийти в разрисованное типи. Мы были там только втроем, и никто не осмелился приближаться и слушать. Они спросили - слышал ли я какие-нибудь песни в своем видении, и если да, то должен обучить их этим песням. Я спел все песни, которые слышал во время видения, и мы почти всю ночь просидели, разучивая их. Все время, пока мы сидели в типи, напевая, снаружи повсюду слышался глухой гром. Все понимали, что это такое. Громовые духи пришли к нам на помощь и выражали свою радость.

Отец с матерью тоже помогали - они добывали все то, что нужно для пляски. На следующее утро все было готово. Привели четырех черных коней, которые обозначали запад, и столько же белых, гнедых и желтых. Они означали север, восток и юг. Для каждого коня подобрали по всаднику. Нашли гнедого и для меня, похоже на того, который был со мной во время видения. Приготовились принять участие в пляске и четверо самых красивых девушек нашей деревни. Праотцами выбрали шесть глубоких стариков.

И вот пришло время раскрашиваться и одеваться для самой пляски. Четыре девушки и шестнадцать всадников обратились лицом к священному типи. Черная Дорога и Медведь Поет затянули песню, а другие подхватили:

Отец, начертай на мне землю.
Отец, начертай на мне землю.
Отец, начертай на мне землю.
Народ дано мне избавить
Племя двуногих возвысить.
Отец, начертай на мне землю.

После этого закончили раскраску. Четырех юношей, что сидели на черных лошадях, выкрасили в черный цвет, на ногах изобразили голубые зигзаги молний, на руках нарисовали такие же голубые линии, а бедра покрыли белыми точками, обозначающими град. Тех, что должны были сесть на белых лошадях, выкрасили в белый цвет, а на волосах и руках изобразили красные зигзаги молний; на ногах лошадей тоже были нарисованы красные молнии. Вдобавок на головах у них были надеты шапки из конского волоса, которые обозначали гусей. Тела других, сидевших на лошадях востока, были покрыты красной краской, а на руках, ногах и груди были проведены прямые черные линии молний. На ногах и груди лошадей также изобразили черные молнии. Тела всадников на желтых лошадях покрыли желтым цветом. Ноги лошадей ниже колен целиком выкрасили в черный цвет, а выше и на груди нанесли черные зигзаги молний.

Ноги моего гнедого были покрыты красными полосами, которые тоже обозначали молнии. А на спине, где я сидел, нарисовали пятнистого орла с распростертыми крыльями. Меня самого с головы до пят выкрасили в красный цвет, а на руки и ноги нанесли черные молнии. На лицо я надел черную маску, а в волосы воткнул орлиное перо, свешивавшееся на лоб. Когда наконец, раскрасили и людей и лошадей, то со стороны они казались одновременно страшными и прекрасными. Все мужчины, сидевшие верхом, были обнажены, они были в одних набедренных повязках. Четыре девушки надели алые платья из оленьей кожи, лица свои они также покрыли алой краской, а волосы заплели в косы. У каждой на шее был венок из душистого священного шалфея, с воткнутым в него орлиным пером. Девушки выглядели настоящими красавицами. Они были очень хороши. Все это время я находился в священном типи вместе с шестью старцами, изображавшими праотцев. Тут же с нами внутри были и четыре девушки. Никто другой не должен был меня видеть до начала пляски.

В самом центре типи праотцы начертили круг и провели через него две дороги: красную - с юга на север, и черную - с востока на запад. На западной стороне круга они поставили чашу с водой и положили на нее небольшой лук и стрелу. Там, где был восток, они нарисовали утреннюю звезду. Затем девушке, что должна была обозначать собой север, они вручили целительную траву и белое гусиное крыло - очищающий ветер. Другой, представлявшей восток, они дали священную трубку. Третьей (юг) - сложили в руки живой побег, четвертой (запад) - обруч, означавший священный круг жизни. Теперь все девушки, добрые и прекрасные, держали в руках символы жизни народа.

У меня в руках был только красный прут, обозначающий священную стрелу, мощь громовых духов запада.

Теперь мы были готовы начать пляску. Шесть праотцев затянули песню, поочередно славя всадников всех четырех сторон света. Сначала они спели песнь в честь черных:

Они грядут - смотрите, смотрите.
Они грядут - смотрите, смотрите.
Вот они, лошадиный народ.
Вот они, племя духов громовых.

Глядите - они грядут.

Глядите - они грядут.

В ответ юноши оседлали черных коней и стали в ряд лицом туда, куда заходит солнце.

Вновь запели шесть праотцев:

Они грядут - смотрите, смотрите!

Вот, они, лошадиный народ, смотрите!

Вот оно, гусиное племя, смотрите!

И тогда четверо белых всадников вскочили на лошадей и выстроились в ряд лицом к стране Белого Великана.

Опять запели шестеро праотцев:

Они грядут, - обитатели края встающего солнца!

Грядет бизоний народ, смотрите!

Грядет лошадиный народ, смотрите!

Теперь красные всадники оседлали своих лошадей и выстроились лицом к востоку.

Наконец, праотцы запели в четвертый раз:

Грядет лосиный народ, из края, куда взоры мы обращаем!

Смотрите!

Грядет лошадиный народ,

Смотрите!

И тогда настала очередь желтых всадников. Они выстроились на своих лошадях лицом к югу.

Теперь я должен был выйти из священного типи - настала моя очередь. Выходя, под стук барабана праотцев, я запел:

Грядет он, смотрите!

Грядет орел в орлиное племя.

Смотрите!

Снаружи слышался храп и стук копыт моей лошади. Одна за другой вышли девушки, а я следом за ними. Оседлав своего гнедого, я стал позади девушек лицом к западу.

Потом появились шесть праотцев и, встав в ряд за моей спиной, под звуки барабана, они запели быструю, живую песню:

Пляшут они,

Они спешат узреть тебя,

Лошадиный народ запада пляшет

Они спешат узреть!

После этого они спели такие же песни о лошадях севера, востока и юга. И каждый раз названная группа разворачивалась и занимала свое место позади праотцев. Наконец все лошади - черные, белые, гнедые и желтые - по четыре выстроились в сторону запада, нетерпеливо перебирая копытами. И во все время священных песен мой гнедой становился на дыбы и громко ржал.

И вот все мы построились. Я взглянул вверх - на темную тучу, которая наплывала на небо с запада. Все люди и кони притихли. В наступившей тишине были слышны лишь глухие раскаты грома. И тогда, подняв правую руку ладонью наружу, я вскричал четыре раза, обращаясь к духам этой тучи:

Хей-я-хей! Хей-я-хей! Хей-я-хей! Хей-я-хей! И тут же праотцы запели другую священную песню из моего видения:

Глядите, четвероногих племя в центре земли.
Так они мне сказали!

И пока они пели, случилась странная вещь. Мой гнедой наострил уши, поднял хвост и, ударив копыто о землю, громко и протяжно заржал в сторону заходящего солнца. Четыре черных лошади ответили ему громким ржаньем, к ним присоединились белые, гнедые и желтые, а потом заржали все лошади, что находились в деревне. Даже те кони, что паслись в долине и на склонах холмов, подняли головы и отозвались дружным ржаньем. И тут вдруг на небе я увидел всю картину своего видения: типи из облаков, прошитое молниями, над входом - пылание радуги, а внутри - шестерых праотцев; по четырем сторонам света стояли лошади. И еще я увидел самого себя, сидевшего на гнедом перед типи. Я огляделся вокруг и понял - все, что мы делаем здесь на земле - словно тень того яркого видения, что сияло там, на небесах. Мне было ясно, что настоящее - там, в небе, а тут внизу - лишь тусклый образ его. И пока я глядел, шесть праотцев там, на небе, а с ними всадники со всех четырех сторон света и даже я сам - все протянули ко мне ладони, и когда они сделали это, я понял, что должен молиться. И потому я воззвал:

Праотцы, узрите меня!
Услышьте меня, духи мира!
Здесь я повторю все, что вы мне показали!
Услышьте меня и помогите!

Потом видение пропало, а громовая туча приближалась, шумя многими голосами и сверкая спереди молниями. Стайки ласточек замечались над нами.

Люди побежали крепить шесты своих типи, чтобы их не сорвало бурей, а черные всадники запели под барабаны, рокотавшие громом:

Я устрасил их видом.
Орлиный знак носил я.
Я устрасил их видом.
Мощь молний носил я.
Я устрасил их видом.
Устрасил их.
Мощь града носил я.
Я устрасил их видом.
Устрасил их,
Глядите!

Они пели, а там на западе, неподалеку от нас, падал град и лил дождь. Но туча стояла над нами, грохоча и озаряя блеском молний, и лишь несколько капель упало на нас. Видно было, что громовые духи рады; они пришли в великом множестве поглядеть на пляску.

Вот четыре девушки высоко подняли священные предметы, которые держали в руках: траву, белое крыло, священную трубку, живой побег, круг жизни народа, и протянули их духам запада. Тогда больные и страждущие люди деревни приблизились к девушкам и сделали им подношения. После этого всем им стало лучше, а некоторые исцелились и стали плясать от радости.

Шесть праотцев вновь забили в барабаны, и пляска началась. Четверо черных всадников, стоявшие позади стариков, обогнули девушек и поскакали к западной стороне нашей деревни. Все другие в том же порядке последовали за ними; пони били копытами, становились на дыбы. Когда черные достигли цели, они развернулись и встали в конец группы. Теперь во главе оказались белые всадники, которые повели всех к северу деревни.

Затем они встали взади черных, а впереди поскакали гнедые, пока не достигли востока, где их место заняли желтые. Желтые поскакали во главе и достигли южной стороны деревни. Потом впереди снова встали черные, и вновь вся цепь поскакала по кругу к западу. Каждый раз, когда всадники достигали своей стороны света, шесть праотцев пели песнь в честь тех сил, что обитали там. И каждый раз я поворачивал своего гнедого в ту или иную сторону света. Он громко ржал, а все другие лошади немедленно подхватывали. Повернувшись на север, я обратился к небесному праотцу со словами: «Праотец, услышь меня! То, чем ты одарил меня, я отдал народу - силу целебной травы и очищающий ветер. Народ мой должен обрести счастливую жизнь. Услышь меня и помоги!»

Когда же пони достигли востока, а старцы кончили свою песнь я воззвал: «Праотец, услышь меня! Народ мой блуждает во тьме. Укажи ему верный путь и дай мудрости. Услышь меня и помоги!» Двигаясь от одной стороны к другой, мы все пели такую песнь:

Со всей вселенной лошадиный народ,
Вот ржет он,
На дыбы поднимаясь,
Вот он, смотри!

Когда мы достигли юга, старцы спели песнь в честь силы плодородия, а мой конь повернулся на юг и заржал, и опять все лошади ответили громким ржанием. С поднятой рукой я стал молиться: «Праотец, тот живой побег и священный круг жизни народа, что ты подарил мне, я отдал людям. Ты, обладающий силой плодородия, услышь меня! Укажи народу истинный путь, чтобы уподобился он цветам на твоём священном древе, сделай так, чтобы это древо глубоко проросло в чреве Матери-Земли, покрылось листвой и поющими птицами».

Потом, когда черные были опять впереди и скакали к западу, а мы пели и танцевали в честь этой стороны света, серая грозовая туча, которая все еще стояла на западе и наблюдала за нами, наполнилась кричащими голосами: «Хей-хей! Хей-хей!» Это громовые духи выражали свою радость моими делами. Тогда все люди вокруг, счастливые и радостные, стали отвечать им: «Хей-хей! Хей-хей!» Тут лошади снова заржали, соединив свое ликование с радостью духов и людей. Так четыре раза с песнями прошли мы вокруг деревни, меняя впереди четырех всадников. И каждый раз шесть старцев пели песнь в честь силы какой-нибудь стороны света, а я обращался к ней с молитвой. Стоило нам остановиться у одной части света, как кто-нибудь из больных или охваченных горем устремлялся к девушкам с подношениями красного цвета, из маленьких алых кисетов, наполненных чакун-ша-ша, ивовой корой. После подношений человек сразу чувствовал себя лучше и начинал плясать от радости.

На втором круге к нам присоединились многие из тех, у кого были лошади, и тоже приняли участие в пляске. Постепенно к нам стекалось все больше и больше людей. Они кружили вокруг на конях, пока мы шли по кругу, и так продолжалось до тех пор, пока наконец вокруг нас не образовался целый вихрь мечущихся лошадей. Остальные плясали пешими, и у всех на устах были те же песни, что и у нас.

Когда мы в четвертый раз достигли запада, то построились по-новому, лицом к центру лагеря, в ту сторону, где стояло священное типи. Во главе были девушки, за ними я со своим гнедым, потом шесть старцев, а по бокам у них по восемь всадников на лошадях - справа - гнедые и желтые, а слева - черные и белые. Когда мы выстроились в таком порядке, самый старый из праотцев, Дух Неба, воскликнул: «Приготовьтесь. Он четырежды обратится к духам, и на четвертый раз вы поскачете к священному типи и коснетесь его. Тот, кто сделает это, станет обладателем новой силы!»

Все всадники хотели тотчас же броситься к центру. Казалось, нараставшее возбуждение охватило и коней. Они вставали на дыбы, норовя вырваться. Я поднял руку и четыре раза

воззвал «Хей-хей!», а на четвертый все закричали: «Хока-хей» и бросились к типи. Вместе со всеми я поскакал к центру, но прежде чем я добрался туда, многие уже меня опередили и успели коснуться типи.

Потом всех лошадей обтерли священным шалфеем и я увели, а мы стали входить в типи, чтобы посмотреть, что произошло там за время нашего отсутствия. Старики посыпали свежей землей круг жизни народа, который они прочертили тогда в центре типи. Вблизи этого маленького круга жизни мы увидели следы крошечных копыт пони, как будто здесь плясали духи лошадей, пока мы сами плясали снаружи. Теперь Черная Дорога, который помог мне организовать пляску, взял у девушки востока священную трубку. Набив ее чакун-ша-ша, красной ивовой корой, он зажег трубку, поднес поочередно всем Силам Мира, сопровождая свои действия молитвой:

«Праотцы! Ты, обитающий в стране заходящего солнца; ты, кто обладает силой священного крыла, живущий в стране Белого Великана; ты, что обитаешь в стране утренней звезды, там, где зарождается день; ты, живущий в стране сил плодородия; ты, небо, и ты, земля, услышьте меня. Сам я вместе с лошадиным народом выполнил то, что должен был сделать на земле. Всем вам подношу я эту трубку, чтобы народ мой жил!» Затем он затянулся и пустил трубку по кругу. Она прошла по всей деревне, пока каждый не сделал по затяжке.

Когда Пляска Лошадей уже кончилась, мне все еще казалось, что я не иду, а как бы парю над землей. Поскольку все люди вокруг чувствовали себя счастливыми, мне тоже было радостно. Меня окружила большая толпа. Больные люди говорили, что они сами или их занемогшие родственники поправились после пляски. Все принесли мне много даров. Даже лошади, казалось, стали здоровее и счастливее.

Страх, что до сих пор постоянно преследовал меня, исчез, и теперь когда в небе появлялись грозные тучи, я всегда радовался, - ведь теперь они приходили в гости ко мне как сородичи. Все вокруг отныне казалось добрым и прекрасным. Прежде знахари не заговаривали со мной, а теперь стали заходить и беседовать о моем видении. С этого времени я стал вставать еще до зари и наблюдать появление утренней звезды. Люди знали об этом, бывало многие из них отправлялись со мной, и когда появлялась звезда, мы вместе говорили: «Глядите, вот звезда мудрости».

XV. ВИДЕНИЕ СОБАК

Мы жили в устье реки Язык до самого конца Месяца плодородия (июнь). Потом вождь солдат приказал нам покинуть эту страну, поскольку мы ее продали и она уже больше не принадлежит нам. Мы и не думали ее продавать; но пришли солдаты, забрали у нас всех лошадей и ружья, погрузили нас на большую огненную лодку, которая пошла вниз по Йеллоустоун, затем по Миссисипи до форта Йейтс. Здесь белые устроили одну из первых резерваций для лакотов⁶⁰. Нас высадили. Тут уже поселились многие соплеменники Сидящего Быка и Желчи, хотя сами они все еще находились на Земле Бабушки. Насчет забранных у нас лошадей солдаты сказали, что Великий Отец⁶¹ в Вашингтоне заплатит за них. Однако с тех самых пор я не слышал, чтобы он выполнил свое обещание.

Я узнал, что оглалов, к которым я принадлежал, угнали в места, где мы находимся сейчас. Поэтому я решил пойти к ним, чтобы выполнить свой долг и спасти народ. В месяц, когда

⁶⁰ Белые устроили одну из первых резерваций для лакотов. - Речь идет о резервации Стэдинг Рок, расположенной в Северной и Южной Дакоте.

⁶¹ Великий Отец - так индейцы именовали президента США.

сливы алеют⁶², с тремя товарищами я пустился в путь. Идти пришлось пешком, из оружия У нас были лишь луки и стрелы.

Сначала мы решили добраться до брюле. Пока я жил на Земле Бабушки, их тоже угнали на ручей Роузбад, где они живут до сих пор. В пути мы сделали семь привалов.

Однажды вечером мы переправились через Дымную реку (Уайт-Ривер) и заночевали на ее южном берегу рядом со сливовой рощей. Сливы на деревьях уже налились, это была наша единственная пища. Поблизости был холм, который поднимался над рекой; я взобрался на него и сел в одиночестве, наблюдая заходящее солнце. Вечер был ясным и тихим; казалось, вся природа застыла, прислушалась к чему-то. Мне почудилось, будто кто-то хочет поговорить со мной. Я встал и затянул первую песню из своего видения, ту, что принесли с собою два духа:

Слушай, слушай! Голос священный к тебе взывает!
Со всего неба Голос священный к тебе взывает!

И пока я напевал песню, со стороны заходящего солнца вновь появились те двое мужей из видения. Как и тогда, они летели головами вперед, словно стрелы и целили в меня из своих луков. Потом они остановились, встали на ноги, подняв луки над головами, и стали глядеть на меня. Они не проронили ни слова, но я понимал, чего они хотят. Я должен был помочь оглалам, употребив силы, к которым они указали мне путь. Я стоял и пел им. Потом они развернулись и вернулись в закат, головами вперед, точно стрелы в полете. Двое моих друзей знали о моей силе и слышали песнь, доносившуюся с утеса. Поэтому, когда я вернулся к месту ночлега, они спросили, что я там видел. Я лишь ответил, что пел для своих знакомых из потустороннего мира.

После короткой остановки у брюле на ручье Роузбад, теперь уже без спутников, я отправился к ручью Белая Глина. Там васичу строили для оглалов агентство Пайн-Ридж. Наши люди называли это место «Стоянка Красного Облака» или «Место-Где-Обо-Всем-Кипят-Споры». Здесь я и остался. Той зимой, в месяц, когда на деревьях лопается кора, мне исполнилось 18 лет⁶³.

Зима выдалась очень тяжелая, подобная томительно долгой ночи, когда лежишь с открытыми глазами и бесконечно ждешь рассвета. Все дело в том, что громовые духи, ставшие мне близкими, словно сородичи, с первыми заморозками пропали и не возвращались до тех пор, пока травы вновь не показали свои нежные лица. Без громовых духов я чувствовал себя потерянным и одиноким среди своего народа. Мало кто из них видел пляску лошадей, слышал о моем видении и о той силе, которую оно мне даровало. Все окружающие, казалось мне, бродят во тьме под тяжелой ношей. Сами они не видели своей темноты и ноши. Великим бременем висели они на мне. И тем не менее, когда я вновь и вновь припоминал свое видение, мне становилось приятно это бремя, и я чувствовал сострадание к своему народу.

И сейчас, уже на склоне лет, я готов зарыдать, видя несчастья своего народа. Я жалею, жалею о том, что видение не снизошло на человека более достойного. Дивлюсь, отчего духи избрали именно меня, жалкого, ни на что не способного старика. Я исцелял от болезней мужчин, женщин и детей той силой, которую дало мне видение, но помочь своему народу я так и не сумел. Что значит несколько исцеленных мужчин, женщин и детей, когда погибает целый народ? Ведь ради него на меня и снизошло видение, а я не смог выполнить его воли...

Когда я был молодым, я ощущал в себе большую силу; мне казалось, что с помощью сил потустороннего мира я смогу сделать все. Я начал успешно выполнять указание праотцев,

⁶² Сентябрь.

⁶³ Декабрь 1881 г.

но предстояло сделать куда больше. Вот почему для меня зима стала долгой ночью и я томительно ждал рассвета.

Когда наконец травы вновь показали свои лица, меня переполнило Счастье, ведь теперь я слышал громовых духов, которые шептали: «Пора исполнить то, что поручили тебе праотцы».

После долгой зимы ожидания я должен был устроить обряд плача. Прошла первая гроза, и я стал готовиться: для обряда плача надо выбрать в помощь какого-нибудь старого мудрого знахаря, спокойного и великодушного. Он должен набить трубку и поднести ее шести силам, а также четвероногим и крылатым. Один старый и добрый человек по имени Мало Хвостов с радостью согласился помочь мне. Сначала, по его совету, я постился в течение четырех дней и пил лишь одну воду. Затем, когда он сделал подношение трубки, я совершил обряд самоочищения в палатке для потения, которую мы соорудили из ивовых ветвей и покрыли бизоньими шкурами. Внутри, посередине палатки мы положили раскаленные камни, и пока я сидел там, Мало Хвостов плескал воду на камни. Во время очищения я пел песни в честь духов. А в конце старик обтер меня священным шалфеем и заплел мои волосы в косы. Приготовившись к ночному плачу, я разделся донага и укутался в одеяло из бизоньей шкуры, поскольку ночи стояли еще холодные. С собой я захватил одну лишь священную трубку. Для плача необходимо уединиться куда-нибудь подальше от людей. Поэтому вместе с Мало Хвостов я вышел из Пайн-Риджа и отправился сюда, где мы сейчас с тобой сидим⁶⁴.

Мы подошли к высокому холму, что рядом с ручьем Травы, который протекает здесь чуть западнее. Кроме нас двоих, да неба и земли, вокруг не было ни души. И все же это было оживленное место - здесь обитали духи.

Когда мы добрались до холма, солнце почти зашло. Старик помог устроить место, где мне надлежало стоять. Мы взошли на вершину и освятили ее, устлав шалфеем. Потом в середине Мало Хвостов воткнул живой побег, а по всем четырем сторонам разместил подношения из красной ивовой коры, завернутые в маленькие узелки алой ткани.

Затем Мало Хвостов рассказал, что я должен делать, чтобы духи услышали меня и разъяснили мне мой дальнейший путь. Сначала мне предстояло встать посередине, плакать и молиться, прося духов о наставлении. Потом надо сделать несколько шагов к западу, встать и некоторое время причитать там. Затем снова возвратиться в центр, и оттуда сделать несколько шагов к северу, помолиться и попричитать; а потом воззвать к остальным частям света. И так в течение всей ночи.

Пора было начинать плач. Мало Хвостов ушел, оставив меня наедине с духами и заходящим солнцем. Стоя в центре священного места лицом к закату, я затаил жалобную молитву: «О Великий Дух, прими мои подношения! О, вразуми меня!»

Пока я причитал и плакал, с запада с пронзительным свистом прилетел пятнистый орел. Он спустился и сел на сосну чуть восточнее меня. Я отошел в центр, оттуда направился к северу, причитая: «О Великий Дух, прими мои подношения и вразуми меня!» И тут появился маленький ястреб, который опустился к югу на кустарник. Опять, возвратясь в центр, я направился оттуда к югу, причитая и прося Великого Духа вразумить меня; и тут появилась черная ласточка, принялась кружить вокруг меня и наконец села неподалеку в кустах.

Отойдя к середине, я шагнул теперь в направлении юга. До сих пор я лишь пытался заплакать, а сейчас в самом деле зарыдал и слезы ручьями текли по лицу - да оно и не могло быть иначе, ведь я стоял лицом к стране, откуда исходит жизнь. Я вспоминал о тех

⁶⁴ К дому Черного Лося близ Мендерсоновой почты, Южнее Дакота.

днях, когда все мои ушедшие родичи были живы и молоды, вспомнил о Бешенном Конне, который был нашей силой, а теперь уже не возвратится, чтобы вызволить нас из беды.

Сильно плакал я и думал: пусть эти причитания совсем убьют меня - тогда я окажусь в потустороннем мире, где нет. отчаяния.

И пока я плакал, с юга стало приближаться что-то, подобное облаку пыли. Оно придвигалось все ближе, и вот я увидел тучу прекрасных разноцветных бабочек. Это разноцветное облако окутало меня так плотно, что я ничего не мог разглядеть.

Отступив опять назад в середину круга к живому побегу, я услышал, как пятнистый орел, сидя на сосне, сказал: «Смотри на них! Это твой собственный народ. Великие трудности обрушились на него, и ты поможешь ему». И тут я услышал, как кружащиеся бабочки издают слабые, еле слышные стоны - казалось, они тоже плачут. Потом все они взмыли ввысь и улетели обратно на юг.

Теперь из кустов заговорил маленький ястреб: «Смотри, смотри! Выходят твои праотцы - сейчас ты услышишь их!» Я поднял глаза и увидел: с запада шла сильная буря. То был народ громовых духов. Было слышно конское ржание и мощь голосов. Сильно потемнело, и ревущий запад озарился страшными зарницами.

Вдруг из непроглядной тьмы, разорванной отблесками молний, возникло видение. Я снова увидел тех двух мужей, пришедших за мной во время великого видения. Как и тогда, они летели головой вперед, словно стрелы. В том месте, где они приблизились к земле, взметнулось облако пыли; из пыли стали проглядывать головы собак. Приглядевшись, я увидел, что это не пыль, а снова туча разноцветных бабочек, кружащихся вокруг собак.

Теперь двое мужей сидели на гнедых лошадях, разрисованных черными молниями. Вооруженные луками и стрелами, они бросились на собак, а громовые духи подбадривали всадников раскатистыми голосами.

Внезапно бабочки превратились в ласточек, которые плотной стаей закружились позади атакующих всадников. Вот один из них кинулся вперед и насадил на наконечник стрелы окровавленную голову собаки. Весь запад тут же отозвался ликующим ревом. Второй последовал за ним и тоже поднял на стреле собачью голову, и опять ночная тьма запада отозвалась приветственными громами и молниями. На моих глазах собачьи головы превратились в головы васичу. И тут же видение пропало. Осталась лишь страшная, ревущая буря.

Я заплакал еще сильнее, потому что очень испугался. Черная ночь окружала меня, внезапно вспыхивая огнем, звуча громкими голосами и ревом ветра. Я умолял праотцев сжалиться и пощадить меня. я говорил им, что теперь знаю, чего хотят от меня духи, и что я исполню это, если смогу.

Внезапно весь страх пропал. Я подумал: если меня убьют - в потустороннем мире мне будет, наверное, лучше. Я лег на землю здесь, в центре священного места, и вновь поднес трубку всем силам. Потом натянул на себя одеяло из шкуры бизона, укрылся с головой и принялся ждать. Снаружи рычали и ревели голоса. Стук падающего града был подобен грому барабанов, в которые били великаны, напевая: «Хей-я-хей!». На священный круг, где я лежал, не упало ни единой градины, ни капли дождя. Когда буря кончилась, я откинул одеяло и прислушался. В наступившей тишине повсюду было слышно журчание дождевых потоков в оврагах, и лишь далеко на востоке слышались слабеющие голоса: «Хей-я-хей».

Было уже далеко за полночь, и вскоре я заснул. Во сне я видел своих соплеменников. Расстроенные и опечаленные, сидели они вокруг священного типи. Многие были больны. Пока я смотрел на них и плакал, из земли пробился удивительный свет - переливавшийся всеми цветами красок, он поднимался до самого неба. Потом свет пропал, и на том месте

стала прорастать целебная трава. Пока я во все глаза глядел на нее, чтобы не забыть этого чуда, раздался голос, который разбудил меня: «Поспеши! Народ нуждается в тебе».

Я проснулся. На востоке чуть брезжил рассвет. Стоя, я обратился к этой предрассветной мгле с молитвой. На небе медленно взошла утренняя звезда, такая красивая и безмолвная, а вокруг нее - облачка, имевшие вид детских лиц - лиц еще не рожденных людей. Все они улыбались мне. Те звезды, что еще не исчезли с первыми отблесками рассвета, заиграли разноцветными красками. Под ними плавно двигались головы мужчин и женщин. Где-то там, вдалеке пели птицы, раздавались радостное ржание и топот копыт лошадей, раскатился трубный голос оленя, слышалось мычание бизона. Все, что я не мог видеть, я слышал.

Думаю, я опять заснул, потому что теперь меня разбудил другой голос: «Вставай, я пришел за тобой!» Я ожидал увидеть перед собой духа, но оказалось, что надо мной склонился добрый старик Мало Хвостов. Солнце уже всходило.

Вместе мы возвратились с трубкой домой, где я опять поднес ее всем шести силам и подверг себя новому очищению в палатке для потения. После этого несколько мудрых и добродетельных старейшин попросили меня рассказать, что я видел и слышал. Вновь поднеся трубку всем духам и раскурив ее, я поведал им обо всем. Внимательно выслушав, старики сказали, что я должен воспроизвести на земле видение собак и тем самым помочь народу. А поскольку люди охвачены горем и печалью, мне следует проделать все это с помощью хейоков. Хейоки были священными клоунами, которые делают все неверно или, наоборот, чтобы позабавить людей. Старики предсказывали, что я стану великим человеком, ибо не многим суждено увидеть такое видение. Они повелели мне подождать 20 дней, а потом устроить обряд с хейоками. И я стал ждать.

XVI. ОБРЯД ХЕЙОКА

И вот прошло двадцать дней; пора было воспроизвести видение собак с помощью хейоков. Но прежде я расскажу тебе о хейоках и самом обряде хейока, который на первый взгляд может показаться глупым. Но на самом деле это не так.

Выступать в роли хейоков могут лишь те, кого посетили видения о громовых духах запада. Такие люди обладают священной силой и делятся ею со всеми людьми, но делают это они забавными поступками. Когда от громовых духов запада приходит видение, оно сопровождается ужасом, словно во время бури. Когда же гром видения проходит, мир оживает, становясь зеленее и счастливее. Ибо где бы ни являлась в мир истина видения, она подобна дождю. Мир, как ты видишь, обновляется, пройдя через ужас бури.

А в обряде хейока все происходит наоборот - сначала людей смешат и радуют, чтобы священной силе было легче проникнуть в них. Ты, наверное, заметил, что в этом мире истина является в двух обликах. Один лик ее полон страданий, а другой смеется, но это одно и то же лицо, что смеется и плачет. Отчаявшимся людям смех сослужит добрую службу, а для тех, кто блаженствует и слишком уверен в себе, быть может, лучше увидеть плачущий лик. Вот для чего, мне кажется, нужен обряд хейока.

Один человек по имени Вачпанне (Бедняк) взялся возглавить этот обряд. Он много раз был хейока и хорошо разбирался во всем. Сначала он попросил всех людей собраться в круг на ровном месте около Пайн-Риджа. В середине, рядом с возведенным здесь священным типи, он поставил котел с водой, которую вскипятил, бросая туда из костра раскаленные камни. Потом он сделал подношение западу; усевшись у огня с пучком душистой травы в руках, он произнес: «Дню Великого Духа, старому и мудрому дню, я

делаю это подношение». Затем, бросив траву в костер, над которым сразу заструился приятный дымок, он запел:

Глядите!
Я сжигаю, приношу в жертву эту траву.
Святую хвалу возношу,
Святую хвалу возношу.
Народ мой, гляди и будь добрым!
День солнца стал моей силой.
Тропа луны станет мне покрывалом.
Святую хвалу возношу.
Святую хвалу возношу.

После этого надо было убить собаку - быстро, не оставляя на теле никаких следов, так, как убивает молния. Именно от молнии к хейокам приходит сила. Двое хейоков взяли веревку из сыромятной кожи, освятили ее в дыму, струившемся от душистой травы и, захлестнув собаку за шею, стали тянуть с обоих концов. Трижды они слегка затягивали ее, а на четвертый раз дернули так сильно, что свернули жертве шею. Вачпанне опалил шерсть собаки, обмыл тушку и отделил все члены, оставив голову с позвоночником и хвостом. Затем, отойдя на шесть шагов от котла (каждый шаг - в честь одной из шести сил), он поднес голову с позвоночником поочередно всем шести силам и снова обернувшись к котлу, произнес: «Священным образом варю я эту собаку». Три раза он погружал голову в воду, а на четвертый совсем опустил ее в кипящую воду. Потом Вачпанне взял сердце собаки и проделал с ним то же, что и с головой.

Все это время 30 хейоков, по числу дней в месяце, выделявали всякие смешные трюки, стараясь развеселить людей. Они были так потешно раскрашены и одеты, что при виде их никто не мог удержаться от смеха. Индеец по имени Однобокий и я изображали шутов. Мы выкрасились красной краской с головы до ног и провели по телам черные линии - молнии. С правой стороны наши головы были начисто выбриты, слева волосы свисали длинными прядями. Все это было смешно, но имело свой смысл - когда мы стояли лицом к югу, выбритая часть головы была обращена к западу. Это показывало наше смирение перед громовыми духами, одарившими нас силой. Оба мы держали в руках по очень длинному изогнутому луку, такому длинному, что из них нельзя было стрелять. Стрелы, которые мы держали, тоже были слишком длинными и непомерно кривыми, и оттого выглядели нелепо. Сидели мы на гнедых лошадях, разрисованных черными молниями, и должны были представлять двух мужей из моего видения собак.

Вачпанне вошел в священное типи и запел песню о хейоках:

Священны они,
Священны они,
Так говорится,
Так говорится.
Священны они -
Так говорится.

Двенадцать раз повторил он эту песню, по числу месяцев в году. Потом, пока кипел котел, Однобокий и я, оседлав гнедых, повернулись к западу и запели:

Священным манером возвысили голос,
Полмира возвысило голос.
Священным манером возвысило голос, взывая к вам!

Даже во время священных песен хейока выделявали всякие нелепые штуки и смешили людей. Например, двое хейоков с длинными кривыми луками и со смешно выкрашенными стрелами подошли к маленькой лужице и принялись изображать, будто

перебираются через глубокую и широкую реку. Сопровождая свои действия жестами, они решили проверить, глубока ли вода. Для этого они взяли свои кривые стрелы, но не воткнули прямо, а бросили плашмя в воду. Вот вся стрела намочила. Поставив стрелу вертикально, они показывают, что вода выше их головы. И вот они готовятся переплыть реку. Один бросается головой вперед в самую грязь и начинает дико колотить по воде, будто тонет. Ему на помощь бросается второй, и вдвоем они выделывают такие штуки, что люди вокруг смеются вовсю.

Мы же с Однобоким, пропев песнь западу, обернулись к котлу, где варились голова и сердце собаки. Держа в руках остро отточенные стрелы, мы стремительно поскакали к котлу и миновали его. Я должен был на скаку насадить на стрелу голову собаки, а Однобокий - сердце. После того, как мы сделали это, все хейока бросились преследовать нас, пытаясь оторвать себе долю, а мои соплеменники кинулись к котлу, чтобы тоже ухватить себе хоть кусочек священного мяса, в котором теперь была заключена сила запада. Слово лекарство, оно должно было сделать людей радостнее и сильнее. После окончания обряда настроение у всех приподнялось, ведь это был день веселья. Люди яснее видели теперь свежесть мира, безмерность этого священного дня, все краски земли.

Шесть праотцев сотворили многих существ и каждое наделили счастьем. Всякое, даже самое маленькое существо, что-нибудь да значит, оно должно быть счастливым и нести счастье другим. Мы, люди, подобно травам, радующим своими нежными лицами друг друга, должны делать так же, ибо такова была воля Праотцев этого мира.

XVII. Я НАЧИНАЮ ИСЦЕЛЯТЬ

После обряда хейока я переехал сюда, где и живу до сих пор: между ручьем Вундед-Ни и Травяным ручьем. Перебрались сюда и другие люди. Мы построили из бревен вот такие маленькие серые дома. Все они квадратные. Жить в них совсем не годится, ведь в квадрате не заключено никакой силы.

Ты, быть может, заметил - все, что бы ни делал индеец - движется по кругу. Это оттого, что Сила Мира всегда действует по кругу, и все вокруг стремится к нему. В былые времена, когда мы были сильным и счастливым народом, вся наша сила заключалась в священном круге жизни народа, и до тех пор, пока этот круг оставался целым, люди процветали. Зеленеющее древо было его сердцевиной, а четыре стороны света питали его. Восток нес с собой мир и свет, юг - тепло, запад - дождь, а север своими холодами и могучими ветрами давал стойкость и силу. Это знание, вместе с нашей религией, пришло к нам из внешнего мира. Все, что ни делает Сила Мира, действует по кругу: небо округло, и я слышал, что и земля и звезды тоже круглые, словно шары. Ветер, когда достигает наибольшей мощи, крутится вихрем. Птицы вьют свои гнезда округлыми, ведь у них с нами одна вера. По кругу восходит и заходит солнце, то же делает и луна, и сами они круглые. Даже времена года сменяют друг друга по большому круговороту, вновь возвращаясь к своим началам. И жизнь человека движется по кругу - от детства к детству, и так бывает со всем, что имеет силу. Округлы, словно птичьи гнезда, наши типи, и устанавливаем мы их всегда по кругу, то-круг жизни народа, гнездо многих гнезд, куда поместил нас Великий Дух, дабы мы растили в них своих детей.

Но васичу загнали нас в эти квадратные ящики. Пропала наша сила, и мы погибаем, ибо сила покинула нас. Погляди на наших мальчиков - ты увидишь, чем мы стали теперь. В былые времена, когда мы жили силой круга, мальчики становились мужчинами в 12-13 лет, а теперь им нужно куда больше времени для этого.

Что же, все идет, как есть. Пока мы находимся здесь мы военнопленные. Но есть ведь еще и потусторонний мир.

Обряд хейока состоялся в месяц, когда пони прячутся (май). Однажды, в месяц плодородия (июнь), когда все кругом расцветало, я пригласил Однобокого к себе пообедать. Все это время я размышлял о траве, светившейся четырьмя лучами, я видел ее уже дважды - в том великом видении, что посетило меня в девять лет, и во второй раз, когда я с плачем взывал к духам на холме. Я понимал - мне надо разыскать эту траву для исцеления людей. Мне казалось, что я узнаю то место, где видел ее тогда во время своего ночного плача.

После еды я рассказал Однобокому, что мне надо найти некую траву, и попросил его помочь мне. Конечно, я не говорил ему, что она явилась мне в видении. Он согласился; мы оседлали лошадей и поехали к Травяному ручью. Там никто не жил. Въехав на высокий холм у ручья, мы спешили и сели на землю, потому что мне казалось, будто мы находимся где-то совсем близко от того места, где была эта трава в моем видении собак.

Мы немного посидели на холме, напевая некоторые песни хейока. Потом я один затянул песню, которую слышал в своем первом великом видении:

Священным манером они возвышают голос...

Пропев эту песню, я посмотрел на запад, и там, внизу у ручья, над одним местом кружили сразу вороны и сороки, маленькие ястребы и пятнистые орлы.

Я все понял и сказал Однобокому: «Друг, вон там растет эта трава». «Пойдем посмотрим, - ответил он. Вновь оседлав лошадей, мы направились вниз по ручью, пока не доехали до высохшей лощины, по дну которой направились дальше. Вот показалось то самое место, здесь сходились четыре-пять пересохших лощин. Едва мы приблизились, все птицы улетели. Справа от нас, на склоне я заметил траву и сразу узнал её, хотя никогда прежде не видел такой - только в своем видении.

Корни травы были толщиной с большой палец, а длиной доходили мне до локтя. На каждой травинке было по четыре цветка: голубой, белый, красный и желтый.

Мы спешили. Сделав подношение Шести Силам из красной ивовой коры, я помолился в честь травы и сказал ей: «Теперь мы пойдем вместе к двуногим, но лишь к самым слабым из них, чтобы принести им счастливые дни». Трава росла на краю лощины, поэтому мы легко выкопали ее и отправились домой. Достигнув Травяного ручья, я завернул находку в шалфей, который рос по берегам. Видно, кто-то толкнул меня найти эту траву накануне, потому что на следующий день она понадобилась мне, а без нее я не смог бы ничего сделать.

Я ужинал, когда в типи вошел человек по имени Рубит-В-Куски и срывающимся голосом поведал о беде, свалившейся на него. «Мой сын, - сказал он, - очень болен. Я боюсь, что он скоро умрет. Он уже долго болеет. Говорят, после Пляски Лошадей и обряда хейока ты получил великую силу. Может быть, ты спасешь мне сына, я так сильно люблю его». Я ответил ему, что если Рубит-В-Куски действительно хочет помощи, пусть идет домой и принесет мне трубку с прикрепленным к ней орлиным пером. Пока его не было, я размышлял о том, что предпринять. Я испугался - ведь до сих пор я никогда еще никого не лечил с помощью своей силы, а убитого горем отца мне было очень жаль. Я стал упорно молиться, прося о помощи. Когда Рубит-В-Куски возвратился с трубкой, я сказал ему, чтобы он положил трубку слева от меня, а сам встал справа. Когда он сделал это, я послал за Однобоким, чтобы тот помог мне. Потом я взял трубку и пошел в типи, где лежал больной мальчик. Мои отец с матерью тоже пошли с нами, а мой друг Стоящий Медведь уже был на месте.

Сначала я поднес трубку Шести Силам, а потом пустил ее по кругу, и все сделали по затяжке. Потом я забил в барабан, подражая раскатам грома; ведь когда сила запада нисходит к двуногим, ее всегда сопровождает грохот. А после ее ухода все кругом наполняется свежестью, оживает и радуется. Вот почему я стал подражать этому грому. К тому же голос барабана - это одновременно и подношение Мировому Духу. Его звук будит ум, помогает постигать таинства и силу вещей.

Больной малыш лежал на северо-восточной стороне типи. Мы вошли в проход с юга, повернули налево, сделали круг и остановились на западной стороне типи. Тебе хочется знать, отчего мы всегда ходим слева направо. Назову тебе одну из причин - не все. Подумай сам - разве не юг является источником жизни, разве не оттуда принесен живой побег? Разве не отсюда движется человек к закату своей жизни? Разве он не приближается затем к северу, когда его волосы седеют и если позволят годы? Разве потом не приходит он к свету и мудрости, что лежат на востоке? И, наконец, разве не возвращается назад к детству, откуда начал свой путь, чтобы расстаться со своей жизнью, чтобы слить ее со всем живым, а тело отдать Матери-земле, породившей его? Чем больше думаешь об этом, тем глубже видишь смысл, заключенный в этом движении.

Как я уже сказал, мы вошли слева направо и сели на западной стороне. Больной мальчик лежал в северо-восточной части типи. Он сильно исхудал. Со мной, как ты уже знаешь, были трубка, барабан и лучистая четырехцветная трава. Я попросил принести еще деревянную чашу с водой и свисток из орлиной кости, который обозначал бы пятнистого орла из моего великого видения. Чашу с водой поставили передо мной; и тут я задумался в нерешительности, ибо делал все впервые.

Все же я кое-что понял и потому вручил свисток Однобокому и рассказал ему, как пользоваться им, помогая мне. Потом набил трубку красной ивовой корой и отдал ее молодой красивой дочери Рубит-В-Куски, показав Девушке, как ее нужно держать - так, как держала дева востока в моем великом видении.

Теперь все было готово. Я ударил в барабан и, отбивая ритм, четырежды вскричал «Хей-я-хей» в честь Мирового Духа. И в это время я почувствовал, как во мне начинает разливаться сила, поднимаясь от ног и наполняя тело! Я понял, что смогу помочь больному мальчику.

Под глухие удары барабана я повторял свою мольбу: «Праотец мой, Великий Дух, только к тебе одному взывают люди. Говорят, Ты один сотворил все на свете, сделал его хорошим и прекрасным. Ты создал четыре стороны света и две дороги, что пересекают друг друга. Ты наделил силой страну заходящего солнца. На земле двуногие пали духом. Ради них, Мой Праотец, я обращаюсь к тебе. Ты сказал мне: больные снова встанут на ноги. В видении ты повел к центру земли и открыл мне там силу, с которой можно все одолеть. Благодаря силе, что заключена в подаренной тобой чаше с водой, оживут умирающие. Силой той травы, которую ты показал мне, воспрянут слабые и немощные. Из страны, куда вечно обращены наши лица, появится дева, идущая красной дорогой добра - она делает подношения трубки. В ней - сила зеленеющего дерева. Ты подарил мне священный ветер обновления из страны Великанов, севера. Там, где проносится этот ветер, слабые обретают силы. Так ты сказал мне. К тебе, ко всем твоим силам и к Матери-земле взываю я о помощи».

Видишь ли, я никогда еще не совершал такого. Теперь я понимаю, что достаточно было обратиться к какой-нибудь одной силе. Но мне так хотелось помочь больному мальчику, что я призвал на помощь все силы. Когда я взывал к ним, я, конечно, стоял лицом к западу. Теперь я прошел по кругу на север, восток и остановился на юге, где хранится источник жизни и откуда исходит красная дорога добра. Тут я запел:

Священным манером я поднял их на ноги.

Народ священный лежит повержен.
Священным манером я поднял их на ноги.
Священный двуногий лежит повержен.
Священным манером он на ноги встанет.

Я пел и чувствовал, как во всем теле что-то происходит. Мне до боли стало жаль всех несчастных, и из глаз потекли слезы. Я подошел к западной стороне, разжег трубку, поднес ее всем силам, а потом, затаившись, пустил по кругу. Я заметил, что больной мальчик улыбается мне; почувствовал, что сила моя крепнет.

Я взял чашу с водой, отпил из нее немного и, пройдя по кругу, подошел к ложу мальчика. Встав перед ним, я четырежды топнул ногой, а потом прикинул губами к его животу и стал вдвигать в него северный ветер обновления. Пожевав священную траву я положил ее в воду, после часть ее бросил на мальчика, а часть - на четыре стороны света. Чашу с оставшейся водой я вернул девушке, которая дала испить из нее больному. Затем я попросил девушку помочь мальчику встать и обойти типи по кругу, начиная с юга, источника жизни. Мальчик был очень слаб, но с помощью девушки он все это исполнил. После этого я ушел.

На другой день пришел Рубит-В-Куски и сказал мне, что мальчик чувствует себя лучше - он уже может сидеть и даже ест немного. Через четыре дня он поднялся, а потом и вовсе поправился. Рубит-В-Куски подарил мне за это хорошую лошадь, но, конечно, не к этому я стремился.

Когда люди слышали об исцелении мальчика, многие стали искать моей помощи, и я постоянно был занят исцелением. А случилось это летом, когда мне шел девятнадцатый год, в месяц плодородия.

XVIII. СИЛЫ БИЗОНА И ЛОСЯ

Кажется, я рассказывал тебе, а если нет, ты сам, наверное, понял - человек, на которого снизошло видение, не сможет воспользоваться его силой до тех пор, пока не воспроизведет это видение на земле, показав его людям. Ты помнишь, что великое видение явилось мне в девять лет, а я не мог им воспользоваться до тех пор, пока не провел Пляску Лошадей, когда мы стояли лагерем в устье реки Язык, тогда мне было восемнадцать. И если бы не тот страх, который заставил меня повторить видение, я, наверное, принес бы людям меньше пользы, чем простой человек, вообще не имевший видений. Но пришел страх, и, не подчинись я его воле, я скоро просто умер бы от него.

Но только после обряда хейока, где я повторил видение собак, получил я силу знахаря и способность исцелять больных. Многих вылечил я с помощью силы, вселившейся в меня. Конечно, не сам я лечил людей. Все это было делом сил Внешнего Мира. Видения и обряды сделали меня лишь посредником, через которого на двуногих нисходили эти силы. Если бы я возомнил, что все это дело моих собственных рук, то сразу же перестал бы быть посредником, сила ушла бы от меня.

В моем видении были еще другие картины, которые мне предстояло воспроизвести, прежде чем я стану использовать их силу. Вернись к моему рассказу о великом видении, и ты вспомнишь, как красный человек превратился в бизона, перекатившись на месте, и как после этого люди обрели красную дорогу добра.

Чтобы воспользоваться силой бизона, мне нужно было показать людям эту часть видения. Тем летом, когда я впервые начал исцелять, я и сделал это. Я отнес трубку одному мудрому и доброму старику - знахарю по имени Живот Лисицы, и попросил его помочь.

Он с радостью согласился, но сначала я должен был рассказать ему обо всем, что было в этой части моего видения. Все видение я не стал ему пересказывать, только одну эту часть. Ни разу еще никто не слышал историю моего видения с начала до конца, даже мой старый друг Стоящий Медведь и мой сын слушают ее сейчас впервые, когда я рассказываю тебе о ней. Конечно, в видении есть очень много такого, что, как бы ни постарался, я не смогу рассказать, ибо оно выше слов. Но я рассказал все, что можно передать словами.

Я сильно печалился вначале. Ночами я лежал с открытыми глазами и спрашивал себя, правильно ли делаю. Ведь я знал, что расставаясь с великим видением, я лишусь той силы, которая находилась во мне и теперь, возможно, скоро умру. И все же я считаю, что поступил правильно, сохранив своим рассказом видение для людей, пускай даже я раньше умру от этого. Ибо я знаю - смысл видения мудр, прекрасен и добр; что же до меня - перед тобой всего лишь жалкий старик.

Итак, я рассказал Животу Лисицы все, что нужно было знать, чтобы помочь мне. После того, как он услышал от меня даже эту малость, он воскликнул: «Мой мальчик, на тебя снизошло великое видение, тебе непременно надо помочь людям пойти красной дорогой добра, как хотят того Священные силы». Обряд этот был не сложен, но имел большое значение, поскольку он воспроизводил отношения между людьми и бизоном, и вся сила его заключалась в содержании обряда.

Прежде всего в центре деревни мы разровняли священное место, как будто здесь валялись и играли бизоны, и установили тут священное типи. Внутри типи мы начертили круг с четырьмя сторонами света, а через круг с юга на север прочертили красную дорогу. Затем Живот Лисицы по обеим сторонам дороги сделал маленькие впадины, изображавшие следы бизонов. Все это означало, что люди должны пройти этим путем навстречу великому северному ветру обновления, обладая силой и выносливостью бизонов. На северной части круга он поставил чашу с водой, так, чтобы люди, преодолевая силой бизона порывы великого ветра, стремились к воде - источнику жизни. Меня всего с головы до ног выкрасили в красный цвет, чтобы я был похож на красного человека из видения, до того, как он превратился в бизона. На голову я надел бизоньи рога. На левый рог я подвесил пучок травы утренней звезды, на которой растет четырехцветный цветок мудрости. В волосах с левой стороны я укрепил одно орлиное перо - оно означало мой народ, что близок к бизонам и кормится от них.

Пришел ко мне Однобокий, чтобы тоже помочь. Как и я, он был раскрашен в красный цвет, а в руках держал трубку и барабан. Во время обряда, куда бы я ни пошел, он неотступно следовал за мной, подобно тому, как люди всегда идут за бизонами.

Внутри типи мы встали на южной стороне круга, у начала красной дороги добра, и Живот Лисицы запел:

Одаривая нас, идут они,
Идут, одаривая святой травой.
Одаривая нас, идут они,
Одаривая святою жизнью бизона.
Одаривая нас, идут они,
Одаривая святым пером орлиным.
Одаривая нас, идут они -
Орел и бизон - словно двое сородичей.

После этого мы прошли по красной дороге и вышли наружу. Нас окружила толпа людей с подношениями из красных лоскутов ткани, отовсюду спешили больные, чтобы исцелиться. Потом мы вдвоем с Однобоким пошли по лагерю, подражая бизонам. Когда мы вернулись назад, к священному типи, люди принесли сюда своих маленьких детей и

каждому из них я дал отпить глоток воды жизни из деревянной чаши, чтобы впредь их ноги твердо ступали по красной дороге добра, которая ведет к здоровью и счастью.

Сила приходит от понимания вещей. А сила обряда заключалась в понимании его смысла. Ибо все на свете существует лишь в согласии с жизнью и движением Мировой Силы.

После обряда я постоянно продолжал исцелять больных. Меня больше не терзали сомнения. Теперь я все время чувствовал в себе силу.

На следующее лето, когда мне шел двадцатый год (1883 г.) я представил обряд Лося, тоже часть моего видения. Помнишь, как в моем видении трубка и бизон находились на востоке, а лось - на юге. Обряд Лося должен был показать источник жизни и таинство роста живых существ.

Я послал трубку Бегущему Лосю, дяде Стоящего Медведя, доброму и мудрому старцу. Он пришел и выразил желание помочь мне. Как и прежде, в центре лагеря мы поставили священное типи. В этом обряде шесть мужчин должны были изображать лосей, а четыре девушки - дев из моего видения. Лоси означают юг, но сила, которую они показали мне, возвращена всеми четырьмя сторонами света, небом и землей. Поэтому их должно быть шесть. Четыре девы представляли собой священный круг жизни народа; он имеет четыре стороны света, поэтому и понадобились четыре девушки. Бегущий Лось выбрал двух человек на роль лосей, а я, находясь между Мировой Силой и священным кругом жизни, четырех других, ибо я должен был оживить этот круг на земле. Эти шесть человек надели на себя цельные лосиные шкуры с головами. Их руки по локоть и ноги по колено были выкрашены в черный цвет, а все остальное тело покрыто желтой краской. Ведь истоки жизни покрыты тайной, словно ночной тьмой, зато по мере движения к ней все озаряется живительным светом. Семена прорастают во тьме земной, прежде чем познают ласковое лето и свет дня. Дух обретает плоть в темноте чрева. Четыре девы надели алые платья, каждая вплела в косу орлиное перо; поскольку женщина дает начало человеческому роду, орлиное перо, как и в обряде бизона, означало народ. Лица дев были покрыты желтой краской - цветом юга, источника жизни. Кроме того, у одной девушки на лбу была нарисована красная утренняя звезда, а у другой - голубой полумесяц, поскольку сила женщины прибывает и убывает вместе с луной. У третьей на лбу было изображено солнце, а у четвертой вокруг губ и бровей - голубой круг, который означал круг жизни народа. На спинах всех «лосей» также нарисовали круги жизни, потому что именно на спины мужчин падает забота о судьбе народа. В середину каждого круга воткнули орлиное перо, означавшее сам народ. На лицах «лосей» были надеты желтые маски, ведь за женской силой жизни скрывается сила мужчины. В руках мужчины несли живые побеги, срезанные со священного тополя и выкрашенные в красный цвет. На вершинках каждого побега было оставлено по несколько листьев. Женщина дает жизнь растущему дереву, зато мужчина должен питать и оберегать его. Поэтому одна из девушек тоже несла побег, другая держала трубку мира, третья - целительную траву, а четвертая - священный обруч, круг жизни народа, поскольку все эти силы вместе составляют женскую силу.

Как всегда, еще до всех этих приготовлений участники обряда подвергли себя очищению в палатке для потения. Когда мы все собрались в священном типи, Бегущий Лось запел песню:

Со всех сторон света,
Со всех сторон света,
Грядут они узреть тебя
Со всех сторон света,
Подходя по всем сторонам света,
Грядут они узреть тебя!

После окончания песни все мужчины издали трубные звуки, подражая лосям, а Бегущий Лось опять запел:

С песней моей шлю я голос,
С песней моей шлю я голос.
Обруч священный ношу я.

Теперь пора была выходить из священного типи - первой вышла девушка с трубкой, за ней та, что несла живой побег, затем девушка с целительной травой, и наконец та, что несла обруч - круг жизни. Девушки дошли до западной стороны деревни и встали там в ряд лицом к западу. За ними, притопывая и пофыркивая, вышли мы вместе с «Лосями» и тоже встали в ряд позади девушек. Девушки воздели руки со священными предметами, предлагая их громовым духам. Затем они пошли на север, а мы, «Лоси», все это время плясали вокруг них. Дойдя до северной части лагеря, они протянули руки со священными предметами в сторону великого белого ветра обновления, а потом прошли на восток, юг и везде останавливались, простирая руки с подношениями; мы же без усталости плясали вокруг них.

На юге четыре девушки повернулись прямо к северу и пошли красной дорогой добра к центру деревни, туда, где стояло священное типи, а мы, мужчины, по-прежнему в пляске кружили вокруг них, поскольку сила мужчины окружает и защищает силу женщины.

Четыре девушки опять вошли в типи: сначала та, что держала обруч, за ней девушка с живым побегом, а потом третья - с целительной травой, и после нее - девушка с трубкой. За ними вошли и мы, мужчины.

Так проходил этот обряд. Как я уже говорил, сила обряда заключается в понимании его смысла. Ибо все на свете живет в согласии с жизнью и движением Мировой Силы.

ХІХ. ЧЕРЕЗ БОЛЬШУЮ ВОДУ

Как я уже рассказывал, обряд Лося был проведен летом, когда мне шел 20-й год (1883 г.) Говорят, той осенью васичу уничтожили последнее стадо бизонов. Я вспоминаю те времена, когда бизонов было не счесть. Но васичу все прибывали и прибывали, и убивали их до тех пор, пока от бизонов не остались одни кучи костей, разбросанные по равнине. Они убивали животных не для еды, а ради того металла, который сводит с ума васичу, и забирали только шкуры на продажу. Бывало, не брали даже и шкуры, а только языки. Я слышал, по Миссури спускались огненные лодки, целиком груженные сушеными бизоньими языками - ты видишь, на это способны только сумасшедшие. Иногда васичу не брали даже языки, а просто убивали и убивали, потому что им нравилось это. Мы же, когда охотились на бизонов, отстреливали ровно столько, сколько было нужно. А когда в прериях не осталось ничего, кроме груды костей, пришли васичу, подобрали эти кости и тоже продали.

В это время весь наш народ уже жил в квадратных серых домах. Он островками был разбросан по этой голодной земле и опутан границами, которые провели васичу, чтобы не выпускать нас. Круг жизни народа был разорван, и уже не было больше центра для зеленеющего древа. Люди впали в отчаяние. Они были так измотаны и замучены, что, казалось, их невозможно уже заставить прозреть. Теперь нас часто посещал голод, поскольку многое из того, что посылал для нас Великий Отец из Вашингтона, должно быть, разворовывалось по пути жадными до денег васичу. Было много лжи, раздвоенные языки раздавали одни обещания, но мы не становились сытыми от этого.

Еще три года я продолжал лечить больных и исцелил многих. Но стоило мне вспомнить о великом видении, которое должно было спасти круг жизни народа и заставить в его центре зазеленеть священное древо, как я готов был плакать, ибо священный круг распался на мелкие части. А ведь жизнь народа заключалась в этом круге. Что значили маленькие жизни отдельных людей, если смысл их жизни был утрачен?

Однако в конце лета, когда мне шел 23-й год (1886 г.), казалось, появилась слабая надежда на спасение. К нам приехало несколько васичу, они хотели отобрать группу оглалов для большого представления, которое проводил еще один Пахуска⁶⁵. Они рассказали нам, что это представление повезут через большую воду показывать в далекие земли. Мне казалось, я должен поехать с ними, ведь там я смог бы помочь моему народу. В моем великом видении, когда я стоял в центре мира, те двое мужей с востока принесли мне траву утренней звезды и велели бросить ее в землю; там, где трава коснулась земли, она пустила корни и расцвела четырехцветными лучами. Это была трава постижения. Трава проросла и расцвела и там, где красный человек из моего видения, перекатившись, превратился в бизона. А когда бизон исчез, люди в моем видении вновь обрели красную дорогу добра. Если бы мне удалось увидеть большой мир васичу может быть, тогда я смог бы понять, как соединить разорванный священный круг и заставить древо вновь зазеленеть в его центре.

Я перебирал в памяти прошлое, вспоминал прежнюю жизнь своего народа. Но люди уже больше не жили по ее законам. Они шли теперь черной дорогой, каждый был сам по себе и жил без правил - как в моем видении. Я был в отчаянии и даже думал, не стоит ли моему народу перенять жизнь васичу, если она лучше нашей. Теперь я понимаю - это была глупая мысль, но тогда я был молод и сильно отчаялся.

Родственники уговаривали меня остаться дома и продолжать исцелять людей, но я никого не слушал.

Организаторы представления послали за нами из Рашвилла по железной дороге фургоны. Всего в путь собралось около 100 лакотов, мужчин и женщин. Полпути по железной дороге нас провожало много народу. Мы остановились, поели, а потом покинули соплеменников; многие плакали, потому что нас ожидал далекий путь - через большую воду.

Этим вечером, там, у железной дороги, где нас ожидали большие фургоны, мы устроили пляску, а потом расселись по этим фургонам. Когда мы тронулись, вокруг была ночь. Я вспомнил дом, родственников и загрустил. Мне хотелось выбраться и бежать назад. Всю ночь мы ехали с большим грохотом, а утром, позавтракав в Лонг Панн, снова пустились в путь. Вечером прибыли в один очень большой город (Омаха). Потом опять громыхали всю ночь и приехали в город еще больше прежнего (Чикаго). В нем мы пробыли целый день. Здесь я мог сравнить жизнь своего народа с жизнью васичу. Сравнение еще больше повергло меня в уныние. Я все сильнее жалел, что уехал из дома.

Затем вновь мы с грохотом продолжили свой путь, и через некоторое время прибыли в еще больший город - очень большой город (Нью-Йорк). Мы погуляли по нему, дошли до того места, где должно было состоять представление (Мэдисон Сквер Гарден). Там уже были пауни и омаха. Завидев нас, они издали боевой клич, бросились вперед и дотронулись до нас. Делали они это ради шутки, на самом деле они были рады встрече с нами. В городе меня поразили большие дома, толпы людей, ночью здесь горели такие

⁶⁵ Еще один Пахуска - имеется в виду Баффало Билл - организатор известного нашумевшего «Шоу о Диком Западе» - программы с участием костюмированных индейцев и ковбоев, которая широко гастролировала по Европе и Америке. Множество расхожих штампов об индейцах и ковбоях было порождено именно этими представлениями.

яркие огни, что не было видно звезд. Мне рассказывали, что некоторые из этих огней были сделаны с помощью силы грома.

Всю зиму мы прожили там, показывали представления для многих, многих васичу. Мне нравились те части, где были заняты наши, а те, где играли васичу, я не любил. Спустя некоторое время я уже привык ко всему вокруг. Однако я чувствовал себя так, словно меня никогда не посещало видение; я словно бы умер и потерял свой народ. В голову все чаще приходила мысль - может, я никогда больше не увижу его. Вокруг я не видел ничего, что помогло бы моим соплеменникам. Я видел, что васичу не заботятся друг о друге, как делали наши люди прежде, чем был разорван круг жизни народа. Каждый васичу, если бы смог, все бы отнял у своего соседа. Среди них были такие, которые имели намного больше того, что нужно для жизни, в то время как толпы народа вообще ничего не имели и, возможно, голодали. Васичу забыли, что земля-это их мать. Не может быть, чтобы все это было лучше прежней жизни наших людей. Там, где большая вода подходила к городу, на одном островке была тюрьма. Однажды нам удалось посмотреть на нее. Люди направили ружья на заключенных, заставляли их ходить по кругу, словно зверей в клетке. Я очень расстроился, ведь мой народ тоже был загнан на островки земли, и, может быть, васичу намеревались так же обращаться с нами.

Весной стало теплее, но васичу у себя в городах даже траву загнали под землю. Нам стало известно, что совсем скоро мы поедем через большую воду в далекие земли, Некоторые лакоты отправились домой, они и меня звали с собой; однако я еще не увидел ничего такого, что могло хоть как-то помочь моему народу: быть может за большой водой я увижу что-то доброе. Поэтому я решил не возвращаться в родные места, хотя очень сильно скучал и горевал. Васичу посадили всех нас на очень большую огненную лодку, такую большую, что, когда я впервые ее увидел, то просто обомлел. А когда она подала голос, я испугался. Здесь у берега стояли и другие большие, и маленькие огненные лодки, и они тоже подавали голоса.

А через некоторое время я уже ничего не видел, кроме воды. Казалось, мы никуда не движемся, а стоим на месте, то взлетая, то падая вниз. Однако нам сказали, что мы едем быстро. Я подумал - если мы действительно двигаемся быстро, то наверное скоро должны сойти там, где кончается вода, или остановимся в том месте, где небо сходится с водой. Всех охватило отчаяние, многим стало так плохо, что они запели песни смерти. Под вечер заревел сильный ветер, а вода забурлила. Нам дали предметы, которыми надо было опоясать себя, и мы спали на них. Об их назначении я узнал лишь много позже. Мы тогда не понимали, что делать с ними, поэтому просто клали на пол и ложились на них. Пол ходил ходуном все сильнее и сильней, так что мы перекатывались из стороны в сторону и не могли заснуть. Мы испугались; теперь уже все лежали больные. Сначала васичу смеялись над нами, однако очень скоро и сами тоже сильно перепугались, стали возбужденно бегать туда-сюда. Наши женщины и даже некоторые мужчины плакали, ведь все вокруг было таким страшным, а они ничего не могли поделать. Через некоторое время пришли васичу и раздали нам предметы, которыми надо было обвязаться, чтобы плыть. Я не стал надевать их, поскольку мне не хотелось плыть. Вместо этого я приготовился к смерти, одевшись в самую лучшую одежду, в которой выступал на представлениях, и запел песню смерти. Если уж суждено было умереть, то нам хотелось погибнуть как воины. Мы не могли сражаться с теми, кто собирался убить нас но мы могли умереть так, чтобы душам наших родичей не было стыдно за нас. Но все были так больны, что под час не могли даже встать. Что бы мы ни съели - все вываливалось обратно.

Мы совсем не спали. Утром вода вокруг походила на настоящие горы, однако ветер ослабел. В эту ночь несколько бизонов и лосей, которых мы везли с собой для представления, умерли, и васичу бросили их в воду. Когда на моих глазах бросали бедное животное за борт, я чуть не заплакал, потому что мне казалось, что вместе с бизоном они выбрасывают частицу мощи моего народа.

Наконец, после долгого путешествия, мы увидели множество домов и огненных лодок, стоящих у берега. Сейчас спустимся на землю - подумали мы. Но не тут-то было. К нам подъехала маленькая огненная лодка и стала рядом. Люди, которые находились в ней, все тщательно осмотрели на нашей огненной лодке, перед тем, как мы сошли. Почти целый день мы ехали очень медленно и наконец прибыли туда, где притиснувшись друг к другу, стояли дома и бесчисленное количество других огненных лодок. Эти дома отличались от тех, что мы видели прежде. Всю ночь васичу держали нас на огненной лодке, а потом выгрузили и повели туда, где должны были проходить представления. Этот очень большой город назывался Лондон. Теперь мы снова были на твердой земле, однако поначалу было трудно ходить: нас покачивало, словно мы были еще на воде. Здесь мы пробыли шесть лун. Посмотреть на наши представления приходило очень много людей.

Однажды объявили, что к нам собирается ее Величество. Сначала я не понял, кто это. Оказывается, это была Бабушка Англии (королева Виктория), которой принадлежала Земля Бабушки, где мы жили некоторое время после того, как васичу убили Бешенного Коня. Она приехала на представление в большом сверкающем фургоне, по обеим сторонам которого стояло по солдату. Вместе с ней приехали другие сверкающие фургоны. В тот день мы давали представление только для нее и ее людей. Во время представления мы иногда должны были стрелять, но на этот раз не стреляли - только пели и плясали. Я был один из тех танцоров, которых отобрали специально для этого, потому что был молод, гибок и хорошо плясал. Мы стояли прямо перед Бабушкой Англией. Сама она была невысокой и полной. Нам она понравилась, потому что была добра к людям. После пляски поговорила с нами и сказала примерно следующее: «Мне шестьдесят семь лет. Я повидала разные народы по всему свету, но сегодня увидела самых лучших людей, каких знаю. Если бы вы были моими подданными, я бы не разрешала показывать вас на подобных представлениях». Она также произнесла много других добрых слов, а потом пригласила нас к себе в гости. Каждому из нас Бабушка пожала руку. Рука ее была очень маленькой и мягкой. На прощание мы издали радостный клич, а потом появился сверкающий фургон, она села туда и все уехали.

Через пол-луны мы поехали в гости к Бабушке. Нас тоже посадили в сверкающие фургоны и привезли в очень красивое место. Там стоял огромный дом с остроконечными башнями, а внутри на возвышении по кругу стояло много скамеек. На них сидело полным-полно васичу, которые стучали каблуками и кричали: «Виват!» Виват!..» Я так и не узнал, что это значит.

Нас посадили всех вместе внизу, где кончались скамейки. Сначала появился красивый черный фургон, запряженный четырьмя черными лошадьми. Он сделал круг и остановился. Я слышал, что в нем сидел маленький внук Бабушки. Затем приехал красивый черный фургон, запряженный четырьмя серыми лошадьми. На тех лошадях, что находились справа, было по седоку, а третий человек шел слева держа поводья передней лошади. Мне сказали, что в этом фургоне находятся родственники Бабушки. А следом прибыл сверкающий черный фургон, который тянули восемь каурых лошадей, запряженных по две. На лошадях справа тоже сидело по седоку, а переднюю лошадь слева вел человек. Вокруг этого фургона стояли солдаты с винтовками при штыках. Тут люди на скамейках громко закричали: «Виват!» и «Виктория!» И мы опять увидели Бабушку Англии. Она сидела в задней части фургона, лицом к ней - две другие женщины. Все, что было на Бабушке и вокруг нее - все сверкало: ее платье, шляпа, фургон, лошади. Она была похожа на приближающееся пламя. Потом я узнал, что на лошадях и фургоне был желтый и белый металл.

Когда она подъехала к нам, ее фургон остановился, и Бабушка встала. Сразу же встали все люди со скамеек, они закричали и поклонились ей, но Бабушка поклонилась в нашу сторону. Мы издали громкий приветственный клич, а женщины вскричали высокими голосами. Нам потом сообщили, что некоторые люди в толпе так перепугались, что

заболели и упали в обморок. Потом, когда все успокоилось, мы спели Бабушке песню. Это было очень славное время. Нам нравилась Бабушка Англия, поскольку мы знали, что она прекрасная женщина, и относится к нам по-доброму. Быть может, будь она нашей Бабушкой, моему народу жилось бы лучше.

XX. ПУТЕШЕСТВИЕ ДУШИ

Да, то было славное время, но оно подошло к концу. Мы поехали в Манчестер и в течение нескольких лун показывали там свое представление.

Однако накануне нашего отъезда домой трое лакотов и я вместе с ними потерялись в городе, и огненная лодка ушла без нас. Мы не могли разговаривать на языке васичу, и не знали, что нам делать, поэтому просто бродили по улицам. Вскоре мы встретили двух других лакотов, которые тоже отстали от наших. Один из них разговаривал по-английски. Он сказал нам, что если бы удалось добраться до Лондона, то там мы смогли бы заработать деньги на другом представлении, и тогда уехать домой. Всем нам очень хотелось вернуться на родину. Тот из нас, кто умел говорить по-английски, на все деньги купил билеты, и мы поехали в Лондон по железной дороге.

Представление, в котором мы приняли участие, называлось «Мексиканец Джо». Оно не было таким большим, как прежде, но нам платили по доллару в день. После представлений в Лондоне с «Мексиканцем Джо» мы отправились в Париж. Очень часто посмотреть на нас приходила одна девушка-васичу. Я понравился ей; она привела меня к себе домой и познакомила с отцом и матерью. Им я тоже понравился, и они ко мне хорошо относились. Так как я не мог говорить на их языке, мы объяснялись знаками, а девушка выучила несколько лакотских слов. Из Парижа мы поехали в Германию, а оттуда - в то место, где горит земля. Здесь стояла высокая гора с дырой наверху, словно в типи, и в этой дыре клокотал огонь. Я слышал, что в давние времена здесь, под землей, были погребены город и множество людей.

Все это время я все сильнее и сильнее тосковал по дому - ведь прошло уже две зимы с тех пор, как я покинул родину. В конце-концов из-за своей тоски я заболел по-настоящему. Однако я считал, что должен остаться со своей группой до тех пор, пока не заработаю достаточно денег, чтобы уехать домой. «Мексиканец Джо» привез нас обратно в Париж, но там я не смог принимать участие в представлении, поскольку был сильно болен. Девушка, о которой я уже рассказывал, забрала меня к себе домой. Ее семья очень хорошо заботилась обо мне, и у них я поправился. И вот однажды утром я все-таки на короткое время попал домой.

В то утро на мне была одежда васичу - туфли и все остальное. Единственно, что меня отличало от всех - это длинные волосы, свободно ниспадавшие на плечи. Чувствовал я себя хорошо, и мы готовились сесть завтракать. Моя подруга сидела рядом. Ее отец, мать и две сестры тоже сидели за столом. Когда мы уселись, я взглянул наверх, и потолок поплыл у меня перед глазами. Дом стал кружиться и вытягиваться вверх. Я увидел, как все мы с домом быстро поднимались вверх. Вот к дому спустилось облако, и вдруг я оказался стоящим на нем, а дом с оставшимися людьми поплыл вниз от меня. Я был один на облаке; оно стремительно несло куда-то. Я боялся, что упаду - поэтому крепко держался за него. Далеко внизу виднелись городские дома, зеленые поля и реки, и все казалось плоским. Потом я оказался прямо над большой водой. Теперь я уже не боялся, потому что понял, что направляюсь домой. Вдруг меня окутала тьма, а потом снова стало светло, и внизу я увидел большой город. Я знал, что именно здесь мы садились на большую огненную лодку; теперь я находился в родной стране. Я был очень счастлив.

Облако по-прежнему быстро несло, и внизу мелькали города, речки и вновь города и зеленые поля. Потом я стал узнавать местность внизу. Я увидел Миссури, потом Черные Холмы, и центр мира, куда духи повели меня с собой во время великого видения.

Наконец я очутился прямо на Пайн-Ридж, и облако замерло. Посмотрев вниз, я ничего не мог понять - казалось, лакоты съехались отовсюду, и стали здесь большим лагерем. Я увидел типы своего отца и матери. Они находились снаружи, мать готовила еду. Мне хотелось спрыгнуть с облака прямо к ним, только я боялся, что разобьюсь. Пока я смотрел вниз, мать подняла голову и взглянула вверх. Я был уверен, что она заметила меня. Но тут вдруг облако быстро понеслось назад. Я очень опечалился, но ничего не мог поделать. Опять оно пролетело над большим городом, а потом внизу опять была одна вода. После этого меня окутала беззвездная ночь. Я плакал оттого, что нахожусь совсем один в этой черной пустоте. Однако через некоторое время далеко впереди посветлело. Под собой я увидел уплывавшую назад землю, города, поля и дома. Вскоре облако остановилось над большим городом и дом, кружась, стал подниматься ко мне. Едва он коснулся облака, я сразу же оказался внутри, а дом, вертясь, стал опускаться. Вот дом оказался на земле, и до меня донесся голос моей девушки, а потом другие испуганные голоса. Я лежал в постели, а девушка, ее отец, две сестры и доктор как-то странно смотрели на меня, словно были испуганы. Тот лакота, что говорил по-английски, зашел с представления и рассказал мне, как все было. Говорили, будто сидя за столом, я посмотрел вверх, улыбнулся и замертво упал со стула. Три дня я лежал, как мертвый, и лишь время от времени чуть дышал. Часто нельзя было уловить, бьется ли мое сердце. Все были уверены, что я действительно скоро умру, и уже готовились купить для меня гроб. Если бы я не вернулся в тот день к жизни, меня бы, наверное, положили в хороший гроб; а так, я думаю, это будет простой ящик.

Я никому не рассказал, где был все это время, ведь мне все равно не поверили бы. Несколько дней спустя мои хозяева услышали, что Пахуска вновь приехал в Париж. Мы все отправились на его представление. Пахуска был рад видеть меня. Он велел своим людям в честь меня трижды издать приветственный клич. Потом он спросил - хотел бы я остаться с группой или же вернуться домой. Я ответил, что очень тоскую по дому. Пахуска сказал, что устроит это; он достал мне билет и дал 90 долларов, а потом дал для меня большой обед. У Пахуски было твердое сердце. Через некоторое время за мной пришел полицейский и велел собирать вещи. Он проводил меня на поезд, и утром я был у большой воды, где меня посадили на огненную лодку. Восемь дней мы плыли по воде. Часть пути я проболел, но сильно не горевал, поскольку радовался скорой встрече с домом. Когда огненная лодка опять прибыла в тот большой город у меня на родине, я по железной дороге сразу же отправился домой. В Рашвилл мы прибыли рано утром. В здешних местах лакоты не жили, однако неподалеку стоял крытый фургон, который направлялся в Пайн-Ридж. В нем я и отправился.

Когда я добрался до Пайн-Риджа, все кругом было именно таким,» как я видел с облака. И точно, здесь собрались все лакоты, ведь это был год подписания того договора (1889 г.), когда васичу купили у нас всю землю между Дымной Землей (Уайт-Ривер) и Доброй рекой (Шайенн-Ривер). Почти три года меня не было дома, и я еще ничего не слышал об этой глупости.

Типы моей матери и других людей нашего племени стояли именно там, где я видел их, глядя вниз с облака. Родители были очень рады видеть меня, мать плакала от счастья. Я тоже заплакал. Теперь мне надлежало уже быть мужчиной, но слезы сами лились из глаз. Мать рассказала, что однажды ночью ей приснилось, будто я прилетел домой на облаке, но не смог остаться. И тогда я рассказал ей о своем видении.

XXI. МЕССИЯ

Еще до моего отъезда за большую воду наш народ сильно голодал. Васичу так и не дали нам тех припасов, которые были обещаны по договору об уступке Черных Холмов. Васичу сами составляли этот договор, а мы сопротивлялись ему. И все же васичу дали нам меньше половины того, что обещали. Поэтому еще до моего отъезда народ уже голодал.

Но когда я вернулся, нам стало еще хуже. Вид людей вызывал жалость. Летом пришла сильная засуха - казалось, реки и ручьи вот-вот совсем пересохнут. Все, что люди сажали, чахло, а васичу присылали еще меньше мяса и других продуктов, чем раньше. Васичу перебили всех бизонов, а нас, словно скот, заперли на маленьких островках земли. Казалось, скоро мы все умрем от голода, ведь нельзя же питаться одними лживыми обещаниями, которые раздавали васичу.

В довершение ко всему, васичу составили еще один договор, чтобы забрать половину и той земли, которая еще оставалась у нас. Как и раньше, наш народ был против. Однако приехал Три Звезды (генерал Крук возглавил комиссию, которая подготовила договор 1889 г. - ред.) и навязал нам его: васичу очень нужна была земля, расположенная между Дымной Землей и Доброй рекой. И вот лавина васичу, запятнанная грязными делами, ринулась и поглотила половину оставшихся наших земель. Когда Три Звезды пришел к Роузбаду, чтобы убивать нас, Бешенный Конь разбил и прогнал его. Теперь же он прибыл без солдат, и тем не менее рассеял и прогнал наших людей. Нас просто окружили со всех сторон, и мы ничего не могли ответить.

Все то время пока я находился вдали от дома за большой водой, моей силы не было рядом со мной. Я был словно мертвец, и почти не помнил своего видения, а если случайно и вспоминал, оно казалось мне полузабытым сном. Сразу по возвращении люди вновь стали обращаться ко мне с просьбой об исцелении. Я сначала боялся, что сила навсегда покинула меня. Однако оказалось, что это не так, и я продолжал помогать больным, а их было очень много, поскольку из-за голода среди людей распространилась корь. Больных стало еще больше, когда зимой прошел коклюш и стал косить детей, истощенных недоеданием.

Вот так все и шло. Люди были в жалком состоянии, они впали в отчаяние. Однако ранней весной, как раз когда я вернулся домой (1889 г.), с запада до нас дошли необычные вести. Люди только и говорили, что о них. Первыми услышали оглалы, которым рассказали об этом шошоны и Голубые Облака (арапахо). Они верили слухам, другие нет. Да, трудно было в это поверить. Когда я сам впервые прослышал об этом, мне показалось это пустой болтовней. А слух поведал о том, что там, на западе, в одном месте у подножия великих гор (Сиерра), что стоял перед большой водою, среди пайютов появился святой, который в своем видении разговаривал с самим Великим Духом. Великий Дух поведал его, как спасти индейские народы и сделать так, что васичу исчезнут, возвратятся бизоны, воскреснут мертвые, и земля обновится. Еще до моего возвращения люди собрались на совет, чтобы обсудить все это. Они послали к пайютам трех гонцов - Доброго Грома, Храброго Медведя и Желтую Грудь - чтобы те своими глазами посмотрели на этого святого и убедились в правдивости рассказов. Эти трое проделали долгий путь на запад, а осенью, когда я уже был дома, возвратились назад к оглалам и поведали удивительные вещи.

После их возвращения недалеко от Пайн-Риджа в верховьях ручья Белая Глина собрался большой совет, но я не попал туда, потому что еще не верил этому. Может быть, лишь отчаяние заставляет людей верить слухам - думал я - подобно тому, как изголодавшемуся человеку мерещатся горы еды.

На большой совет я не пошел, но от других слышал все, о чем там говорилось. Эти трое - а им можно было верить - подтвердили дошедшие до нас вести, и рассказали вот о чем. Втроем они ехали, ехали до тех пор, пока не добрались до большой плоской долины (Долина Масонов, Невада). Эта долина расположена у последней гряды великих гор перед большой водой. И там они увидели Ванекиа, того, кто был сыном Великого Духа, и говорили с ним. Васичу называли его Джеком Уилсоном, но его настоящее имя - Вовока⁶⁶. Вовока рассказал людям, что скоро вся земля обновится. Новый мир придет с запада ураганным облаком и сокрушит на этой земле все старое и отжившее. В этом обновленном мире, как в старину, будет много дичи, оживут все умершие индейцы и убитые бизоны опять будут бродить по степям.

Святой дал Доброму Грому священную красную краску и два орлиных пера. Люди должны раскрасить свое лицо этой краской и исполнить пляску духов - святой обучил ей Доброго Грома, Желтую Грудь и Храброго Медведя. Если люди послушаются этих советов, говорил святой, то они попадут в обновленный мир, а васичу исчезнут. Когда Вовока передал два орлиных пера, он сказал Доброму Грому: «Возьми эти орлиные перья и внемли им, с их помощью мой отец приведет к себе твой народ». Всю зиму об этом только и говорили.

Когда я услышал о красной краске, орлиных перьях и возвращении народа к Великому Духу, я крепко задумался. У меня самого было видение, которое должно было привести людей назад, к священному кругу жизни народа. Быть может, на этого святого снизошло такое же видение и стало сбываться. Может быть, не одного меня выбрал Великий Дух, чтобы вернуть людей на красную дорогу добра, и если я помогу тою силой, что дарована мне, древо зазеленеет и народ будет спасен. Всю зиму эта мысль не покидала меня. Только я не знал, что именно за видение посетило того святого человека и жалел, что не могу поговорить с ним и все вызнать, как следует.

Зима выдалась очень суровая, люди сильно голодали и болели. С началом заморозков от жестокой болезни, которая охватила многих, умер мой отец. Я сильно горевал. Казалось, счастье совсем покинуло нас. Еще до моего возвращения умерли мои младшие брат и сестра, а теперь вдобавок я остался без отца. Но у меня еще была мать. Работал я в одной торговой лавке васичу, чтобы иметь возможность приносить ей чего-нибудь поесть. Я продолжал работать там и думать о том, что рассказали Добрый Гром, Желтая Грудь и Храбрый Медведь. И все же тогда до конца я еще не верил им.

В течение всей зимы людям хотелось услышать побольше о самом святом и о том новом мире, который скоро должен наступить. Поэтому на запад послали опять Доброго Грома, Желтую Грудь с двумя другими оглалами, чтобы они обо все разузнали еще подробнее. С ними поехали люди из других агентств. Среди них были Медведь Лягается и Короткий

⁶⁶ Вовока (1858-1932), «Резатель», известный еще под именем «Уанекия», «Тот, кто созидает жизнь». Проповедник из племени пайютов, проживавший в Долине Масонов в штате Невада. Считается основателем религиозного движения «пляски духов», захлестнувшего в 1889-1892 гг. племена степей и Дальнего Запада. Среди белых известен под именем Джека Уилсона. Движение Вовоки явилось реакцией религиозно-политического характера на американскую экспансию. Центральным моментом проповедей Вовоки являлась экстатическая «пляска духов», которую индейцы должны были исполнять непрерывно. Согласно учению, индейцы будут при этом находиться между небом и землей, в то время как земля начнет обновляться и, двигаясь во времени назад, сметет со своего лица белых пришельцев, их города и поселки, а на поверхность вернется традиционный быт индейцев, бизоны и умершие предки. Построенная на основе традиционных воззрений, доктрина Вовоки содержала и ряд христианских заимствований (приход мессии, мотив обновления, рассказ о распятии мессии белыми и др.). На протяжении двух лет- 1889 и 1890 гг.-в Долину Масонов устремились сотни индейских паломников, которые разнесли затем элементы учения в сильно деформированном виде. Несостоявшееся возрождение былой жизни, намеченное Вовокой на начало 1891 г., и резня индейцев-участников «пляски духов», учиненная в Вундед-Ни американскими войсками, сильно подорвали веру коренных жителей в доктрину пророка. Умер Вовока 20 сентября 1932 г. в г. Шурц, Невада, в возрасте 74 лет.

Бык⁶⁷. Время от времени от этих двоих индейцев приходили письма с вестями. Люди верили всему, что слышали. Я же продолжал работать в торговой лавке и исцелять больных своей силой.

Наступила весна (1890 г.), и я услышал, что посланцы, наконец, вернулись и все рассказы оказались правдой. Однако я и на этот раз не пошел на большой совет, но со слов других знал, что тот святой действительно сын Великого Духа. Еще в давние времена он пришел к васичу, но те убили его, и теперь он решил прийти к индейцам. Рассказывали, что в новом мире, который скоро придет, словно ураганная туча и сметет умирающую землю, васичу тоже не станет. Говорили еще, что случится это ровно через одну зиму когда появятся травы (1891 г.).

Посланцы рассказали много других удивительных вещей о Ванекии, а они были людьми, которым можно доверять. Ванекиа мог заставить говорить животных, а однажды показал собравшимся видение. Все увидели большую воду, а за ней прекрасную зеленеющую землю, по которой ходили давно умершие индейцы, бизоны и другие животные. Потом Ванекиа заставил видение исчезнуть, поскольку на земле для него еще не наступило время. Вот когда пройдет одна зима и появятся травы, оно сбудется.

Рассказывали еще, что как-то раз Ванекиа снял свою шляпу и попросил их заглянуть внутрь. И когда собравшиеся сделали это, то все, кроме одного, увидели там весь мир и все доброе, что есть в нем. И лишь один человек увидел изнанку шляпы и больше ничего. Сам Добрый Гром рассказывал, что силой Ванекии он вошел в типи из шкур бизона, где со своей женой жил давно умерший сын Доброго Грома, и они долго беседовали там. Все это было не похоже на мое великое видение, и я продолжал работать в лавке. Я просто был озадачен и не знал, что делать.

Некоторое время спустя я узнал, что к северу от Пайн-Риджа, в верховьях ручья, шайен Медведь Лягается устроил первую пляску духов, и что люди, принявшие в ней участие, видели своих умерших родственников и разговаривали с ними. Потом я услышал, что они перешли на другое место и пляшут у ручья Вундед-Ни пониже Мандерсона.

Я все еще не верил рассказам, но они сильней и сильней западали мне в душу с тех пор, как умер отец. Мне хотелось все разузнать самому. Что-то словно толкало меня пойти и посмотреть. Какое-то время я удерживался, но потом больше уже не мог, и, оседлав свою лошадь, поехал к ручью Вундед-Ни.

Оказавшись там, я удивился и едва верил своим глазам - в том, что увидел, оказалось много от моего собственного видения. Танцоры, как мужчины, так и женщины, держались за руки, образуя большой круг, а в центре его стояло дерево, выкрашенное в красный цвет. Большая часть ветвей на нем была срезана, а на оставшихся были еще высохшие листья. Все это в точности походило на ту часть моего видения, где священное дерево тоже стояло, а круг мужчин и женщин, взявшихся за руки, был похож на священный круг жизни, в котором заключалась сила, способная заставить вновь зазеленеть это дерево. Я заметил также, что священные подношения, принесенные людьми, были красного цвета, как и в моем видении. Лица людей были также раскрашены алой краской. Во время обряда они тоже пользовались трубкой и орлиными перьями. Я сел и с грустью стал наблюдать за танцующими. Казалось, все это каким-то непонятным образом пришло из моего видения, а я сам еще ничего не сделал, чтобы заставить зазеленеть дерево.

⁶⁷ Короткий Бык (1845-1915) -знахарь из племени брюле дакотов, один из лидеров движения «пляски духов» среди сиу. После визита к Вовоке, провозгласил себя посланником мессии к дакотам и стал активно призывать к бойкоту культуры белых, отказу от контактов с ними, к «пляске духов». Придал учению Вовоки радикальную окраску, призывая противостоять солдатам, в 1890 г. наводнившим резервации для усмирения индейцев. После поражения вел обычную жизнь резервационного индейца.

И тут меня вдруг охватило ощущение великого счастья. Конечно же, это было напоминанием мне сразу приступить к работе и помочь моему народу вернуться в священный круг жизни и вновь пойти священным порядком по красной дороге, как пожелали силы Вселенной, составляющие вместе одну силу. Я вспомнил, как духи взяли меня с собой к центру земли, показали мне все, что есть доброго, и объяснили, как моему народу добиться процветания. Вспомнилось также и то, как шесть праотцев рассказали мне, что с помощью их силы я должен буду вдохнуть в народ жизнь и как зазеленеет священное древо. Я готов был поверить, что мое видение, наконец, начинает сбываться и поэтому чувствовал себя очень счастливым.

Отправляясь к месту пляски, я думал только посмотреть и узнать, во что верят люди, но теперь я решил остаться и использовать ту силу, что была дарована мне. В тот день пляска подходила к концу, но ее собирались начать на следующее утро, и я готов был плясать вместе со всеми.

XXII. ВИДЕНИЯ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

И вот на следующее утро я облачился в священные одежды и пошел к людям, стоявшим вокруг засохшего древа. Добрый Гром, который был родственником моего отца, а позже женился на моей матери, обнял меня и повел в центр к священному древу. Остановившись около него, он начал молиться за меня: «Отец, Великий Дух, узри этого юношу. Пусть на него снизойдут твои откровения». А потом заплакал.

Мне вспомнились отец, брат и сестра, которых теперь не было со мной, и я тоже не смог сдержать слез. Я поднял голову вверх, чтобы остановить их, но слезы все равно текли по щекам, и пока плакал, я видел перед собой свой народ, охваченный отчаянием. Я думал о своем видении, о том, что народ мой должен будет найти на этой земле место, где он обретет счастье, думал о теперешних людях, которые идут по дороге бед, и о том, что быть может их можно вернуть назад, в круг жизни, на дорогу добра. Так я стоял у засохшего древа и оплакивал его гибель. В слезах я молил Великого Духа вернуть ему жизнь, зеленые листья и поющих птиц, как в моем видении.

Потом по всему моему телу прошла сильная дрожь. Я знал - в меня вселяется сила. Добрый Гром взял меня за одну руку, а Медведь Лягается - за другую, запели песнь и начали пляску:

Кто это грядет, кто грядет сюда?

Тот, кто пришел за своей матерью!

Это была песня, которую запоют умершие, входя в потусторонний мир и разыскивая своих сородичей, пришедших туда раньше их.

Танцуя, я почувствовал знакомое головокружение. Мне казалось, что я отделяюсь от земли. Однако видение в этот первый день не посетило меня. Ночью я думал о потустороннем мире и о том, что там находится сам Ванекиа вместе с моим народом. Может быть, священное древо из моего видения действительно расцвело, и там в потустороннем мире видение сбылось? Из центра земли мне открылись все полезные и прекрасные вещи в большом круге мира. Может быть, в ту самую землю, что я видел в своем видении, и движется мой народ, и там уже не будет васичу, и все заживут счастливо?

На следующий день перед началом пляски Медведь Лягается обратился к Великому Духу с молитвой: «Отец, Великий Дух! Вот они, эти люди! Сегодня они увидят своих умерших сородичей и там будут всегда счастливы, счастьем их не будет конца».

Потом мы все встали в круг, взялись за руки и начали пляску. Почти все плакали и рыдали, а некоторые смеялись от счастья. Время от времени кто-нибудь, словно подкошенный, падал на землю от изнеможения и его посещали видения, а мы продолжали плясать и петь. Многие, рыдая, молились о возврате старой жизни и прежней религии.

Вдруг голова у меня закружилась еще сильнее. Потом мне показалось, будто в ноги вцепились полчища муравьев. Как и другие, я плясал и пел с закрытыми глазами. Вскоре я почувствовал, что раскачиваюсь, не касаясь земли. Я все сильнее и сильнее раскачивался, словно на качелях. Мне было совсем не страшно. Наоборот, меня всего охватывало счастливое успокоение.

Потом, должно быть, я упал, однако упал словно бы с качелей, и теперь летел по воздуху вперед головой, с распростертыми руками. Вскоре я увидел орлиное перо, потом оно превратилось в пятнистого орла, который стал плясать, хлопая крыльями и издавая свой обычный пронзительный посвист. Тело мое застыло, но сам я летел, глядя вперед.

Впереди показался гребень горы. Я подумал, что сейчас врежусь в него, однако перелетел прямо над ним. По другую сторону гребня я увидел прекрасную землю, на которой расположился лагерь в виде круга. Я заметил, что люди здесь выглядят счастливыми. Везде царил изобилие, тут и там стояли рамы с развешенным для сушения мясом. Воздух был чист, и все кругом было озарено прекрасным светом жизни. Вокруг лагерного круга в зеленой, сочной траве паслись сытые и здоровые лошади. Зеленые холмы кишели всяким зверьем, и счастливые охотники с песнями несли домой богатую добычу.

Я парил над ними, а потом вдруг стал спускаться вниз прямо в центр круга, где стояло прекрасное дерево, все в зелени и цветах. Когда я коснулся земли, ко мне подошли двое мужей, одетые в особые священные рубахи и произнесли: «Еще не пришло время тебе увидеть отца, который живет здесь и счастлив. Нужно сделать важную работу. Мы дадим тебе то, что ты отнесешь к своим людям. С помощью этих вещей они смогут прийти сюда и повидать любимых родичей.

Я понял, что они имеют в виду свои священные рубахи, которые я должен передать людям. Мужья приказали мне тотчас возвращаться, и я тут же опять быстро полетел по воздуху. Когда я подлетел к месту пляски, люди все еще танцевали, но молча. Я надеялся увидеть засохшее дерево зеленым и цветущим, но оно по-прежнему было мертво.

Потом душа моя вернулась обратно в тело, и сразу же повсюду раздались голоса, а сам я, как оказалось, сидел на земле. Вокруг меня толпились люди, все спрашивали, какие видения явились мне. Я рассказал им все, что видел, и о тех священных рубахах, которые были на двух мужах.

В тот же вечер некоторые из нас собрались в типи Большой Дороги и принялись за изготовление священных рубах, таких, как я видел. На следующий день я с утра до самой ночи кроил рубахи духов и расписывал их священными знаками из своего видения. Делая рубахи, я размышлял о своем видении, и мне казалось, что если в этом мире сделать так, как оно велит, то дерево вновь зазеленеет здесь, на земле.

Первую рубаху я изготовил для Бойтсы Ястреба, а вторую—для сына Большой Дороги.

Вечером я вырезал священный жезл похожий на тот, что я видел в своем первом видении, и выкрасил его в красный цвет священной краской, которую дал Ванекиа. К верхнему концу жезла я прикрепил одно орлиное перо. С этим жезлом, одетый в священную рубаху, я и плясал.

Поскольку я обладал священным видением и силой, полученной от него, на следующее утро меня попросили возглавить пляску. Мы все выстроились в одну линию лицом к западу, и я произнес молитву: «Отец, Великий Дух, узри меня! Народ мой пребывает в отчаянии. Ты возвестил о новой земле, ты показал мне ее. Пусть и народ мой тоже увидит

ее». После молитвы все протянули правые руки в сторону запада и начали плакать. Пляска еще не начиналась, а некоторые уже с рыданиями падали в обморок. Во время этой пляски меня, как и вчера, охватило головокружение и тело словно поднималось над землей. Медведь Лягается и Добрый Гром держали меня за руки. Некоторое время спустя мне показалось, что они куда-то пропали, а я опять парю над землей с распростертыми руками. И вновь впереди танцевал пятнистый орел, слышались его пронзительный посвист и крик. Впереди опять показался гребень горы, за которым все явственней слышался гулкий раскатистый грохот, а из самого гребня вырывались языки пламени. Однако я плавно перелетел через его вершину и увидел шесть деревень, раскинувшихся в прекрасной зеленой долине, озаренной живительным светом. Я перелетел и через них, опустился на южной стороне у шестой деревни. Стоило мне коснуться земли, как тут же передо мной появились двенадцать мужей и сказали: «Ты увидишь отца нашего, двуногого вождя».

Они повели меня в центр лагеря, где я опять увидел священное дерево, покрытое свежей листвой и цветами. Но это было еще не все. Напротив священного древа стоял человек, широко раскинув руки. Я пристально всматривался в него, но так и не смог определить, к какому народу он принадлежит. Он не был похож ни на васичу, ни на индейца. Его длинные волосы свободно ниспадали на плечи, слева в волосы было воткнуто орлиное перо. Тело, расписанное красной краской, было очень хорошо сложено. Я силился узнать его, но не мог. Пока я всматривался, тело его начало излучать все цвета радуги, а сам он нараспев произнес: «Я таков, что все живое на этой земле принадлежит мне. Твой отец, Великий Дух, сказал об этом, и ты должен сказать так же».

И он сразу исчез, словно язык пламени, задутый ветром.

Тогда двенадцать мужей, что стояли рядом, произнесли: «Гляди, такой будет жизнь твоего народа!»

Я опять увидел, каким прекрасным будет новое время - голубое небо излучало живительный желтый свет на зеленеющую землю. Все люди вокруг были радостными и юными. Не было ни стариков, ни детей, а только красивые люди одного возраста. Затем передо мной появились двенадцать женщин: «Гляди! Эту жизнь ты принесешь на землю», - сказали они. После их слов с запада послышалось пение. Я запомнил слова песни. Затем один из двенадцати мужей взял в руки два прута, один, выкрашенный в белый, а другой в красный цвет. Воткнув их в землю, он произнес: «Возьми их! В них твоя сила. Спеш!»

Я сделал несколько шагов, и тут словно сильный ветер, подув снизу, подхватил и понес меня. Раскинув руки, я быстро полетел вперед. Тут на моем пути показалась ужасная черная река, вода в ней ревела, бурлила и пенилась. Посмотрев вниз, я увидел много мужчин и женщин, все они тщетно пытались переправиться через эту темноводную и страшную реку. Они смотрели вверх и со слезами на глазах молили: «Помоги нам!», но я летел, и не мог остановиться. Сильный ветер все нес и нес меня вперед.

Потом я вновь увидел соплеменников, которые плясали танец духа, и душа вернулась в мое тело, лежавшее на земле. Приподнявшись, я сел, а вокруг стал толпиться народ, желая узнать, какое видение посетило меня на сей раз.

Я стал петь песни, и в них рассказал об увиденном, а старики объясняли их значение остальным. Я спел песнь, которая состояла из тех слов, что сказал мне стоявший рядом с цветущим деревом. Мелодия этой песни была та, что донеслась с запада после слов двенадцати женщин. Четыре раза пропел я эту песнь и тут все люди стали плакать, оттого что васичу забрали у нас наш прежний прекрасный мир.

Я все думал и думал об этом видении. Шесть деревень, должно быть, означали Шестерых Праотцев, которых я видел давным-давно в Типи Плавающей Радуги. Прилетев в шестую деревню, я, наверное, прибыл к самому Шестому Праотцу, Духу Земли, потому что я

должен был выступить от его имени здесь, на земле. Я спрашивал себя - быть может, Ванекиа и есть тот самый красный муж из моего видения, который превратился в бизона, а потом в траву с четырьмя лучами света, траву утренней звезды, траву постижения мудрости. А двенадцать мужей и двенадцать жен, как мне казалось, означали число лун в году.

XXIII. ПРИШЛА БОЛЬШАЯ БЕДА

Пока все это происходило, лето близилось к концу. Я не знал всего того, что творилось в других местах, однако кое-какие слухи доходили, а еще больше я узнал потом. Когда Добрый Гром и Медведь Лягается вернулись весной в Пайн-Ридж после встречи с Ванекией, васичу посадили их в тюрьму, а потом отпустили. Было ясно, что они чего-то опасаются. В месяц, когда чернеет вишня (август) в лагере Безводный что на ручье Глина, в Пляске Духов принимало участие много народу. Приехал агент и приказал им прекратить пляску. Но люди отказывались подчиниться, они отвечали, что если придется, будут сражаться за свою веру. Агент уехал, а люди продолжали плясать. Индейцы прозвали этого агента Молодым-Человеком-Который-Бойтся-Лакотов.

Позднее я узнал, что в это же время к востоку от нас плясали брюле, а в резервации на реке Доброй плясали люди Большой Ноги. Слышал и о том, что Медведь Лягается пришел в лагерь Сидящего Быка на Гранд-Ривер, и что там люди тоже пляшут. До нас дошли вести о том, что индейцы начинают плясать повсюду. Кругом царили голод и отчаяние, и многие поверили в тот хороший мир, который должен был наступить. Васичу выдали нам мясного скота меньше половины против того, что обещали по договору, и к тому же весь этот скот был сильно отощавшим. Сначала наши люди не хотели брать этих животных, так мало их было и так сильно они исхудали. Но потом пришлось все же забрать их, иначе все умерли бы с голоду. Вообще, нам досталось больше лживых обещаний, нежели мяса, но мы не могли питаться одними словами. И когда агент приказал прекратить обряд пляски, сердца людей наполнились ненавистью.

С пляски в Вундед-Ни я поехал к брюле, которые в это время стояли лагерем на ручье Резаного Мясa... Я захватил с собой шесть рубах, сделанных наподобие тех, что я видел в своем видении на двенадцати мужах, и шесть платьев как у двенадцати женщин. Все это я отдал брюле, а они сами наделали себе подобных одежд.

У брюле мы опять плясали, и меня вновь посетило видение. Мне явилась Пылающая Радуга, совсем как та, что я видел в своем первом великом видении. Под радугой стояло типи, сделанное из облака, а надо мной в вышине парил пятнистый орел, который сказал: «Помни об этом». Вот все, что я видел и слышал в своем видении.

С той поры я много думал обо всем этом. Мне кажется, что здесь-то и была моя самая большая ошибка. Меня посетило когда-то величайшее видение, и мне надо было полагаться только на него. А я стал прислушиваться к более мелким видениям, которые стали являться во время плясок на ручье Вундед-Ни. Быть может, видение Пылающей Радуги призвано было предостеречь меня, а я не внял ему. Я перестал полагаться на великое видение, я стал рассчитывать на два прутика, которые видел во время малого видения. В нашем мире тьмы и неизвестности то и дело меняющихся теней очень трудно следовать одному какому-либо великому прозрению. Люди теряют свой путь среди этих теней.

Когда я покинул брюле, заметно холодало. Со мной ушло много людей этого племени, которые присоединились потом к Пляске Духов в Вундед-Ни. До нас дошли слухи, что в Пайн-Ридже стоят солдаты, и что с каждым днем их становится больше и больше. Затем

однажды утром мы услышали, что солдаты движутся к нашей стоянке. Разобрав лагерь, мы перебрались западнее к Грасс Крик, а оттуда к ручью Белая Глина, где на некоторое время остались и продолжили пляску.

Тут к нам прибыли Огненный Гром, Красная Рана, Американская Лошадь-младший с посланием от солдат, в котором говорилось, что дело с Пляской Духов надо внимательно рассмотреть и как-то упорядочить, и что они не хотят совсем запрещать пляски. Но разве могли мы верить тому, что говорили васичу? Ведь языки у них раздвоенные.

Мы переехали поближе к Пайн-Риджу и стали там лагерем. Теперь здесь находилось очень много солдат. Для чего же они пришли? Агент устроил большой совет, но я не пошел туда. Он издал указ, что можно соблюдать обряд Пляски Духов лишь три дня каждый месяц, а остальное время люди должны где-нибудь работать. Он не разъяснил нам, где найти работу, но люди согласились. На следующий день, когда мы сидели в типи с Добрым Громом, вошел один из полицейских и сказал: «Меня сюда никто не посылал. Я пришел только ради вас, чтобы предупредить, что вас двоих собираются арестовать». Добрый Гром посчитал, что надо уходить к брюле, которые в это время стояли лагерем на Вундед-Ни ниже Мандерсона. И тем же вечером мы оседлали лошадей и пустились в путь. Пересекли ручьи Перец, Белая Лошадь и вдоль по Вундед-Ни добрались до брюле. Они были рады видеть нас.

Утром по лагерю прошел глашатай и объявил о созыве совета. На нем я обратился к брюле. Я сказал им: «Родичи мои, мы с вами делаем одно дело. Благодаря ему нас посетили видения. В этих видениях мы видели и слышали в потустороннем мире своих умерших родственников. Сейчас они находятся вместе с Ванекией. Если васичу хотят сражаться с нами, пускай делают это. Наберитесь мужества, укрепитесь в желании, ведь за нами стоят души умерших, которые живут в грядущем мире».

К нам присоединились другие брюле, с ручьев Дикобраз и Медисин-Рут и все вместе мы переехали вниз по Вундед-Ни к реке Дымная Земля (Уайт-Ривер). В наш лагерь явился Черный Плащ (католический священник) и пытался уговорить нас вернуться в агентство. Наши люди отвечали ему, что все обещания васичу никуда не годятся; все, что они обещали когда-то, оказалось ложью. Лишь несколько оглалов ушли с Черным Плащом. Сам он, однако, был хорошим человеком. Той зимой во время резни на Вундед-Ни его тяжело ранили. Это был добрый человек, не похожий на других васичу.

С реки Дымная Земля мы переехали в местечко Хай Покетс, что к юго-западу от Кани Тейбл, высочайшего плато в центре Дурных Земель. Во время нашего пребывания там к нам пришли Американская Лошадь и Быстрый Гром. Оба они были вождями и пришли, чтобы привести нас назад в Пайн-Ридж. Оглалам пришлось подчиниться. Брюле же отказались это сделать и пытались удержать нас. Завязалась даже небольшая борьба, но мы все же ушли, потому что у нас не было выхода. Однако Медведь Лягается остался у брюле. Тем не менее некоторое время спустя и он вернулся в Пайн-Ридж. Вообще же из брюле с нами мало кто вернулся. Мы стали лагерем на Уайт-Ривер, потом перенесли его на Белую Глину, затем на Шайенн-Ривер, севернее Пайн-Риджа. Здесь же поблизости разбили свой лагерь почти все оглалы.

Примерно в это время с севера к нам пришла дурная весть. Мы узнали, что полицейские из Стэндинг Рока прибыли на Гранд-Ривер, чтобы арестовать Сидящего Быка, а он не позволил этого сделать. Произошла схватка, в которой Сидящего Быка убили.

Близилась к концу луна трескающей коры, и мне исполнилось 27 лет (декабрь 1890 г.). Мы услышали, что из Дурных Земель идет вождь Большая Нога почти с четырьмя сотнями людей, в том числе некоторые лакоты из рода Сидящего Быка. Они бежали после убийства своего вождя и присоединились к Большой Ноге на Гранд-Ривер. У Большой Ноги было всего лишь около ста воинов, а все остальные - женщины, старики и дети. Все

они жестоко голодали и замерзали от холода, а сам Большая Нога был так сильно болен, что его пришлось везти всю дорогу на волокуше. Сначала они скрывались в Дурных Землях, а теперь из-за голода и морозов возвращались назад в Пайн-Ридж. Перейдя реку Дымная Земля, они прошли до самых истоков ручья Медисин-Рут Крик. Там их и нашли солдаты. У васичу было прекрасное оснащение, они не мерзли и не голодали. Солдаты настигли Большую Ногу у холма Дикобраз. Индейцы сдались и пошли вместе с ними к ручью Вундед-Ни, туда, где сейчас стоит торговая лавка Бренана.

К вечеру мы узнали, что Большая Нога стал там лагерем вместе с солдатами. Это примерно в 15 милях от нас, если ехать по старой дороге. А на следующий день случилось нечто страшное.

XXIV. РЕЗНЯ В ВУНДЕД-НИ⁶⁸

В тот вечер, еще до того, как все случилось, я поехал в Пайн-Ридж и услышал о приходе Большой Ноги. Пока я находился там, солдаты все время продвигались к его лагерю, и к утру их набралось до пятисот человек. Когда я увидел, как солдаты выходили из агентства, я почувствовал, что непременно должно случиться что-то страшное. Всю ночь я не мог сомкнуть глаз, и большую часть ночи просто бродил вокруг.

На утро я отправился за своими лошадьми, и по пути услышал звуки стрельбы. Я определил, что это, должно быть, ружья на фургонах (пушки). Каждый выстрел заставлял меня содрогаться. Я чувствовал, что происходит что-то ужасное. Когда я возвратился с лошадьми обратно в лагерь, ко мне подскочил человек и вскричал: «Хей-хей-хей! Стреляют в наших соседей! Я точно знаю!»

Я оседлал свою каурюю лошадь и надел священную рубаху, ту, что сделал специально для себя. На спине распротер крылья пятнистый орел, а на левом плече сияла утренняя звезда - когда стоишь лицом на юг, это плечо всегда обращено к востоку. Через всю грудь от левого плеча до правого бедра была изображена пылающая радуга. Другая радуга повисла на шее, как ожерелье, а под ней звезда. С каждого плеча, локтя и запястья свисало по орлиному перу. Со всех сторон рубаха была расписана красными полосами молний. То были знаки из моего великого видения, и ты услышишь, как они защитили меня в тот день.

Все лицо я выкрасил красной краской, а в волосы воткнул орлиное перо в честь Великого Духа. Собрался я быстро, звуки стрельбы еще не прекратились. Я выехал один по старой дороге, которая шла через холмы к Вундед-Ни. У меня не было ружья; я держал лишь священный лук запада, который видел в своем видении. Не успел я отъехать, как меня догнала группа молодых людей на лошадях. Первыми, кто подъехал, были Любит Войну и Железный Васичу. Я спросил, что они намерены делать. Они ответили, что едут просто разузнать, где стреляют. За ними поскакали другие, в том числе несколько пожилых людей.

Нас теперь было примерно человек двадцать. Стрельба слышалась все ясней и ясней. Навстречу галопом скакал какой-то человек, который успел крикнуть: «Хей-хей-хей! Их всех перебили!», хлестнул лошадь и еще быстрее понесся к Пайн-Риджу. Скоро мы добрались до гребня горы, откуда, если посмотреть на восток, сейчас видна церковь и общая могила. Отсюда и началась эта страшная резня. Прямо на юго-запад от этого места проходит глубокая извилистая лощина, которая тянется почти до самой вершины, где мы

⁶⁸ В этой и последующих главах Черный Лось описывает печально известные события, связанные с резней 300 индейцев сиу у ручья Вундед-Ни.

стояли. Лощина эта безымянна, однако васичу сейчас иногда называют ее ручьем Битвы. Мы остановились на этом гребне неподалеку от начала высохшей лощины. Ружья на фургонах все время били по возвышенности и вдоль лощины. Повсюду слышались выстрелы, стоны и крики. Кавалеристы носились по холмам, скакали вдоль лощины и стреляли в бегущих женщин и детей, которые пытались спастись в овражках и за чахлыми сосенками.

Прямо впереди, где начиналась лощина, сбились в кучу несколько женщин и детей. Подскакавшие кавалеристы направили на них свои ружья. Мы придержали коней за гребнем, и я обратился к своим спутникам: «Мужайтесь. Там наши сородичи. Попытаемся спасти их». И все мы разом запели:

Я - из племени Духов Громовых.

Я - из племени Духов Громовых.

Я говорю: вы будете жить.

Я говорю: вы будете жить,

Вы будете жить.

Вы будете жить.

А потом я галопом перемахнул этот гребень, а за мной остальные. С криком: «Мужайтесь! Пришло время сразиться!» - мы понеслись вперед. Завидев нас, солдаты, державшие на прицеле женщин и детей, дали залп в нашу сторону, а затем бросились врассыпную. За ними последовали другие кавалеристы с той стороны лощины. Мы же забрали своих сородичей и помогли им перебраться за гребень горы, к северо-западу, где они были в безопасности. Ружья у меня не было, и когда мы бросились в атаку, я просто держал в правой руке прямо перед собою священный лук. И ни одна пуля нас не задела.

В лощине мы нашли маленькую девочку. Я не мог сразу взять ее с собой, но позже я забрал ребенка, и кто-то из соплеменников удочерил ее. В ту минуту я успел лишь завернуть ее в покрывало и оставил на месте. Здесь она была в безопасности, а меня ждали другие дела.

Кавалеристы бежали на восток за холмы, где находились другие солдаты. Там все они спешили и залегли. Я попросил своих спутников придержать лошадей, а сам атаковал их, держа в правой вытянутой руке священный лук. Все солдаты стали стрелять в меня, вокруг свистели пули. Я подъехал совсем близко к ним, и только тогда развернулся и поскакал обратно. Солдаты с той стороны лощины тоже стреляли в меня. Но назад я вернулся целым и невредимым. Все больше и больше лакогов, услышав стрельбу, прибывали из Пайн-Риджа. Мы вторично все вместе бросились в атаку на васичу. Солдаты побежали на восток, туда где резня началась. А мы преследовали их по высохшей лощине. То, что мы увидели на своем пути, было ужасно: кругом лежали мертвые и раненые женщины, дети, грудные младенцы. Солдаты преследовали несчастных и убивали их. Время от времени попадались груды мертвых тел, наваленных друг на друга - солдаты расстреливали жавшихся друг к дружке людей. Некоторые из убитых были разорваны в куски ружьями на фургонах. Я видел младенца, который пытался сосать грудь своей мертвой окровавленной матери.

Здесь же, в лощине, нам попались два маленьких мальчика. У них были ружья, и они сами стреляли в солдат. Мы даже видели тех васичу, которых они убили. Мальчики оказались здесь совершенно одни, но не испугались. Это были очень храбрые ребята.

Когда мы отогнали солдат, они окопались. У нас было мало людей, чтобы выгнать их оттуда. Под вечер они строем ушли вверх по ручью Вундед-Ни, и тогда нам открылось все, что они сотворили. У подножия той небольшой возвышенности, где солдаты установили ружья на фургонах, груды лежали мертвые мужчины, женщины, дети. А к западу, вверх по высохшей лощине, до самого гребня все было усеяно убитыми

женщинами, детьми и грудными младенцами. Когда я увидел все это, мне самому захотелось умереть. Нет, мне не было жалко их. Они были счастливы в потустороннем мире, и мне тоже хотелось быть там вместе с ними. Но перед уходом в иной мир я желал отомстить. Я думал о том дне, когда мы сможем расплатиться с солдатами.

Уже после ухода солдат мой друг Вождь Собак рассказал мне, как все это началось. Сам он был там, стоя рядом с Желтой Птицей, когда началась резня. Вот как это было.

Утром солдаты стали отбирать ружья у людей Большой Ноги, которые расположились лагерем на открытом месте, немного ниже той небольшой возвышенности, где сейчас находятся памятник и кладбище. Люди сложили вместе почти все свои ружья и даже ножи рядом с типи, где лежал больной вождь Большая Нога. Повсюду вокруг в это время стояли солдаты, люди были почти полностью окружены; на них в упор смотрели ружья на фургонах.

Некоторые еще не сдали оружие, и потому солдаты рыскали по всем типи, раскидывая вещи и перевертывая все вверх дном. Прямо перед типи Большой Ноги стоял человек по имени Желтая Птица и еще один лакота. Оба они завернулись в белые простыни с прорезями для глаз. Под простынями у них были ружья. Один из офицеров подошел, чтобы обыскать их. Он забрал оружие у одного человека, а потом стал отнимать ружье у Желтой Птицы. Тот не желал уступать и стал бороться с офицером. Во время этой борьбы ружье выстрелило и убило офицера. Васичу и некоторые другие говорили, что Желтая Птица сделал это намеренно, однако Вождь Собак, который стоял совсем рядом, рассказывал мне, что все было не так. Как только ружье выстрелило, какой-то офицер выстрелил в Большую Нogu, который лежал больной в типи, и убил его. После этого уже никто не сознавал, что происходит. Все солдаты разом принялись стрелять. Ружья на фургонах начали вести огонь прямо по самой гуще людей.

Многих застрелили тут же. Женщины и дети бросились бежать в лощину и к горам на западе. Пули солдат настигали их. На пятьсот солдат приходилась лишь одна сотня наших воинов. Эти воины кинулись к куче сваленных ружей и ножей. Они дрались с солдатами врукопашную, пока не добрались до ружей.

Вождь Собак видел, как Желтая Птица забежал в типи и стрелял оттуда в солдат, пока жилище не охватил огонь. Тут он и умер, весь изрешеченный пулями.

Все это происходило в погожий зимний день. Ярко светило солнце. Но после того, как солдаты ушли, сделав свое грязное дело, погода испортилась - пошел густой снег, а ночью задул ветер, он принес с собой буран. Сильно похолодало. Извилистую лощину глубоко засыпало снегом и она превратилась в одну большую могилу для убитых женщин, детей и грудных младенцев, которые никому не сделали зла, а лишь пытались спастись бегством.

XXV. КОНЕЦ МЕЧТЫ

После того, как ушли солдаты, мы вместе с Красным Вороном отправились обратно в Пайн-Ридж. Я вез с собой ту девочку, о которой рассказывал. Красный Ворон тоже подобрал одного ребенка.

Мы ехали назад к Пайн-Риджу, думая, что здесь все мирно и спокойно. Но это было не так. Во время нашего отсутствия вблизи агентства произошла схватка и наши люди покинули его. Они ушли так быстро, что оставили на месте все типи.

Уже смеркалось, когда мы обогнули Пайн-Ридж с севера, там где сейчас стоит больница. По дороге нас обстреляли солдаты. Мы въехали в покинутый лагерь, кругом не было ни

души. Мы очень проголодались, ведь мы ничего не ели с самого утра, и потому стали заглядывать в разные типи, пока в одном не нашли котелок с сушеным мясом (папа). Усевшись, мы принялись за еду. Тут солдаты стали стрелять в типи и одна пуля просвистела прямо между мною и Красным Вороном, обдав пылью наш котелок. Но мы продолжали трапезу до тех пор, пока наелись. Если бы та пуля поразила меня, я умер бы с неразжеванным мясом-папа во рту. Потом мы взяли детей и поехали по следам наших людей, которые бежали вниз по ручью Белая Глина.

Уже поздно ночью добрались мы до того места, где заночевали наши. Подул ветер со снегом, а люди сидели без всяких укрытий у небольших костров. Я услышал голос своей матери. Она напевала песню смерти, поскольку была уверена, что я погиб. Увидев меня живым, она была так рада, что не переставая плакала от радости. Женщины, у которых было молоко, накормили привезенных нами младенцев. Кажется, в ту ночь никто, кроме маленьких детей, не сомкнул глаз. Снег шел не переставая, а у нас совсем не было типи.

Когда стало светать, мы собрали военный отряд и я отправился вместе с ним. Однако на сей раз я захватил с собой ружье. Вчера, когда я поскакал вместе со всеми к Вундед-Ни, у меня был лишь священный лук, не годный для стрельбы. Я тогда чуть сомневался в учении Ванекии и вовсе не хотел кого-либо убивать. Но после того, что я увидел позже, во мне загорелась жажда мести. Теперь я хотел убивать.

Перейдя ручей Белая Глина, мы направились вверх по его течению, держась западного берега. Вскоре до нас донеслись звуки стрельбы многочисленных ружей. Мы устремились на запад, по склону, туда, где шел бой. Стрельба шла рядом с мессией, и следы пуль остались на здании до сих пор. С того гребня, на который мы въехали, было видно, что лакоты находились по обе стороны ручья и вели огонь по солдатам, двигавшимся вниз по ручью. Посмотрев вниз, мы заметили небольшой овражек, а за ним находился большой холм. Мы пересекли овражек и въехали на склон холма. Здесь и шла схватка. Один из лакотов крикнул мне: «Черный Лось, вот славный день, чтобы совершить что-нибудь великое!» Я ответил «Хау!»

Спешившись с лошади, я обтерся землей, чтобы показать Силам, что я ничто без их помощи. Потом взял с собой ружье, вскочил на лошадь и галопом понесся к вершине холма. Снизу стреляли солдаты. Мои товарищи удерживали меня, кричали, что среди солдат есть хорошие стрелки и я погибну напрасно.

Но я помнил свое великое видение, ту его часть, где появляются гуси севера. Сила их передалась мне. Раскинув руки подобно низко летящему гусю, я поскакал вперед, издавая крик гусей - «бр-рр-п, бр-рр-п, бр-рр-п». Солдаты заметили меня и принялись обстреливать еще сильнее, а я все скакал на лошади, и когда оказался совсем близко от них, то выстрелил по ним в упор, а после развернулся и помчался назад. Все это время вокруг жужжали пули, но ни одна из них меня не задела. Мне совсем не было страшно. Все было как во сне. Но едва достигнув вершины холма, я словно пробудился, и тут-то мне стало страшно. Я опустил руки и перестал издавать гусиный крик. И едва только я сделал это, меня что-то сильно ударило в пояс - как будто кто-то стукнул меня обухом топора. Я едва не выпал из седла, однако сумел удержаться и переехал через гребень холма.

Рядом оказался один старик по имени Защитник. Он подбежал и поддержал меня, потому что я просто валился с лошади. Я покажу тебе, где меня поразила пуля - в бок через живот (Черный Лось показал длинный глубокий шрам в области живота). Мои внутренности вываливались наружу. Защитник разорвал одеяло на полосы и обвязал ими меня, чтобы удержать внутренности в животе. Чуть опомнившись, я стал неистово рваться в бой и просил Защитника: «Помоги мне сесть на лошадь! Пусти меня назад. В такой день не стыдно умереть. Я вернусь туда!». Однако Защитник ответил: «Нет, юный мой племянник! Сегодня тебе нельзя умирать. Это было бы очень глупо. Ты нужен своему

народу. Позже еще предоставится возможность умереть». Он усадил меня в седло и повел лошадь вниз по склону холма. Вскоре я почувствовал себя очень плохо.

К этому времени нам казалось, что солдаты вот-вот будут разбиты, однако потом я узнал, что им на подмогу пришли черные васичу, и нашим пришлось отступить. В этой мессии находилось много наших детей. Сестры и священники заботились о них. Но я слышал, что были и такие сестры и священники, которые прямо в разгар сражения отказывали в помощи раненым и лишь молились. Один человек по имени Маленький Солдат принял меня из рук Защитника и увел в лагерь. Пока мы сражались там У мессии, наши бежали к О-она-гази (убежище, возвышенное плато в Дурных Землях с отвесными склонами, совершенно неприступное, кроме одной узкой полоски земли, которую легко оборонять-ред.) и стали лагерем на его вершине, где женщины и дети были бы в безопасности от солдат. Здесь с нами был старик Пустой Рог, очень могущественный знахарь. Он пришел исцелить мою рану. Через три дня я уже мог ходить, но живот у меня все еще был обмотан куском одеяла. Уже почти в разгаре был месяц, когда мороз проникает в типи (январь). До нас дошли слухи, что солдаты находятся на реке Дымная Земля и идут сюда, чтобы напасть на нас. Нам также стало известно, что они остановились в местечке Черное Перо. Сразу же около 60 человек вышли на военную тропу, чтобы найти их. Моя рана еще не совсем зажила, но мне никак не хотелось оставаться, и, как ни удерживала меня мать, я присоединился к ним, ведь после того, что я увидел в Вундед-Ни, я искал любую возможность, чтобы убивать солдат.

Мы поехали вниз по течению Грасс-Крик к реке Дымная Земля и, переправившись через нее, продолжили свой путь по ее течению. Скоро с вершины одного маленького холма мы заметили фургоны и кавалеристов, охранявших их. Заметив нас, солдаты стали делать из фургонов загон и готовиться к сражению. Спешившись, мы проползли холмами к маленькому бугру, откуда стали наблюдать за врагом. В это время несколько солдат вели на водопой оседланных лошадей вниз к небольшому ручью. Я сказал своим товарищам: «Если вы останетесь здесь и прикроете меня стрельбой, я добуду несколько хороших лошадей». Они знали о моей силе и поэтому согласились. Я верхом бросился вперед, а товарищи принялись стрелять в солдат. Я поймал семерых лошадей, но когда пустился назад, все солдаты заметили меня и начали стрелять. Они убили двух лошадей, но пять других я благополучно доставил в укрытие и сам остался невредим. Из захваченных лошадей я выбрал себе прекрасного гнедого, а своего старого коня отпустил на волю.

В это время к солдатам на помощь подоспел большой отряд кавалеристов, двигавшийся вверх по реке. Последовала жаркая схватка. Поскольку нас было мало, пришлось с боем отойти назад. Вдруг сзади я увидел бегущего Красную Кору, одного из наших товарищей. Он крикнул мне: «Племянник, у меня убили лошадь!» Я быстро поймал для него одну из солдатских лошадей и под сильным обстрелом солдат придержал ее для него. Так ненадолго я сам послужил Ванекией-спасителем. В этом бою тяжело ранили Длинного Медведя и еще одного лакота, имя которого я уже не помню, но нам удалось спасти их, унеся с собой. Солдаты не стали преследовать нас далеко в Дурные Земли и когда наступила ночь, мы благополучно вместе с ранеными въехали в О-она-гази.

Нам не терпелось собрать военный отряд побольше, чтобы наутро выйти и рассчитаться с солдатами, но сделать это было трудно, поскольку другие, сломленные голодом и холодом, не соглашались с нами. Тогда мы устроили совет, после которого все уже было согласилось выступить большим военным отрядом, как вдруг из Пайн-Риджа приехал Бойтс-Своих-Лошадей, чтобы заключить мир с Красным Облаком, который в это время находился в нашем лагере.

Наш отряд несмотря ни на что хотел пойти и сразиться с солдатами, но Красное Облако обратился к нам с такой речью: «Братья, зима выдалась очень суровая. Женщины, дети голодают и замерзают. Если бы сейчас было лето, я бы сказал - сражайтесь до конца.

Теперь же, однако, мы не можем решиться на это. Надо подумать о женщинах и детях, о том, что для них все это обернется большим несчастьем. Поэтому мы должны заключить мир, а я позабочусь о том, чтобы солдаты никого не тронули». Мы согласились с этим, потому что в его словах была правда. Поэтому на следующий день мы свернули лагерь и двинулись из своего укрытия в Пайн-Ридж, где уже было много лакотов. Там также было и очень много солдат. Они стояли двумя рядами, держа перед собой ружья, а мы в это время шли между ними к месту нашей стоянки. Так вот все и закончилось. Тогда я еще не все понимал, не знал, что с этими событиями еще что-то ушло. Теперь же, когда я оглядываюсь назад с этого высокого холма своей старости, перед моими глазами все еще лежат растерзанные женщины и дети в той извилистой ложине. До сих пор они стоят у меня перед глазами так же ясно, как в пору молодости. Я знал также, что там, на окровавленной земле, погибло что-то еще и было захоронено в снежном буране. Там умерла мечта народа. Это была прекрасная мечта.

А я, на которого в молодости снизошло такое великое видение - ты видишь сейчас, кто я - жалкий старик, который так ничего и не совершил, ведь круг жизни народа разорван и рассеян. Нет больше центра, и священное древо мертво.

ОТ АВТОРА⁶⁹

Черный Лось закончил свое повествование. Мы сидели на северной оконечности Кани Тейбл, окидывая взглядом «Дурные Земли» («красоту и таинство земли») - как повторял старик. Указывая на пик Харни, черная глыба которого вырисовывалась на горизонте, он сказал: «Туда в пору моей юности духи повели меня в видении к центру земли и показали все добро в священном кругу мира. Как хотелось бы мне встать там, на вершине, перед своей смертью; я хочу поговорить с Шестью Праотцами».

И тогда мы устроили восхождение на Пик Харни, и через несколько дней добрались до ее вершины. На пути к ней Черный Лось заметил своему сыну Бену: «Сегодня что-то должно случиться. Если у меня осталась хоть какая-нибудь сила, громовые духи услышат мой голос: по крайней мере должен быть небольшой гром и дождь». То, что произошло потом, для читателя-васичу покажется всего лишь поразительным совпадением. День был солнечным и безоблачным. Когда мы достигли вершины, небо по-прежнему было совершенно ясным. Стояла засуха, одна из сильнейших на памяти старика. Небо оставалось ясным до самого окончания обряда.

- Вон там стоял я во время своего видения, - указывая на оконечность скалы, сказал Черный Лось. - Только мир, что раскинулся внизу по кругу, был иным, ибо наблюдал я его глазами души.

Одевшись и раскрасив себя как во время своего великого видения, старик повернулся лицом к западу, держа в правой руке перед собой священную трубку. Потом он заговорил; тонко и жалобно прозвучал этот голос в безбрежном пространстве.

- Хей-я-я-хей! Хей-я-я-хей! Хей-я-я-хей! Праотец, Великий Дух, еще раз узри меня на земле и склонись, дабы услышать слабый мой голос. Ты начало начал, ты древнее любой нужды, старше всякой молитвы. Все живые существа принадлежат тебе - все двуногие, четвероногие, крылатые, вся зелень, имеющая жизнь. Силы четырех сторон света заставил ты пересекать друг друга. Дорогу добра и дорогу бедствий заставил ты пересечься - и место это священно. В тебе ежедневно и извечно жизнь всех вещей.

⁶⁹ Эпилог написан от лица Джона Гнейзенау Нейхардта.

Вот почему я обращаю к тебе свой голос, Великий Дух, праотец, помня обо всем, что создано тобою - звезды Вселенной и травы земные.

Когда я еще был молод и мог надеяться, ты сказал мне, что в трудную минуту я должен четырежды воззвать к тебе, поочередно к каждой из частей света, и ты услышишь. Сегодня я шлю к тебе свой голос во имя отчаявшегося моего народа.

Ты дал мне священную трубку и с ее помощью я совершаю свое подношение. Ты видишь ее сейчас.

С запада ты дал мне чашу живой воды и священный лук, власть оживлять и уничтожать. Ты дал мне священный ветер и траву из той страны, где живет белый великан - силу обновления и исцеления. Утреннюю Звезду и трубку, ты дал с востока, а с юга - священный круг жизни народа и дерево, предназначенное к цветению. К центру земли повел ты меня и показал добро и красоту, и таинство зеленеющей земли, единственной нашей матери. И там же духовный облик всех вещей, какими они должны быть, ты показал мне - и я увидел. Ты сказал, что в центре священного круга я должен заставить это дерево зазеленеть.

Струятся слезы, о Великий Дух, Великий Дух, праотец мой - слезы струятся, когда я признаюсь тебе в том, что то дерево так и не зацвело. Жалким стариком видишь ты меня, сломленным тяжестью лет, стариком, который так ничего и не совершил. Здесь в центре земли, куда ты водил меня в дни моей юности и наставлял, здесь я стою стариком, а дерево иссохло, о дед мой!

- Снова, и быть может, в последний раз на этой земле вспоминаю я о великом видении, что ты послал мне. Может быть, какой-нибудь малый корень священного дерева жив еще. Тогда вдохни в него жизнь, чтобы он оделся листвою и зацвел, и наполнился поющими птицами. Услышь меня, ведь не о себе я молю, а о своем народе - я стар. Услышь меня и сделай так, чтобы народ мой снова смог вернуться к священному кругу жизни и найти красную дорогу добра, и ограждающее дерево!

Мы, слушавшие его, обратили внимание, что в небе появились небольшие облачка. Стал накрапывать редкий холодный дождь. Послышались низкие раскаты грома. Слезы ручьями текли по щекам Черного Лося. Старик повысил свой голос и с тонким надрывным причитанием молвил:

- В печали обращаю я к вам слабый свой голос, о Шесть Мировых Сил! Услышьте меня в моем горе, ибо я могу уже больше никогда не воззвать... О дайте жизнь моему народу!

Старик еще некоторое время стоял молча, с поднятым кверху лицом, весь в слезах, под каплями дождя.

Вскоре небо очистилось и опять стало ясным...

Конец

Примечание:

Черный Лось (1863-1950) или Черный Олень, Эхака Сапа, был шаманом и провидцем из племени тетон-дакотов; принадлежал к роду оглала. Черный Лось явился свидетелем битвы при Литтл Биг-хорн в 1876 г., когда ему было 13 лет. Прочие события его жизни достаточно подробно изложены в книге «Говорит Черный Лось», надиктованной американскому поэту Джону Гнейзенау Нейхардту в 1932 г. Стоит только уточнить, что Черный Лось побывал в Европе в составе «Шоу о Диком Западе», развлекательной

программы, возглавленной известным пионером Американского Запада Баффало Биллом. Во время этой поездки вождь явился свидетелем так называемого Брильянтового Юбилея королевы Виктории в 1897 г.

Умер Черный Лось 17 августа 1950 г. в Мандерсоне, штат Южная Дакота, в возрасте 87 лет. У него было две жены: Кейт и Ангелина Биссонетте и двое сыновей: Ник и Бен Черный Лось.

Публикация и впоследствии широкая известность «Автобиографии» Черного Лося привлекла к его личности внимание этнографа Джозефа Эйпса Брауна, который встретился с ним в Небраске в 1947 г., когда Черный Лось был уже почти слепым и немощным старцем. Черный Лось надиктовал Экпсу свою вторую книгу: «Священная трубка: рассказ Черного Лося о семи обрядах оглала сиу» (1953). Переводчиком при создании книги служил Бен Черный Лось. По стилю и содержанию эта книга весьма близка «автобиографии» Черного Лося и служит важным вкладом в этнографию степных племен, особенно сиу.

Как и в случае с большинством «надиктованных» индейских автобиографий, в связи с книгой «Говорит Черный Лось» возникал вопрос о том, в какой мере рассказчик может считаться автором этого произведения. В первом издании Нейхардт поставил подзаголовок «рассказанная Джоном Г. Нейхардтом». В последующих, после обсуждения этой проблемы в печати и отдавая дань Черному Лося, Нейхардт счел необходимым видоизменить заголовок, отводя себе роль переводчика: «рассказанная через (посредством) Джона Г. Нейхардта».

С целью прояснения проблемы авторства исследователем Р. Дж. Де-Малли был издан полный текст записей Нейхардта, сделанных в период создания книги «Говорит Черный Лось». Книга называлась «Шестой Праотец. Учение Черного Лося, переданное Джону Г. Нейхардту» (1984). Из этого труда видно, что, создавая книгу, Нейхардт опустил кое-что из фольклорного материала, а также вставки некоторых спутников Черного Лося - Огненного Грома, Стоящего Медведя и других, тем самым придав повествованию композиционную целостность и сконцентрировав его вокруг того, чему придавал основное значение сам Черный Лось: великого видения и его влияния на его жизнь.